

"Все ведьмы делают это!"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Надежда ПЕРВУХИНА

ВСЕ ВЕДЬМЫ ДЕЛАЮТ ЭТО!

Как обещала, смиренно и почтительно посвящаю сей скромный труд Петру Николаевичу Пальцеву, самому человечному из всех вампиров и самому обворожительному — из оборотней...

P. S. Мой любимый, прости, следующее посвящение — точно тебе!

Автор

Возможно, вы не поверите мне. И даже подумаете, что я лгу. Ведь то, о чем я расскажу вам сейчас, случилось не в давние времена...

Акутагава Рюноскэ+

* * *

— А сегодняшний наш репортаж мы ведем из образцовой специальной женской колонии УЗИ 567-9000, где совместными трудовыми и педагогическими усилиями работников управления исполнения наказаний и, что самое главное, женщин-заключенных создана уникальная для нашего меркантильного и утратившего нравственные ориентиры времени община, воспитательному потенциалу которой поаплодировали бы и Антон Семенович Макаренко, и легендарные создатели Республики ШКИД!

Сдобренный человеколюбивым пафосом голосок телеведущей глухим эхом оседает на непредусмотрительно выхваченных бдительным оком телекамеры бурых осклизлых стенах, напоминающих о тяжелой судьбе всех, вынужденных из года в год питаться суточным борщом и шницелями из селедочных хвостов. Оператора просто рефлексивно передернуло. Он мысленно поклялся, что никогда не нарушит закона до такой степени, чтобы попасть в подобный равелин.

— Ты что снимаешь, Гена? — ласковой коброй прошипела блондинистая корреспондентка в краткую минуту отключения эфира. — Тебе шеф русским языком приказал: только оптимизм! Плакаты! Транспаранты! Отдельно и крупным планом — творчество этих чертовых баб! У нас тема передачи: «И за решеткою тюрьмы творим возвышенное мы», а ты, извращенец, принципиально высвечиваешь недостатки?! Очерняешь?

— Линда, ты меня достала конкретно, — холодно отреагировал на эту тираду оператор Гена и, достав из кармана пачку «Милд севен», принципиально и аристократически закурил под табличкой «Курить строго воспрещается». — Будешь вопить, уйду в ночные вести на коммерческий канал ТВ-0, там платят больше и не надо всякое тюремное фуфло снимать!

— Ладно, всё, заткнись, вон, тюремное начальство идет! — Линда изобразила на лице дежурную филантропическую улыбку, а Гена поудобней пристроил на плече камеру. От суммы да тюрьмы народная мудрость никогда и никому не велела зарекаться, посему и изображали сейчас несчастные корреспонденты провинциального малобюджетного телеканала полную законопослушность и глубокое уважение по отношению к надвигавшемуся на них атомоходу женского рода.

— Ну че, — неожиданно тонким сопрано прогудела женщина-атомоход. — Интервью у наших

просветленных будете брать?

— У кого?! — невнятно поперхнулся «Милд севеном» Гена.

И тут же получил острым локотком телеведущей в бок: не задавай idiotских вопросов!...

— Так мы, собс-с-с-ственно, — улыбка Линды по отношению к женщине-атомоходу заискрилась обаянием, как уют при коротком замыкании. — Мы ведь за этим и пришли.

— Ну че, — видимо, тезаурус тюремной дамы не отличался особым разнообразием. — Идите за мной. Тока это, в коридорах и камерах съемка запрещена! Потому как... это... режимный объект.

— Шаг влево, шаг вправо — приравнивается к побегу... — совсем уж неслышно подиссидентство-вал оператор Гена. Его, как представителя мужской, а значит, элитарной, части человечества, при одной мысли о том, что он будет запечатлеть на ценную видеопленку каких-то непотребных баб, да к тому же мотающих срок преступниц, просто коробило. А также плющило и колбасило. Но он, как всякий истинный мастер своего дела, умел наступать на горло собственной песне. Тем более что телекомпания, хоть и бюджетная, хоть и нищая, а денежки ему за работу заплатит. А денежки — они всегда денежки.

— Пришли, — атомная баба распахнула мощной дланью затейливо обитую рейкой дверь.

«И прекрасная Отикубо, едва наступил час рассвета, раздвинула фусума, омочив горячими слезами рукав своего скромного хитозэ, ибо ее возлюбленный был вынужден покинуть ложе Третьей Ночи, дабы приступить к своим обязанностям тю-нагона Восточных покоев...»

Представители телекомпании слегка затравленно оглянулись. Им показалось, что они попали то ли в клуб поклонников японского искусства, то ли на лекцию об основах ароматерапии. И, что самое странное, кажется, они в своих предположениях не ошиблись.

К бабище в погонах, сопровождавшей прессу, с улыбкой и поклоном подошла-подплыла женщина с подведенными сурьмой узкими глазами и набеленным лицом. Именно она читала вслух о страданиях несчастной Отикубо, когда появились гости. Линда окинула оценивающим взглядом наряд странной дамы: по цвету и фактуре ткани — явная тюремная роба, а по фасону — натуральное японское кимоно.

— Добро пожаловать в наш Приют Обретения Гармонии! — еще раз кланяясь, сказала дама.

Начальница сочла необходимым внести некоторые пояснения для прессы:

— Это и есть ихняя, то есть наша, община. Вот, снимайте. Старшая вам все доложит, интервью возьмете, поделки поглядите... У вас на все про все сорок минут. А я пойду — у меня еще дела на вверенном объекте.

Корреспонденты вышли из ступора и профессионально заоглядывались по сторонам в поисках лучшего ракурса для съемки... И ведь было им на что посмотреть!

На окнах, которые с внешней стороны, разумеется, были забраны решеткой с частым переплетом, висели длинные циновки явно ручной работы. На одной из циновок (судя по комментариям той же набеленной дамы) искусно была выписана Фудзияма в кольце кучерявых облаков, на другой — ветка цветущей сакуры, а третья изображала членов императорской семьи во время церемонии ханами. Пол был застелен татами, на нем в элегантно беспорядке

лежали подушки-дзабутон, предназначенные для сидения. Но из нескольких женщин, находившихся в комнате, никто не сидел: они все, как по команде, встали с изящным синхронным поклоном, едва вошли посетители. Окончательно добило женское самолюбие Линды наличие двух шелковых ширм с вышитыми на них драконами, танцующими в персиковом саду. Линда всю свою сознательную жизнь мечтала иметь эксклюзивную ширму с приколотыми к ее углам круглыми сяопинскими веерами! И никогда никакой зарплаты не хватало! А тут, у этих арестанток — нате, пожалуйста...

— Добрый день, — сухо вато поздоровалась она. — Мы из местной телекомпании, по поручению мэрии. Прослышав о вашем образцовом... образе жизни, присланы сделать репортаж. Кто из вас, простите, старшая?

— Недостойнейшая, если когда и была старшей среди этих женщин, мудростью своею подобных Сэй-Сёнагон, то только в силу своих преклонных лет. — К корреспондентам величавой поступью, как-то не вязавшейся с уничижительными оборотами речи, подошла женщина, которую сразу хотелось назвать дамой. Действительно, выглядела она очень пожилой, но благородный цвет лица и почти царственная осанка делали определение ее возраста весьма затруднительным. Уж на что у Линды глаз был наметанный, а и она оказалась в тупике.

— Для начала, пожалуйста, представьтесь, — давая знак Геночке включать аппаратуру, сказала Линда.

— Находясь в этой комнате Просветления и Обретения Гармонии, мы, словно грязную обувь, оставляем за порогом свои мирские имена, — под одобрительный шепоток остальных «просветленных» с легким поклоном ответствовала пожилая дама. — И здесь вы можете называть меня госпожа Мумё — «Безымянная флейта».

При этом глаза женщины на миг вспыхнули яркой зеленью, но тут же взгляд ее угас, стал обычным: предупредительно-равнодушным.

— Как красиво! — восхитилась вслух Линда, а про себя подумала: «Небось сидишь ты тут по статье за вооруженный разбой и зовут тебя как-нибудь типа Сонька Костяная ручка! Это только на вид вы тут все — Божьи одуванчики...»

— Я возьму на себя смелость представить остальных, — сказала госпожа Мумё и стала указывать рукой на каждую из женщин: госпожа Ина-каэдзи («Не изменю!»), госпожа Фусими («Потупленный взор»), Тамахоси («Жемчужная звезда»), Асунаро («Кипарис»), Кагами («Зеркало») и, наконец, госпожа Ама-но кавара («Небесная река»).

Все представленные женщины почтительно кланялись. Геночка только успевал водить камерой, запечатлевая на пленке благообразные, лишенные возраста лица, накрашенные, как у гейш, которых он видел только на картинках. А Линда вдруг придушенно взвизгнула: из широкого рукава кимоно госпожи Мумё деловито выбралась крупная темно-серая крыса и, удобно устроившись на запястье этой странной женщины, принялась умываться.

— Не пугайтесь! — успокоила Мумё Линду. — Эта госпожа крыса — наш, как бы выразиться посовременнее, талисман. Крыса — символ жизненной энергии, а также достатка и благополучия. Она первой из всех зверей ухитрилась получить благословение Будды...

Геночка снял и усатый талисман. Крупным планом.

— Скажите, — Линда всерьез принялась за интервью. — А откуда у вас всех такой пристальный

интерес к японской культуре...

— ...а также искусству, литературе и философии? — подхватила величавая старуха Мумё. — Видите ли, это помогает нам не только ощутить себя полноценными людьми, хотя и отделенными от всего общества тюремной стеной, но и совершенствовать свой дух, разум, дабы не озлобиться и не отчаяться. Мировоззрение Страны Цветущей Сакуры для этого подходит идеально. Мы стремимся к достижению внутренней гармонии и постижению внешней мимолетной красоты... Знаете ли вы, что такое дзуйхицу?..

— Да, да... Ген, ты снимай давай, не особо отвлекайся. Скажите, м-м, госпожа Мумё, а вся эта обстановка приобретена для вас... руководством специально?

— Нет, что вы! Все, что вы видите, — Мумё изящно обвела рукой комнату, — сделано нами, недостойными...

— Вот как! (Гена, возьми крупным планом вышивку на ширме...) Но где же вы взяли материалы для поделок, литературу...

— Все это мы получили благодаря нашим покровителям, или, как теперь говорят, спонсорам, да продлят бодхисатвы их дни!

— Нами Амиду Буцу! — прошелестело на устах остальных японизированных зэков женского пола.

«Ну, конечно, спонсоры! Как же иначе! Почему-то самые платежеспособные мужики достаются самым отстойным бабам!» — мысленно съязвила незамужняя Линда, чей основной «спонсор» никуда не годился ни в материальном, ни в интимном плане. Просто был непосредственным начальником. И отдаваться ему приходилось практически на благотворительной основе. Как говорится, лучше уж раз отдался, чем долго и нудно объяснять, почему тебе этого не хочется (и потом получить выговор за нарушение трудовой дисциплины)... А все вышеизложенное, как известно, вовсе не способствует достижению полноценного оргазма.

— А кто является вашим спонсором? — коварно решила поинтересоваться Линда, отвлекшись наконец от собственных размышлений и держа микрофон как грозящую взрывом гранату.

— Наша маленькая община находится под патронажем японского благотворительного центра, возглавляемого почтенным Акутагавой Степановичем Якудзой, японцем русского происхождения, в прошлом политэмигрантом, а теперь — человеком высокого милосердия, — сказала Мумё, одновременно демонстрируя веера с ручной росписью тушью по слоновой кости, — Благодаря финансовой поддержке его центра мы получаем все необходимое для нашего духовного совершенствования, знакомства с традициями Японии и ее искусствами. Прошу вас еще взглянуть на плоды труда наших недостойных рук!

Эти слова словно послужили сигналом для остальных женщин. Они сдвинули ширмы и подвели корреспондентов к невысоким столикам, на которых были разложены экспонаты, сделавшие бы честь любой выставке. Даже циничный кокаинист Гена восхищенно бормотнул: «Эксклюзив!»

— Вот нэцке, — Мумё взяла двумя пальцами искусно вырезанную фигурку сидящей на мешке с зерном крысы. Настоящая крыса при этом перебралась на плечо женщины и неодобрительно поглядывала на корреспондентов. — В магазинах вы таких не увидите. Там продают жалкие подделки из гипса. А наша сестра, госпожа Тамахоси, вырезает нэцке согласно строгим

канонам японского мастерства и из настоящих дерева и кости!

Госпожа Тамахоси поклонилась и достала из рукава своего кимоно небольшой нож странной полукруглой формы. Он даже на вид был смертоубийственно острым.

«Как же так?! — вихрем пронеслось в мозгу Линды. — Заключенным не полагается холодное оружие! Она же таким ножом всю охрану перережет!...»

Как оказалось впоследствии, Линда была недалеко от истины.

Но пока госпожа Тамахоси лишь мгновенно и искусно обточила страшным ножом небольшой кусочек дерева и протянула Линде свежевыточенную фигурку той же крысы.

— Вам на память, — улыбнулась специалистка по нэцке. — Крыса приносит благополучие в дом.

Линда приняла дар, повертела его перед камерой, театрально повосхищалась и, вспомнив, что у них лимит времени, попросила заснять и другие «поделки». Здесь были расшитые дивными узорами пояса-оби и ритуальное фуросики с тысячекрылым журавлем, воспетое еще великим Кавабата, столики для чайной церемонии, маленькие поделки из белой глины, которые дарят детям на праздник Мальвы, искусно устроенный миниатюрный сад камней, где, как и полагалось, последнего камня не было видно, веера, театральные маски и акварели, где среди пейзажей, подписанных черными размашистыми иероглифами, неизменно встречалась крыса... А одна из женщин, упражнявшаяся в мастерстве японского стихосложения, смущаясь, прочла танку из созданного ею цикла «Стихи эры Годзиллы»:

Цвет сливы обрывает горный ветер,

Бушующий поток уносит лодку...

Но не страшны свирепые драконы

Тем, кто лелеет светлую надежду

И верит в силу бога Хеппиэнда...

Другая же дама, торопливо перелистав пухлый с золотым обрезом томик со стихами классических поэтов Японии, встала в декламационную позу возле ширмы с драконом и, изящно отведя руку с книгой, нараспев прочитала:

Дремал сиреневый дракон

Под флейту тростниковой чащи.

В глаза распахнутых окон

Заглядывало солнце чаще.

Играл неведомый ансамбль

Среди серебряного флёра.

И целый мир, и спящий сам

Казались вычурней фарфора.

Царил простой союз у них,

Все было белой нитью шито...

И на какой-то краткий миг

В иное раздвигалась ширма...

Даме поаплодировали. Она смутилась и спряталась за ширму.

— Вот такой удивительный мир существует здесь, в местах лишения свободы, где, казалось бы, нет возможности говорить о прекрасном и возвышенном! Но нет предела совершенству человеческой души, — бойко затараторила Линда, когда Гена взял ее кукольное личико крупным планом на финал. — Лишенные внешней свободы, эти женщины обрели свободу внутреннюю и вместе с нею — способность не только понимать, но и творить прекрасное! Нам остается только поблагодарить их за это и восхититься их талантом! Для вас передачу вели Линда Загоруйко и Геннадий Слизняков, телекомпания «ЭКС-Губерния».

Надзирательша-атомоход проводила корреспондентов до тяжелых цельнометаллических дверей, ведущих из темного узилища в царство свободы, и торопливо распрощалась.

— Товарищ начконвоя, прием, прием. Как, репортеры ушли? — раздался хриплый голос из портативной рации, торчавшей в кармане надзирательши.

— Так точно, товарищ начальник охраны, — рыкнула в рацию атомоходоподобная дама.

— Зайдите ко мне.

— Есть.

... Кабинет начальника охраны полковника Дрона Петровича Кирпичного отличался каким-то особым, возведенным в абсолютную степень, аскетизмом. Унылые серые стены, зарешеченные окна-бойницы без малейшего намека на шторы. Допотопный канцелярский стол, крытый вытершимся сукном, стальной не улыбкастый сейф, пара колченогих стульев и фикус, принимающий мученическую кончину в ржавой кадке, — вот и весь интерьер, окружавший главного человека женской колонии строгого режима. Единственной сентиментальной вольностью, которую начальник охраны позволил себе, был большой портрет товарища Дзержинского, вышитый крестиком по канве умелицами-заключенными.

Сам товарищ Кирпичный обликом и характером был во многом подобен своему кабинету. Во всяком случае, лицо его было столь же выразительно и эмоционально, сколь выразительна и эмоциональна может быть трансформаторная будка. В остальном полковник Кирпичный производил впечатление серьезного, многоопытного, крепкого мужчины, генетически лишенного навыка завязывать галстук и всем напиткам мира предпочитающего водку. В основном именно такой тип мужчин слушает слезливые шансоны типа «Давно ли я откинулся из зоны» и чрезвычайно импонирует женщинам, волею судьбы расставшимся с воздухом свободы сроком на десять-пятнадцать лет. Возможно, поэтому полковнику удавалось удержаться на своем посту пятнадцать с лишком лет, несмотря на все перипетии и хаос,

которые царили в стране.

Когда начконвоя Ксения Погребец вплыла в кабинет полковника, тот задумчиво листал старые подшивки самиздатовской колонистской газеты «За свободу».

— Присаживайтесь, — кивнул он женщине-атомоходу. Та недоверчиво поглядела на хлипкие стулья и предпочла стоять.

— Я вот по какому вопросу хотел поговорить с вами, Ксения Васильевна... — полковник отложил пожелтевшие ломкие газеты и старательно вдохнул, дабы начконвоя не учуяла своим нюхом третьедневошного перегара. — Каков моральный дух в этом самом коллективе любительниц Японии? Они ничего лишнего прессе не брякнули?

— Я проглядела видеозапись, прежде чем репортеров выпустить. Все вроде нормально. Девки наши выступили на уровне. Поделки показывали. Стихи читали.

— На жизнь не жаловались? Порядки не ругали?

Погребец пожала мощными плечами, отдаленно напоминавшими пожарную помпу.

— Нет, товарищ полковник. А что?

— Подозрительно это, — полковник подпер кулаком подбородок и мрачно поглядел на фикус, — когда наш человек порядков не ругает и на власть не жалуется. Это сигнал.

— Какой сигнал?!

— Тревожный. Честно вам скажу, вся эта затея с японскими спонсорами мне с самого начала не нравилась. А теперь, когда про это дело еще и пресса унюхала, совсем не нравится.

— Ничего не поделаешь, — опять пожала плечами начконвоя. — Свобода слова...

Представители этой самой свободы слова, то есть Линда с Геной, оказавшись вне стен колонии, часа полтора топали по пустынной проселочной дороге до местной автостанции, периодически проклиная свою незавидную корреспондентскую долю и призывая всевозможные несчастья на гениталии их непосредственного начальника, который сейчас, конечно, греет зад в своем кабинете с евродизайном, пока они тут загибаются от холода, дожидаясь рейсового автобуса. Когда рейсовый «пазик», чахоточно дрожа, наконец подошел, корреспонденты воспряли духом и бойко втиснулись в автобус промеж сумрачных поселянок, нагруженных мешками с капустой и садками с галдящими гусями. Так они добрались до города и на редкость в полном согласии решили сначала выпить по коктейлю в ближайшем баре, чтобы снять стресс, успокоить нервы (как известно, нервы у творческих натур — материал весьма непрочный)...

— На студию попасть всегда успеем, — сказал Гена. — На хрена им там сейчас этот материал? Пойдет в завтрашнем новостном блоке.

Линда согласилась. Только сейчас она почувствовала, как пересохла ее нежная гортань от спертого тюремного воздуха, к которому неуловимо примешивался аромат то ли сакуры, то ли персика. И к тому же осенний промозглый ветер, срывающий с деревьев последнюю листву, заморозил subtilно одетую корреспонденточку аж до бантиков на тонких кружевных трусиках.

Ближайшим «баром» была студенческая забегаловка, официально именовавшаяся «Встреча», а

в народе известная под названием «Трахнули по-быстрому». Но коктейли там подавали хорошие, почти правильные.

— И ты считаешь, что они, ну, эти зэчки, действительно обрели как бы... гармонию духа? — спросил Гена свою коллегу, осушив хайболл с «Кровавой Мэри».

— Хрень собачья! — авторитетно ответствовала Линда. — Я этой старой козе, самой главной, в глаза-то глянула. И знаешь, у меня такое ощущение было, будто она натуральная ведьма и жуткая сволочь, которой одно удовольствие притворяться этакой правильной, чистенькой, умненькой и благородной. Мне кажется, что все эти просветленные бабы мотают срок или за убийство или за что-нибудь похлеще. — Линда нервно глотнула поддельного айриш-крима и слегка поморщилась: изжога ей теперь гарантирована. Ладно, может, шеф вечером шампанским угостит. В постели. Сукин кот.

— Что же может быть хлеще убийства? — усмехнулся Гена, возвращая Линду к разговору.

— Не знаю... А, ладно, пошли они к черту! Мы свое дело сделали. Если еще о каждой бабе, про которую я лепила репортаж, думать, моих мозгов не хватит.

— Это точно, — подколот Гена. — Зачем такой красивой да еще и мозги. Зато с ногами у тебя полный порядок. И с тем местом, откуда они растут.

— Паскудный козел, — без обиды в голосе сказала Линда. — Все вы, мужики, в одном месте клонированные. И все сволочи.

— А то, — усмехнулся Гена. — Ладно, завязывай пить. Поехали в студию, а то главный закатит истерику из-за того, что у нас простой.

И они вышли из бара, причем Линда, расплачиваясь, решительно оставила рядом с пустым бокалом подаренную ей фигурку крысы. Чем впоследствии и спасла свою молодую жизнь.

... А набеленные и насурьмленные по японским правилам женщины после ухода корреспондентов аккуратно прибрали комнату, умылись, сняли кимоно, оказавшись в арестантских робах с нашитыми номерами, и разошлись по камерам. Но прежде чем разойтись, они обменялись одним им понятными знаками, поклонились той, что называла себя Мумё, и сказали:

— Крысу не удержат в садке.

— Ее дороги известны только ей, — ответила Мумё и, усмехаясь, добавила: — Включите завтра телевизор, сестры. Посмотрим, как мы выглядим в эфире.

* * *

Став ведьмой, она позволила себе не следить за собой.

Д. Апдайк

— ... В эфире ваше любимое «Еж-радио», если вам не спится и вы настроились на волну 0,13 и 13 WM. С вами я, Вика Белинская, ведущая этого часа, и мы с моим постоянным демоном-джеем обещаем вам много хорошей музыки, немного рекламы и обязательный блок наших новостей. Доброй полуночи всем полуночникам! Оставайтесь с нами, даже если вы летите на

шабаш! И кстати, пусть сейчас прозвучит песня для тех, кто летит на шабаш.

Снова светит полная луна,

Снова вы находитесь в полете.

И покуда дрыхнет вся страна,

Ведьмы, вы ничуть не устаете.

Не страшны туманы и дожди,

И метеоритные потоки,

Тем, кто помнит все свои пути

На далекий незабвенный Бро-о-окен...

Покуда в эфире шла песня, я налила себе кофейку и выслушала новый анекдот от дем-джея, чтобы обрести бодрость, необходимую для работы за пультом. Это только в песне поется, что ведьмы ничуть не устают. Я устаю. Хотя я настоящая ведьма.

Когда я говорю об этом, следующей моей фразой обычно бывает: «Так уж получилось». И действительно, так уж получилось, что я родилась ведьмой и вела скромную, небогатую событиями жизнь, соответствующую своему статус-кво, покуда не попала во всякие приключения. И не встретила своего будущего (а теперь настоящего) мужа.

Мой благоверный, с коим я целуюсь, ругаюсь и опять целуюсь вот уже на протяжении пяти с лишним лет супружеской жизни, — Авдей Белинский, писатель, прочно окопавшийся в лагере сторонников нетривиальной фэнтези. Ну, если вы читали его романы, значит, понимаете, о чем речь. А если не читали — зайдите в любой книжный магазин... Нет, правда, зайдите. Полки с его книгами тянутся где-то примерно метра на три. По моему мнению, это свидетельствует о его гениальной плодовитости (также о его гениальной плодовитости свидетельствуют наши дети, но о них позже).

То, что я, супруга писателя, — ведьма, смущало самого писателя только до свадьбы. Мы даже чуть было не расстались на почве конфликта по поводу моих паранормальных способностей. Но, как говорится, *omnia vincit amor*, то есть любовь все побеждает. В данном случае любовь тоже победила, и Авдей сделал мне предложение... Ну, наверное, то, что он сделал, *можно считать предложением* руки, сердца и прочих существенно важных органов...

После свадьбы Авдей стал находить в моей ведьмовской природе даже нечто пикантное (хотя на самом деле, по-моему, сработало обычное мужское тщеславие: как же, у всех жены — просто жены, а у меня еще и ведьма!).

Впрочем, в быту я постаралась свести применение своих магических способностей к минимуму, тем более когда родились Марья и Дарья, наши близнецы-первенцы. Девчонки они замечательные и, благодарение небесам, кажется, наследственностью пошли не в маму-ведьму, а в папу-писателя. Авдей, кстати, очень мечтал о сыне, но когда родились девочки, стал трястись над ними, как над уникальной коллекцией бриллиантов. Правда, поначалу муж настаивал, чтобы имена у девчонок были какие-нибудь оригинальные, например Аделаида и

Евфросиния, но я проявила твердость и настояла на своем. Имя — штука серьезная. Оно может потребовать от тебя поступков, плавно переходящих в подвиги. Поэтому пусть мои дочки носят простые имена...

До рождения девочек я работала в специальной полуночной библиотеке, открывавшей свои тайные двери для магической и оккультной публики: оборотней, колдунов, вампиров, привидений... Когда появились дети, работу я оставила, три с половиной года занимаясь стиркой пеленок, приготовлением молочных смесей, переживаниями по поводу режущихся молочных зубов, ветрянки, краснухи и дис-бактериоза... В одном девчонки здорово облегчали мне задачу: если они болели, то вместе. Вместе же и выздоравливали.

Разумеется, муж во всем мне помогал (во всяком случае, я не развеивала его уверенности в этом). В основном же я предпочитала управляться сама, если не считать периодических набегов к нам в Москву моей мамы, Татьяны Алексеевны Либенкнехт. Мама, дослужившись до полковника налоговой полиции, вышла в отставку и при попустительстве своего мужа, Калистрата Иосифовича Бальзамова, мага на службе у закона и когда-то моего наставника, погрузилась в изучение оккультно-этнографических традиций разных народов. Сейчас, в частности, она серьезно занималась вопросами мистических традиций средневековой Японии и изредка присылала открытки с видами Токио, старых провинций Киото и Хоккайдо.

Когда Марья и Дарья вошли в возраст, именуемый детсадовским, то есть научились без слез есть манную кашу, надевать колготки *не-задом-наперед* и путем эксперимента выяснили, что Дед Мороз — это переодетый папа, я заявила мужу, что более сидеть дома не намерена, а посему буду искать себе подходящую работу. А девчонки — ничего, в детском саду не пропадут. Они смогут за себя постоять. Вон, третьего дня они, хором исполняя песню группы «Любэ», загнали на дерево соседского бультерьера по кличке Сволота Залетная, чем заслужили от хозяев собаки репутацию настоящих бандиток. Поэтому Авдей не особенно возражал, когда я определила девчонок в детсад неподалеку от дома. Он только просил, чтобы я подыскала себе какую-нибудь спокойную работу, не отнимающую много времени. В библиотеку мне возвращаться не хотелось — слишком много с «аптекой для души» связано грустных воспоминаний. К тому же столичные коллеги по сему ремеслу вызывали у меня чувство какой-то провинциальной неполноценности. В моем родном городе, где я жила до замужества, библиотека функционировала по старинке: регистрировала читателей при помощи авторучек и бумажных формуляров, газеты в папки подшивались обычным шнурком от ботинок и все книги не снабжались магнитными индикаторами, предотвращающими их незаконный вынос... А московские читальни с их ноу-хау, сетевыми ресурсами и переименованием читателей в пользователей, а книг — в «документированную дискретную информацию» наводили на меня тихую тоску. Видимо, я все-таки консервативна. В некоторых вопросах. И поэтому радуюсь тому, что в той моей библиотеке на Тихой улице вместо меня ночным библиотекарем теперь работает Букс. Забавный выходец из макулатурной кучи в последнее время превратился в настоящего джентльмена, стал носить строгие форменные костюмы из оберточной бумаги и прекрасно справлялся со своими обязанностями. Кроме того, он должен был вот-вот жениться, подросла его невеста. На свадьбу обещал пригласить...

Словом, идею библиотеки я отбросила. И тут мне повезло. Группа молодых инициативных московских привидений решила создать радиостанцию для нелюдей (и не совсем людей), вещающую, естественно, по ночам и на волне, которую могут уловить только те, кто не чужд магии. Привидениям требовались на работу коммуникабельные, остроумные и в полном смысле слова *живые* ведущие, не боящиеся прямого эфира. И я предложила свои услуги...

Вы спросите, почему я, истинная ведьма, когда-то прошедшая Обряд Тринадцати, дающий просто неограниченную магическую Силу, я, женщина, одним мановением руки способная

вызывать ураган (как минимум), панику на фондовой бирже, ввод войск НАТО в Саудовскую Аравию и падение курса доллара вместе с импичментом президента США (как максимум), предпочла жить и работать как обычный нормальный человек? Зачем же, справедливо спросите вы меня, ты обрела Силу и всякие там Тайные Знания?..

А вот захотелось мне так! Вообще, господа, пора покончить со стереотипами, рисующими ведьму как вздорную, вульгарно покрашенную и лишенную всякой морали бабу, озабоченную лишь варкой приворотных зелий и сведением с ума и без того недалеких мужчин, бормочущую заклинания и наводящую порчу на кого ни попадя. Забудьте! Современная ведьма, равно как и многие другие представители магического большинства, не должна быть чужда актуальным веяниям дня. Вот. А если кто-то хочет по diskutieren со мной на эту тему, пусть не переступает рамок корректности. Иначе остаток дней своих ему придется провести в каком-нибудь зооэкзотариуме в качестве оригинального и редкого экспоната...

Дем-джей поднял вверх указательный палец с длинным загнутым когтем, что означало: не расслабляйся, детка, заставка проходит, сейчас ты будешь в эфире. А что, я готова! Три, два, один...

— Итак, с вами снова «Еж-радио» и я, Вика Белинская, знакомлю вас с новостями ближайшего часа.

... Новости у нас всегда проходят под фонограмму «Ночи на Лысой горе» Мусоргского в современной обработке нашего фантома-программиста Бори Гатоса. Очень эффектно получается. Я слежу за бегущей строкой и выдаю плавным речитативом:

— Спонсор выпуска новостей — страховое агентство «Тихая нежить». Все виды социальных гарантий для нелюдей постпенсионного возраста. Квалифицированные специалисты защитят ваш интерес в делах любой сложности. Помните: вам не дадут о себе забыть! А теперь — собственно новости. Из официальной хроники. Прошедшее полнолуние ознаменовалось рядом международных слетов под общим лозунгом «Ведьмы за сохранение биосферы Земли». Ряд письменных и устных соглашений продемонстрировал неуклонный рост экологической сознательности представительниц разных стран и сообществ. В частности, практикующие вудуистки южноафриканского племени зазанусси подписали мораторий на использование крокодильих слез и гениталий гепарда в своих ритуалах... Мораторий принят сроком на пять лет, за это время поголовье исчезающих животных должно возрасти. Или хотя бы научиться бегать быстрее, чем вудуистки, чтобы спасти свои... репродуктивные органы.

Дем-джей быстренько прокручивает магнитофонную запись хохота целого зала в эфир, чтобы аудитория по достоинству оценила вышеприведенное сообщение. А я продолжаю вещать, только теперь «Ночь на Лысой горе» сменилась сентиментальной «Муркой»:

— Криминальная хроника. Очередные разборки между солнцевской группировкой вампиров и молодчиками из национал-шовинистской партии «Оборотни России» привели к кровопролитию, жертвами которого стали несколько десятков лабораторных крыс, подготовленных к отправке в одну из московских косметологических лабораторий. «Оборотни России» известны как скандальная неформальная организация, пропагандирующая чистоту крови и вида и постоянно упрекающая вампиров в их неразборчивости и отсутствии патриотизма. Глава солнцевских вампиров выступил с ответным заявлением и пообещал подать в суд, мотивируя это тем, что партия «Оборотни России» не является зарегистрированным политическим органом, а только (цитирую) «бандой волосатых хулиганов».

— Ну что, послушаете песенку в темку? — опять вклинивается дем-джей.

Такая уж у нас с ним особенность подачи информации — порционно и с песнями. Чтобы интересней слушалось (имеются в виду те, кто, оккультизировавшись, не утратили и простых человеческих способностей и эмоций)... Как там в песне-то поется?..

Я с девчонкой своей не целовался ни разу,

Я еще не купил себе автомобиль.

Но однажды меня укусил красноглазый,

Удивительно странный и злой нетопырь!

И мое сердце остановилось!

Мое сердце замерло!

Ох, мое сердце остановилось!

Да, мое сердце замерло!

У меня теперь странное что-то со зрением,

Что-то с гемоглобином и челкой на лбу...

В зеркалах больше нет моего отраженья,

И весь день я теперь отдыхаю в гробу!

Ведь мое сердце остановилось...

И далее, в том же духе. Бодренькая песенка, рекламирующая здоровый вампирский образ жизни. Ладно. Следующим я поставлю свой любимый сингл известного вудуиста Урии Бурчука «Что такое шабаш — это просто». А пока — продолжим новости:

— «Студия Ирреал-рекордз» приступила к записи оккультной версии мюзикла «Нотр-Дам де Пари», созданной при информационной поддержке французских специалистов-историографов, лично присутствовавших при всех событиях, изложенных в гениальном произведении Виктора Гюго. Абсолютно новое видение всем известной трагедии человеческой любви скоро появится на лицензионных видеокассетах. Остерегайтесь подделок!

— Даншак малёр шерше ля фам! — очень вольно произнес дем-джей известную поговорку о том, что во всех несчастьях следует искать женщину. А я не стала пояснять, что под «французскими специалистами-историографами» вообще-то подразумеваются те самые каменные мордастые химеры, украшавшие собой башни собора Парижской Богоматери.

— И последняя новость этого часа. О необходимости ввода лицензирования отдельных видов порчи и сглаза говорилось на недавней встрече руководства нашего города и представителей формальной магии. В связи с этим, уважаемые радиослушатели, наша станция пока приостанавливает прием рекламных наведений, то есть, простите, заявлений о наведении порчи. Подобные заявления в дальнейшем будут приниматься только при наличии лицензии и сертификата государственного образца. С новостями для вас — «Еж-радио» и Вика Белинская.

— Оставайтесь с нами! Не отключайте свои приемники! — разорвется дем-джей. — Через две с половиной минуты играйте с нами в интеллектуальное радиоказино «Кого? Когда? Чем?» в прямом эфире. Телефон для ответов (095) XXX-XX-XX. Готовьтесь к игре, а пока — песня!

Что такое шабаш — это просто

Время проживания без мужа,

Это просто время бегать босиком по лужам (2 раза),

И быть другого возраста и роста (громко)!

Шабаш, в небе мчит помело!

Ведьмы, как же нам повезло!

Сколько б не давил нас прогресс,

Ведьма будет и есть!

Пусть играет ночь на трубе,

Шабаш, кто поверит тебе?

Но, покуда ведьма жива, —

Ведьма вечно права!

Вести в прямом эфире вместе с демоном интеллектуальное радиоказино — наше изобретение. Пользующееся, кстати, не меньшей популярностью, чем известная российская игра с приблизительно таким же названием.

— Итак! — ревет дем-джей под вступительные аккорды «Призрака в Опере». — В эфир-ре интеллектуальное радиоказино «Кого? Когда? Чем?» Звоните нам, дар-рагие знатоки, и не забывайте, что главный приз победителю-знатоку — Хр-р-ру-стальный Дятел!

— Господа, внимание, первый вопрос. — В моем голосе теперь звучат строгость и официальность. — Его прислал к нам в редакцию домовой Перфилий Онуфрич Брысь. Стоимость вопроса десять тысяч рублей. Внимание, запись вопроса!

«Дорогие знатоки! — дребезжит с магнитофонной пленки голос домового. — Вот мой вопрос: остался малый ребяенок сиротинкою, попал к злым людям на воспитание и, кабы не помощь волшебная, в живых бы не остался... Как звать энтого ребяенка?..»

— Есть первый звонок в студию! — ликует дем-джей и переводит телефон на трансляцию. — Кто отвечает?

— Отвечает литературовед Кисляйко из Перми, оборотень. Речь идет о Гарри Поттере.

Бум-с! — траурно звучит гонг.

— Ответ неверен! — холодно говорю я. — А теперь слушаем правильный ответ.

«Это героиня русской народной сказки Крошечка-Хаврошечка».

— Ну что ж, ну что ж, первая неудача знатоков, — демон быстро отключает телефон. — Десять тысяч рублей уходят замечательному домовому, гражданину Брысю! Но игра продолжается! Хрустальный Дятел ждет своего победителя!

— Внимание, вопрос! Стоимость вопроса тринадцать тысяч рублей пятьдесят три копейки. — Строгостью тона я стараюсь скрыть усталость. Всю ночь за пультом — мало не покажется. — Вопрос задает вампир Арчибальд Птрушкевич. Внимание!

«За этим человеком охотились все силы Тьмы, чтобы уничтожить его. Но могущественная защита помогла ему победить врагов! Кто этот человек?»

— Есть звонок в студию! — демон опять переводит телефон на трансляцию в эфир.

— Отвечает литературовед Кисляйко из Перми...

От этого голоса у меня уже скулы сводит, а демон корчится от беззвучного хохота.

— ... Речь идет о Гарри Поттере. Бум-с!

— Ответ неверен! — я сдерживаюсь изо всех сил, чтобы не расхохотаться. — Правильный ответ: Конан, варвар из Киммерии!

— Я протестую! — пищит литературовед, но демон быстренько вырубает телефон и кричит:

— Тринадцать тысяч рублей и пятьдесят три копейки уходят вампиру Арчибальду Птрушкевичу. И на этом мы завершаем сегодняшнюю работу интеллектуального радиоказино. Слушайте нас завтра, в это же время!!!

Вау! Я свое отработала! Теперь можно спокойно отсоединить от лацкана кардигана микрофон, помахать ручкой дем-джею и отправляться домой. Как-никак третий час ночи. Мое эфирное время вышло, сейчас заступает одна малосимпатичная вампиреса, Ларочка Папанина, с апломбом и непрошибаемой самоуверенностью вещающая о последних веяниях моды, начиная от дамского белья, косметики и контрацептивов и заканчивая новейшими данными в разработке бактериологического оружия. Эфирное время заросшей прыщами Ларочки-кровососки всегда начинается с одной и той же неотразимой фразы: «Я тут пришла к вам похвастаться...»

Я выбралась из студии в сопровождении очередного анекдота, который дем-джей выдавал в эфир:

— «Сегодня я видел живого гоблина!» — «Где?!» — «В фотоателье». — «И чего это он там делает?» — «Работает...» — «Кем?!» — «Кем, кем, кем, кем... Гоблином!»

И почему считается, что у демонов самое крутое чувство юмора?..

Наша студия располагалась в неприятном с виду коммерческом ларьке, круглосуточно торгующем дешевым пивом, жвачкой и презервативами. Правда, покупателей не находилось. Оно и понятно: подойди обычный человек, хоть и в сильном подпитии, ночью к такой палатке и попроси бутылку «Старого тельника» на опохмелку, увидит он в окошечке вечную грязную картонку с корявой надписью «Ушла на базу», опечалится и удалится восвояси, негромко горланя песню про то, что он мог бы служить в разведке, а при случае и сниматься в кино...

Но дело не в этом. А в том, что нормальные люди палатку-студию (которая внутри, разумеется,

была гораздо больше, чем снаружи) обходили стороной. И общественный транспорт здесь был так же редок, как бронтозавр. Одним словом, «здесь птицы не поют, деревья не растут, и только мы, плечом к плечу, торчим зачем-то тут».

Я достала из сумочки мобильник и принялась вызывать такси, опасаясь, однако, что, услышав адрес, они откажутся принимать заказ (не раз бывало такое дело). Но на этот раз повезло. И машина приехала на удивление быстро, подозрительно осветив фарами мою одинокую беззащитную фигуру на фоне пресловутой палатки. Я даже на расстоянии могла считывать мысли водителя, как с листа бумаги: вот, еще одна шлюха трехрублевая, огребла, видать, с кого-то дуриком бабки и как порядочная такси заказала... Грубиян и пошляк ты, дядя. Ничего ты не понимаешь ни в жизни, ни, тем более, в шлюхах. Так что вези меня, извозчик, по гулкой мостовой и не вздумай грубить. На врачей потом разоришься...

Остановившись у подъезда, я глянула на окна родной квартиры. На кухне горел свет. Значит, Авдей опять не спит. Ждет меня и заодно творит очередной шедевр, потому как днем ему творить особенно некогда: встречи с читателями, тренажерный зал, солярий, бассейн... Нет, вы не подумайте, я тоже себя не обижаю и по большим праздникам выбираюсь-таки в бассейн, солярий, салон красоты и ароматерапии... Мне надо постоянно быть в отличной форме, чтобы у супруга при одном только взгляде на меня в груди загорался огонь желанья... Он же у меня творческая личность, певец мировой красоты, каковая пока для него сосредотачивается в моем привычном облике. А вокруг столько длинноногих юных искусительниц, так и норовящих приобщиться к тайнам творчества, а ежели повезет, то и в музы пробиться. Поэтому законная жена должна быть всегда великолепна и ни с кем не сравнима. Будучи ведьмой, это легко. Будучи просто женщиной... Надоедает. Ну да, маникюр, талассотерапия, массаж, солярий... А потом, накупавшись в бассейне, разукрасив ногти и надышавшись сандалом, я еще затариваюсь продуктами на всю семью в ближайших супермаркетах и забираю из детского садика дочерей. При этом тщательно уложенная прическа как-то сама собой растрепывается, обязательно ломается ноготь или два (а это, милые дамы, просто трагедия!), и в результате пред очами возлюбленного супруга я предстаю в не слишком-то обольстительном образе загнанной домохозяйки. Но я не жалуясь! Потому что иногда из детского сада детей забирает муж, а это уже почти подвиг. Должен же муж чувствовать, что подключен к воспитательному процессу!

А еще... Но это, возможно, только мои домыслы... Мне кажется, Авдей рад тому, что я не летаю на шабаши, не устраиваю магических трюков в квартире и обеспечиваю ему жизнь, спокойную и ровную, как гладь зеркала. Я не мешаю ему творить. А он не мешает мне любить его и купать девчонок на ночь... Полная демократия.

... Я тихонько пробралась на кухню и увидела, что в данный момент супруг подключен к компьютеру и вдохновенно лупит из огнемета скалящихся с монитора монстров. Бой шел беззвучно — слава святой Вальпурге, муж отключил аудиосистему компьютера. Вовсе не для того, чтобы грохот и стрельба не мешали спокойно спать нашим девочкам. А наоборот, чтобы девочки, привлеченные стрельбой, не примчались на кухню с криком: «Пап, дай поиграться!...»

— Добрый вечер, милый... А я думала, ты пишешь очередной роман, — поцеловала я в макушку своего домашнего гения. Он дернулся, как нашкодивший школьник, и покраснел. Потом вспомнил, что он как-никак взрослый дядя и глава семейства и приглушенно рассмеялся:

— Ты всегда меня застаешь врасплох. Вот что значит: жена — ведьма.

— Нет, это значит, что муж страдает интерактивным инфантилизмом...

- Чего-о-о? — грозно спросил Авдей и, отключив игрушку, принялся меня целовать. — Я без жены страдаю, вот. Без этого...
- Тепла родственной души? Ну, родной, ну я же на работе! Сходил бы к любовнице, что ли...
- Фу, надоело. Если хочешь знать, я тоже сегодня очень продуктивно работал. Вчерне набросал две главы.
- И куда ты их «вчерне набросал», а?! Опять мне убираться?
- Нэ пэрэбивай джыгыта, жэнчина! Я даже подвиг совершил: девчонок наших из сада забрал.
- Вай, молодец, дарагой! В жизни всегда есть место подвигу...
- А завтра я буду ругаться с их воспитательницей.
- Серьезно?! Чем провинилась бедная женщина? Ее и так в жизни преследует злой рок в лице наших милых дочерей, тьфу, тьфу, не сглазить... Кстати, ты детей покормил?
- Да. Хотя они *сопротивлялись*.
- Йогурт?
- И рисовая каша. Та, что ты утром приготовила. Они сказали, что это обойный клей.
- Много они понимают. Можно подумать, мои дочери пробовали обойный клей! — с этими словами я достала из холодильника кастрюльку со злополучной недоеденной кашей. Попробовала. Гм-м.
- Я дал им чаю со сгущенкой и пончиками, — успокаивающе сказал Авдей, видя выражение моего лица в безуспешной попытке расклеить челюсти, намертво склеенные кашей. То ли рис такой некачественный, то ли кухарка из меня, как из утконоса фламинго. Стыдоба. За столько лет семейной жизни так и не научиться готовить... Нет, наколдовать-то я любые яства смогу за секунду. А вот заниматься готовкой, как все нормальные женщины, у меня почему-то не получается. Проверенный факт.
- Ладно, — сказала я, вываливая кашу в мусорное ведро. — Один вопрос решен. А из-за чего ты с воспитательницей решил поругаться?
- Из-за ее эзотерической безграмотности, — спокойно пояснил муженек. — Ты что на ужин будешь? Пончиков не осталось...
- Но мне уже было не до ужина. Какое отношение эзотерика может иметь к вполне скромному детсадику и его персоналу?
- Подробности, — кратко потребовала я, наливая себе стакан обезжиренного кефира (все-таки мамы лекции по диетологии не прошли даром).
- Авдей выложил на кухонный стол тонюсенькую ярко раскрашенную книжку. «Крошечка-Хаврошечка. Русская народная сказка», — прочла я название и озадаченно воззрилась на супруга. Ну и что?!
- А то, — грозным шепотом начал втолковывать Авдей, — что эта, с позволения сказать, воспитательница детям не просто сказки рассказывает, а излагает их эзотерический подтекст!

Я глянула на часы. Скоро утро... Самое время потрепаться об эзотерике.

— И какой же эзотерический подтекст воспитательница нашла в «Крошечке-Хаврошечке»? — утомленно склонила я голову на плечо супругу. — И на фига детям этот самый подтекст?

— Оказывается, — вещал Авдей, — в этой сказке зашифрована система культов наших древних предков. Оказывается, корова — это тотемное животное, обладающее магической силой Матери-Земли! И для Крошечки-Хаврошечки она была не просто дойной скотинкой, а культовым животным, открывавшим ей Тайные Знания! Ты подумай, чему в детском саду детей учат!

— Ага, — рассеянно согласилась я. После прямого эфира не было сил возмущаться глупостями какой-то начитавшейся дешевой эзотерики тетки. — А ты как об этом узнал-то?

— Машка при воспитательнице спросила меня, может ли наша Фуфуня считаться тотемным животным. А Дашка ляпнула, что теперь мы должны приносить Фуфуне кровавые жертвы, чтобы сохранить кармическое равновесие в нашей квартире. Я чуть весь детсад не разнес. Не понимаю, куда другие родители смотрят...

Авдей еще немного повозмущался для порядка, а потом смолк, ласково дыша мне в ухо, точь-в-точь как Фуфуня.

Кстати, упомянутая Фуфуня — всего-навсего крошечная джунгарская хомячиха с печальными глазами и несуетливым характером. В основном она пребывает в трех состояниях: спит, ест или спасается бегством от чересчур любвеобильных Машки с Дашкой. Хм. Пожалуй, стоит на недельку-другую объявить Фуфуню тотемом, чтобы девчонки ее поменьше тискали.

— Ты уже совсем спишь, Вика... — муж подхватывает меня и уносит в спальню. Здорово. Не так уж часто он в последнее время меня носит на руках. Или я действительно сплю?

Хитрый Авдей. Уложит меня тут одну, а сам опять уползет на кухню — к компьютеру, монстров бить или писать очередной роман... Нет уж, сейчас и его уложу спать.

Можно же иногда поколдовать. На благо собственного мужа.

Главное, не забыть утром проснуться, чтобы отправить детей в сад. Сама отведу. Погляжу, что у них там за эзотерика...

* * *

— Надеюсь, вы не сомневаетесь в опытности нашего эксперта?

— Ну что вы! Я верю, что он опытен, и верю, что он ваш.

Г. К. Честертон

— Что у них там за эзотерика?! Они поглощают книжки, написанные безграмотными и лишенными благодати Просветления неучами и разглагольствуют о Тайном Знании с таким умным видом, словно и впрямь обрели его!

— Верно. Это подобно притче о глупом рыбаке, посчитавшем, что в его сети попали не водоросли и мусор, а замечательный тунец, — с задумчивой усмешкой произнесла немолодая

женщина в арестантской робе. В ее пальцах, словно живая рыбка, посверкивал нож, сыпалось деревянное крошево, и через какое-то мгновение женщина поставила на пристроившийся у ее ног овальный столик маленькую резную фигурку. Нэцке. Остромордая крыса, грациозно изогнувшаяся над самурайским мечом. Помимо нее на столике уже стояли крысы с натянутыми луками, со щитами и копьями в узких лапках. Крошечные деревянные клыки хищно скалились, а глазки поблескивали как у живых зверьков...

— Ты сделала настоящую крысиную армию, Тамахоси-сан, — сказала женщина, возмущавшаяся эзотерической невежественностью. Она тоже носила арестантскую робу с номером, но это вовсе не портило ни изящества ее фигуры, ни холодной красоты молодого лица. Если бы сейчас здесь оказались корреспонденты Линда и Гена, они бы узнали в этой тюремной красавице ту, которая скрывалась под труднопроизносимым именем Ама-но кавара — Небесная река...

— Ты слишком высокого мнения о моей недостойной работе, сестра. Госпожа часто, наоборот, упрекает меня за излишнее своеволие и вольную трактовку древних канонов... Может быть, и я подобна тем безумцам, которые взялись рассуждать о Небесном на основании неграмотных записок какого-нибудь нетрезвого выпускника института философии...

Тамахоси сдула невесомые пылинки с острия своего ножа и неуловимым движением спрятала его в брезентовый чехольчик, искусно вшитый в рукав.

— Будет ли сегодня медитация? — спросила она Небесную реку. — Я чувствую в себе истощение светлого начала.

— Госпожа не оставит нас без ежедневного внимания! — успокаивающе шепнула Ама-но кавара и аккуратно присела на краешек койки своей сокамерницы. — Наши сторожа ни в чем не препятствуют ей. Она обладает даром. Мне не впервой мотать срок, но такого фарта еще не было... Ой, прошу извинения, что снова перешла на вульгарный язык. Я хотела сказать...

— Да врубились все конкретно, че ты хотела прокуковать, кукушка самурайская! Завесь шконку! — неожиданно подала голос третья женщина, доселе дремавшая на верхних нарах. Она высунула из-под серого байкового одеяла всклокоченную голову и сверху вниз насмешливо взирала на беседовавших. — Не запахло вам еще и в камере ботать по японской фене?

Обе женщины остро глянули на нее.

— Не забывайся, Ина-каэдзи, — ровным голосом, от которого у нормального человека поползли бы по спине мурашки, сказала резчица деревянных крыс. — Твое имя значит, что тебе чужда измена. Но если в своем сердце ты не прониклась учением Госпожи, берегись! Изменишь нашему пути — не увидишь свободы и Света!

— Ой, да не бери меня на понт, Тamarочка! — растягивая слова, всклокоченная женщина резво спустилась с лежака и встала, уперев руки в бока. — Я ж не твоя пятилетняя дочка, мне ты, как ей, глотку не перережешь... Сплю я чутко. И бью метко. Знаю я, какая ты праведница...

Тамахоси-Тамара резко побледнела, дернула головой, и в ее глазах загорелся нехороший огонь. Но, видимо, она уже научилась владеть своими эмоциями. Поэтому она ограничилась только ядовитым замечанием в сторону Ина-каэдзи:

— Что ж, Ириночка, спасибо, что напомнила мне про мои грехи. Тебе про твои напомнить? Это, кажется, ты была помощницей того парня, ну, который отлавливал всяких мелких бродяжек, особенно пацанов, и перед видеокамерой вытворял с ними такое, что даже ментов на

экспертизе выташнивало? Это ты, добрая тетя, давала мальчику конфетку или дозу и вела его к маньяку?..

— Заткнись, сука! — зарычала Ириночка. Все ее веселое спокойствие как ветром сдуло. — Это брехня! Прокурор пургу мел! И потом... они все равно были беспризорниками! А ты... ты — убийца собственной дочери!

Женщин, некогда умиленно внимавших красоте классического японского романа-моногатари, теперь было не узнать. В атмосфере камеры явно ощущалось наличие свободного электричества, грозящего взрывом убойной силы...

— Ты...

— Ты...

— Эй, эй, а ну хорош шуметь, девки! — злобно-испуганно заорала третья заключенная. Злобно потому, что в глубине души ненавидела их обеих — и старую стервозу Тамахоси-Тамару и стервозу помоложе — Ирину-сводницу. А испуг в крике Небесной реки звучал тоже не от простой женской нервозности: она вовсе не дура была, понимала, кем были ее товарки и что никакая японская полироль не могла отлакировать шершавые души убийц и рецидивисток. Хотя по сравнению с ними Небесная река, а по паспорту — Пустякова Римма Сергеевна, погорела на преступлении ничтожном: ввозе в Россию из Вьетнама трехсот граммов героина...

Тамахоси не вняла голосу разума и с явным наслаждением вцепилась в волосы Иринки-сводницы. Та приглушенно взвыла и двинула резчице по дереву пряменько в солнечное сплетение.

— Вертухай набегут, дуры! — металась по камере Небесная река. — Всем абзац! Заметут параша чистить!

И тут в обитую железом дверь камеры бухнули. Возможно, что прикладом. Открылось крошечное зарешеченное окошечко:

— Эй, японки! Выходи на медитацию!

Этот окрик подействовал на драчуний волшебным образом. Они мгновенно отпрянули друг от друга, словно пятиклассницы, застигнутые за рассматриванием картинок в книге «Основы тантрического секса».

— Нами Амиду Буцу! Наконец-то! — облегченно выдохнула Небесная река. Надо сказать, что из всех увлеченных Страной Цветущей Сакуры дам она была, несмотря на презрительно-надменную гримасу, самой страстной сторонницей медитаций и поклонницей Учения. Учения, которое открывала им старуха Мумё. Мудрая, суровая, немногословно-аскетичная Мумё, о прошлом которой они — заключенные — ничегошеньки не знали. Какое преступление совершила эта величавая старуха, сколько лет ей приходится томиться в колонии и каким образом она, будучи в колонии, ухитрилась наладить связи с японскими спонсорами, — было загадкой для женщин, входивших в Приют Обретения Гармонии. Мумё во время медитаций часто вызывала бывших убийц, сутенерш и рецидивисток на такую откровенность, так мягко убеждала покаяться в былых грехах, что они потом с запоздалым изумлением спрашивали самих себя: с чего это им вдруг приспичило раскрыть душу женщине, о которой они знают только одно — в «миру», то есть, на свободе она носила имя Анастасия.

Под конвоем спешно приведшие себя в порядок Тамахоси, Ина-каэдзи и Небесная река

зашагали в комнату, которую недавно посещали корреспонденты телекомпании «ЭКС-Губерния». Комната Просветления и Обретения Гармонии была местом, в котором любительницы хайку и сакуры отдыхали от всевидящего глаза своих стражей: между охраной и щедрыми японскими спонсорами существовала негласная договоренность о том, что в этом месте для молитвы и постижения глубин собственного «я» заключенным не станут напоминать о том, что они лишены свободы. Поэтому конвоиры выполняли свои обязанности лишь номинально. Да и кому придет в голову опасаться чуть сбрендивших баб, каждый день в один и тот же час собиравшихся только для того, чтобы бубнить на непонятном языке какие-то то ли мантры, то ли заклинания, красить физиономии театральным гримом и вышивать райских птиц на веерах, которые потом пользовались бешеным спросом в магазинах для любителей экзотики... Веера эти, помимо всего прочего, тоже приносили администрации колонии немалый доход. Поэтому администрация относилась к «просветленным» терпимо, медитациям и прочим чудачествам не препятствовала, хотя отведенный пресловутый Приют все-таки был оснащен сигнализацией и видеокамерой слежения, о существовании которой, впрочем, все медитирующие прекрасно знали.

— Приветствую вас, сестры, — негромко, но звучно говорила Мумё каждой входящей женщине. Небесная река отметила, что сегодня все собрались на удивление быстро. Видимо, не одна Тамахоси ощущала в себе упадок светлых благотворных сил. Всегда жизнерадостная любительница сладких рисовых лепешек, Асунаро была непривычно тихой, задумчивой и бледной; закодировавшаяся алкоголичка, бывшая красавица бальзаковского возраста, Кагами, нервно и суетливо поправляла медитационные татами, а вечная тихоня Фусими, невзрачная худышка с белесыми ресницами и жидкими сальными волосами вообще, казалось, сидит ни жива ни мертва.

«Что-тостряслось, — начала строить предположения Римма Пустякова, Небесная река. — Или спонсоры бабок больше не дадут, или Мумё в амнистию идет. Или кто-то провинился...»

Ей стало неуютно от одной этой мысли и от воспоминания о безобразной сцене, недавно разыгравшейся между Иринкой-сводницей и Томкой-Тамахоси. Мумё не терпела подобных нарушений дисциплины, утверждая, что они сводят на нет все ее усилия по просветлению заблудших душ и уподобляют женщин бессмысленным скотам, тогда как Учение говорит о том, что в наступающую эру именно женщине будет отведена главная роль во всех земных и даже небесных делах. Поэтому Мумё строго наблюдала за тем, чтобы ее сторонницы не имели никаких суетных, злобных или эротических помыслов, недостойных звания Высшего Существа... Некстати вспомнилось и давнее происшествие, свидетельницей которому стала едва вступившая в сторонницы Учения Римма: одна из женщин во время чтения «Дневников императорских фрейлин эпохи Мейдзи» стала выкрикивать непристойности, обнажаться и предлагать себя в качестве партнерши для лесбийской любви. Мумё тогда прекратила занятия, велела всем покинуть комнату и вызвала для полураздетой и иступленной бунтовщицы конвой. А наутро сексуально озабоченную преступницу нашли в камере мертвой: она вспорола себе горло осколком зеркала в соответствии с правилами сеппуку, принятыми для провинившихся женщин.

«Не паникуй, — одернула себя Римма. — Как Мумё может знать о том, что произошло? Это ведь не у нее на глазах случилось. И потом... почему это все считают, что той лесбиянке именно старуха приказала покончить с собой? Ничего такого не было. Мумё учит целомудрию, сдержанности и мудрости, она выше всего низменного... И поэтому мы ее боимся. Все. Даже менты, наверное».

— Приступим к медитации, сестры, — тем временем сказала Мумё. — Прошу вас занять свои места.

Женщины, беспрекословно повинуюсь, расселись, поджав под себя ноги и закрыв глаза. Фусими приглушенно всхлипнула. Мумё поставила на покрытый алым платком столик глиняную курительницу, достала тонкие свечи, и по комнате вскоре заструились горьковато-терпкие ароматы сосны, мандарина и кедра. Из музыкального центра полилась негромкая монотонная флейтовая мелодия, наводящая легкую дремоту. На фоне мелодии голос Мумё казался особенно проникновенным.

— О силы, благословляющие нас извне! О силы, таящиеся внутри нас! Мы взываем и просим. Мы внимаем и ощущаем. Мы повинуемся Учению! Терафим! Терафим! Терафим!

Мумё запела. Точнее, это походило на речитатив на абсолютно непонятном языке. Некоторые фразы Мумё повторяла по нескольку раз, а вслед за ней их твердили нестройным хором и остальные женщины. Небесная река вдруг почувствовала, что в нее вливаются сила и энергия, а разум ее остр до такой степени, что может постичь любую премудрость. Римма иногда сравнивала это состояние с тем, в каком оказалась однажды, попробовав кокаина. Разница состояла только в том, что после медитации не мучила головная боль и не выворачивался наизнанку желудок...

Неожиданно пение оборвалось. Глядя на покачивающихся в транс женщин, Мумё заговорила на привычном русском языке:

— Земля и воздух, вода и огонь учат нас быть мудрыми. Внемлите! Земля есть знак плодородного смирения — так будьте смиренны, пока не пришел ваш час! Воздух есть знак всепроникающей невидимости — так будьте незаметны и незримы для чуждых вашему Знанию! Ибо незримая рука легче нанесет удар ничего не подозревающему врагу! Вода — знак направленного терпения, так будьте терпеливы, следуя по намеченному пути! Огонь же, сестры, есть знак неотвратимого возмездия, так бойтесь изменить тому, что является для вас священным!... Сестра, именуемая Ина-каэдзи, встань и покайся перед всеми за сегодняшний грех!!!

От последней фразы транс у всех моментально прошел. Ина-каэдзи вскочила, затравленно глядя на Мумё.

— А что я? — жалобно запричитала она. — Я ничего такого не сделала... Тамахоси первая вцепилась мне в волосы и попрекала меня прошлым. Она злобная и неудержимая в своем гневе, разве не так?

Тамахоси закрыла лицо руками, услышав эти слова, и пробормотала: «О, малодушие!»

— Я знаю, как все произошло на самом деле, — мановением кисти Мумё остановила поток бессвязных речей Ина-каэдзи. — И сужу тебя не за то, что ты, вопреки нашему Учению, дала волю недостойному гневу, а за то, что твое сердце лицемерно, лишено благодарности и веры. Посмотри мне в глаза. Что ты видишь?

Невольно Иринка подчинилась приказу Мумё — так повелительно он прозвучал — и глянула ей в глаза. И от этой процедуры бесшабашно-смелую Иринку встряхнуло так, словно электрический разряд прошел сквозь ее тщедушное, давно не мытое тело. Да это и был разряд. Разряд страха и ненависти.

— Да пошла ты! — завопила Ина-каэдзи так, что с шелковой ширмы посыпались блески. — Ты уже достала, старуха, в натуре! От тебя толку никакого, один треп японский! Обещала дать нам свободу и власть, а вместо этого мы, как дебилы в психушке, коробочки клеим и веерочки складываем! Провались ты к японской матери со своим Учением! На хрен оно мне нужно!

С этими словами Ина-каэдзи прошла мимо онемевших от ужаса женщин к выходу и крепко захлопнула за собой дверь.

В наступившей затем тишине отчетливо прозвучали слова Мумё:

— Кто еще желает следовать путем Ина-каэдзи?

— Никто... — прошелестел ответ на губах оставшихся женщин.

— Хорошо. — Старуха подошла к полке с деревянными крысами-солдатами, которых вырезала Тамахоси. Взяла одну фигурку — крыса натягивала лук — и сказала: — Я хочу рассказать вам одну историю. О крысах.

Некий сборщик риса в провинции Миямото однажды дерзко оскорбил своего господина, отказавшись исполнять порученные ему обязанности. И ночью в постель нерадивого слуги пробралась большая крыса и стала грызть его ноги. Он убил ее. Однако на место убитой крысы пришли еще две и принялись нестерпимо больно кусать сборщика. Когда же он убил и их, обливаясь кровью от ран и потом — от страха, в его дом ринулось несметное полчище крыс. Они грызли стены и ширмы, разбивали посуду и, наконец, насмерть загрызли самого сборщика. Когда об этом узнал его господин, он сказал: «Крыса — палач, которого посылает судьба. От нее нет спасения тому, кто встал на ее пути. Молите будд и читайте Семь Сутр Лотоса, чтобы вам не привелось попасться этому палачу, ибо непокорные и строптивые глупцы обретают от него лютую и позорную казнь...»

— Это было давно, — после некоторого молчания произнесла Мумё. — Но давнее имеет свойство повторяться. Размышляйте об этом, сестры, и медитируйте, сохраняя чистоту помыслов и деяний.

Пробыв в комнате Просветления и Обретения Гармонии еще с час-полтора, женщины разошлись, приняв благословение их наставницы. А глубокой ночью Тамахоси и Небесная река проснулись в своей камере от страшного, пронзительного крика их сокамерницы, дерзкой Ина-каэдзи. Бросившись к ней, они увидели то, от чего их затошнило: Иринка-сводница, крича и захлебываясь кровью, отбивалась из последних сил от огромных крыс, вцепившихся ей в горло, плечи и грудь. Когда же на вопли заключенных прибежала заспанная охрана, все было кончено. Изуродованный труп Иринки унесли в морг, Тамарка и Римма, трясаясь от ужаса, давали показания о несметных полчищах крыс, кишевших в их камере в страшную ночь... А на следующей медитации Мумё, оглядев трепещущих женщин, изрекла:

— Будьте внимательны к своим словам и деяниям, сестры. Живите и поступайте так, чтобы вам не пришлось сказать себе: «Моя жизнь недостойна меня».

* * *

Какая разница между феей и ведьмой?

Год совместной жизни.

Неправда

— Моя жизнь недостойна меня, — заявил Авдей.

Я посмотрела на благоверного с легким прищуром, изучая его ауру. Сердится. Недоволен. Хотя сексуально удовлетворен полчаса назад. Чего тебе, паразит любимый, еще надо? Или психуешь, что посуду заставила помыть?

— Объяснись, — предложила я и принялась очищать свой очередной банан. Ну не могу я жить без этого обезьяньего прикорма, несмотря на постоянные колкости любимого семейства по данному поводу. Бананы меня успокаивают, стимулируют мозговую активность и женскую проницательность. — Итак, в чем дело, дорогой?

— Объясняюсь. — Авдей вздохнул, поставил в сушилку свежевывмытую салатницу и закрыл кран. — Мне кажется, что я закис. Потерял вкус к жизни. Хотя, возможно, это просто осенняя хандра. Ты же знаешь, в отличие от подавляющего большинства российских писателей я это время года тихо ненавижу... Засыпаешь — дождь. Просыпаешься — снег. Мозги просто отсыревают, честно!

Милый, кого ты пытаешься обмануть? В том, что сейчас у тебя смурной вид, повинна не осень, а, скорее всего, новая статья твоего вечного оппонента фантастоведа Леонида Андрианова, напечатанная в альманахе «То». Андрианов, конечно, паскудный тип. Без приглашения является к нам по выходным пить коньяк (когда нам с мужем хочется побыть наедине!), набивается готовить шашлыки на даче (из мною купленной баранины!), приносит дочкам шоколад (а им его нельзя, у них диатез!) и задушевно при этом втолковывает мужу, какой он на самом деле писатель. В смысле, муж. Авдей спорит с ним до хрипоты, пытаюсь доказать, что если его книги читают, значит, талант налицо, а Андрианов начинает разглагольствовать о падении культуры чтения в России и об общей деградации писательского мастерства. Я в эти разговоры не вмешиваюсь, полностью предоставляя мужу самому отстаивать свои права на парнасскую лаврушку, но иногда мне хочется навести на критика порчу. Или лишить его мужского достоинства. Временно. Сдерживает меня лишь то, что мадам Андрианова ходит в моих приятельницах по косметическому салону и частенько жалуется мне на нерегулярность исполнения Андриановым своих супружеских обязанностей... И все-таки, может, мне стоит этого фантастоведа проучить, чтобы он больше не портил настроение моему любимому писателю и человеку?

— Хочешь, я ему в квартире окна перебью? Как булгаковская Маргарита... Утоплю в джакузи его парадный костюм. Унитаз забью гигиеническими прокладками, а на навесных потолках напишу похабные частушки? А еще... еще плюну на его премию. На «Меч Руматы», он все равно его нечестным путем получил! — вдохновенно предложила я Авдею план мести нехорошему критику и, прицелившись, точнехонько отправила шкурку от банана в мусорное ведро.

— Ты о чем? О ком?! — ненатурально изумился супруг. Значит, ход моих мыслей был правилен.

— Я тоже прочла новую статью Андрианова, в которой он тебя в очередной раз дружески презирает, называя твоих героев клишированными рыцарями без первичных половых признаков. Мне не нравится его тон. Мне он вообще не нравится. Это из-за него ты сейчас страдаешь и злишься. Причем зря.

Авдей нервно принялся расхаживать по кухне.

— Ты права. Я чувствую себя выпоротым щенком, но даже не в этом дело. Андрианова можно оставить в покое, должен же я с кем-то ругаться...

— Так, понятно. Тогда, может, мне надо на кого-нибудь порчу наслать? Укажи конкретно в

человеках.

— Ой, Вика, я тебя умоляю... Давай хоть сегодня без магии, а?

Что значит «хоть сегодня»?! Можно подумать, я только и занимаюсь тем, что ворожу целыми днями и насылаю порчу на литературных противников мужа. Между прочим, кто-то, не будем уточнять, кто, просто забыл, что я еще в первый год семейной жизни объявила мораторий на использование магии в границах нашей семьи. И пока держу свое слово! Поскольку я *истинная ведьма*. И как истинной ведьме, мне просто обидно, что меня упрекают в том, чего я даже не совершала. И кто упрекает! Возлюбленный! Который в постели шептал мне безумные слова, называл своей королевой и богиней и покрывал бешеными поцелуями мои бедра, вовсе не замечая наметившегося кое-где целлюлита... Змей-искуситель!

— Как угодно, — сухо говорю я этому змею в домашних тапочках. — Пойду приберусь в детской.

Честно сказать, чувствовала я себя глупо. Потому как считала, что во всем понимаю своего мужа, а на деле оказалось не так. Откровенничать же он отказывался, и это было особенно обидно после того, что мы вытворяли с ним на супружеском ложе. В кои-то веки выдался свободный от детей денек, я старалась ублажить мужа как могла и что же получаю взамен? Кислую физиономию и мизантропические фразы. Закис он, видите ли! Творческий у него, черт побери, кризис!!!

Детская была моим земным Эдемом. Едва мы купили в приличном районе Москвы за баснословные деньги эту пятикомнатную квартиру (в чем, конечно, помогли банковские счета моего приемного папочки Баронета), я уговорила мужа при ремонте снести перегородку между двумя смежными комнатками, заменив ее изящной лепной аркой. В результате мои дети получили в пользование огромное пространство для игр, проказ и сна. Стены детской знакомый художник, друг Авдея, разрисовал пальмами и олеандрами, потолок превратил в нежное рассветное небо, а над кроватями девчонок мы совместными дизайнерскими усилиями соорудили нечто вроде балдахинов с выполненными в манере батика звездами и лунами... Сказка! У меня в детстве такого не было! Поэтому я чуть-чуть завидовала дочерям и чуть-чуть обижалась на них, когда оказывалось, что они легкомысленно устраивают полный кавардак во вверенном им раю. Впрочем, разве в раю надо ходить по струночке, тем более таким девчонкам, как мои?..

Я принялась наводить в детской порядок. Процесс в основном заключался в рассовывании по нужным полкам бесчисленных Машкиных кукол и Дашкиных плюшевых мишек. Дочери были буквально завалены игрушками: это старались моя мама и «деда Калистрат», как звали мои дочери Баронета. Игрушек в каждый свой приезд предки привозили чемоданами, заявляя на мои протесты, что это девочек вовсе не испортит. В конце концов я смирилась, но в качестве альтернативы куклам и медведям купила одной дочери пластмассовый асфальтоукладчик, а другой — доску с дротиками на присосках, тем самым окончательно уронив свое материнское реноме в глазах родственников...

В самый разгар уборки (из-под колес асфальтоукладчика были извлечены заботливо вдавленные в палас брусочки пластилина) в детскую изволил явиться хандрящий гений отечественной фантастики.

— Чего надо? — немиролюбиво поинтересовалась я. Имею я право на плохое настроение или нет (Вы знаете, какой это кропотливый труд — выковыривание пластилина из коврового ворса?!)?..

Вместо ответа муж принялся обнимать меня вместе с медведями и всем своим видом изображать, что настроение у него улучшилось. Но я-то чувствовала его истинное состояние.

— Хватит, Авдей, — в сердцах произнесла я и треснула его медведем по шее. — Или говори все как есть, или я тебя превращу в стойку для обуви.

Муж посмотрел на меня своим особенным, проникновенным, благородно-нефритовым взглядом, и я перестала сердиться. Этот взгляд меня вообще временно лишает дееспособности. И наполняет любовью ко всему на свете. Даже к пластилину.

Мы обнялись и уселись на пол, рядом с детскими горшками (кстати, не забыть их проверить на предмет наполнения. Иногда девочки выливают туда суп, приготовленный мной). Муж потерялся носом о мой нос и заявил:

— Понимаешь, Вика... В моей жизни не хватает приключений.

Мило. Но я благоразумно помалкивала, давая мужу возможность перейти от интродукции к кульминации.

— Нет, серьезно. Я вполне благополучно живу, у меня самая лучшая на свете жена и обалденные дочери, моя работа приносит мне и моральное и материальное удовлетворение, бандиты на меня не наезжают, кирпичи на голову не падают, даже гриппом я ни разу за все пять лет совместной жизни не заболел! А вот чего-то не хватает...

— То ли мировой революции, то ли индейки с грибами... — пробормотала я себе под нос.

— Просто я вчера смотрел этот сериал, ну знаешь, «Последний рыцарь», где обычных парней высаживают в средневековом замке и суют в руки мечи, и подумал: а мужик ли я?

— Ну, дорогой. Вполне, вполне мужик...

— Я не в этом смысле. Жизнь какая-то слишком уж пресная стала, спокойная, остроты ощущений не хватает.

— А давай я тебя возьму на шабаш. Причем в качестве перевозочного средства. Впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Ну, Вика, я же серьезно, а ты издеваешься...

— И я серьезно. Не стыдно тебе, Белинский, а? Разнылся: ах, дайте мне бурю, дайте мне битву, дайте мне меч-кладенец! В рыцари намылился? Может, тогда и за картошкой заодно сходишь? А то мне как-то не к лицу таскать тяжелые авоськи.

— Ты не понимаешь! Я же писатель! Мне нужно откуда-то черпать вдохновение.

— Да, конечно, из горшков собственных дочек его уж точно не почерпнешь.

— Вика! Прекрати издеваться. Ты мой последний роман читала?

— Ну, в общем, да.

(К стыду своему сознаюсь, что мужнино творчество мне в последнее время нравится перестало, особенно проза. Стихи — еще так-сяк. Но разве я могу ему это сказать? Сразу на развод подаст.)

— Это туфта, — с горечью констатировал Авдей. — Туфта на триста страниц. Писал и корчился от отвращения к себе самому. Потому что приключения у моих героев банальные и надуманные! Потому что внутри у меня ничего не кипит!

Эк тебя проняло, родимый. Творческий кризис действительно налицо. Надо срочно утешать мужа и говорить ему, что он ошибается и на самом деле являет собой просто супермена. Мужчины лезть любят еще больше, чем мы, женщины: вечно надо хвалить и убеждать их в собственной неотразимости. Иначе киснут и хотят приключений. Точнее, хотят найти ту, которая обеспечит их самолюбие ежедневными порциями панегириков и мадригалов.

— «Тема дома, тема уюта, тема тихого очага... Я люблю, живу и пою то, чем жизнь мне так дорога...» — процитировала я одно из стихотворений мужа (безусловно, посвященное мне) и добавила уже прозой: — Раньше ты, дорогой, наоборот, мечтал о спокойной размеренной жизни, о семейном очаге и вечернем чае...

— Мечтал... Вика, спокойствие для мужика, настоящего мужика, губительно. От него вырастает пузо и самодовольство. Нужно висеть на скале, мчаться на лошади...

— Можно еще в горящую избу войти. Для разнообразия. Ладно, все, я серьезна, как часовые у Кремлевской стены. И хочу знать, каких именно приключений тебе хочется от жизни?

— Вот, — Авдей смущенно откашлялся, достал из кармана несвежую какую-то бумажку, встал в позу и прочитал:

*Осень. Время рыцарских романов,
Сброшенных доспехов золоченых...
Как-то странно, горестно, влюбленно
Пьются вина сумрачных туманов.
Ты не помнишь? Это было, было,
Пусть не с нами, не по нашей воле:
Звон мечей и стон предсмертный в поле,
И никем не чтимая могила.
Вышивают дамы гобелены,
Пальцы их бесчувственно-усталы.
Что же им до рыцарских уставов
И до тех, кто не пришел из плена.
Только осень — золотым и алым —
Вышьет строчку на поникшем стяге...
А роман — не только на бумаге.*

Дело лишь за рыцарем. За малым.

Дочитав, Авдей вопросительно воззрился на меня.

— Ну, что я могу сказать, — пожала плечами я. — Стихи ты, во всяком случае, писать не разучился... Правда, чью могилу ты имел в виду, я не поняла. А, ясно, это метафорическое восприятие ткани пространства и времени, отягощенное несовершенством человеческой тварности...

— Боже, Вика, что за гадость ты говоришь...

— Ничего не гадость, сейчас так все критики пишут.

— И это все?! Все, что ты хотела мне сказать?!

— Нет, не все. Покажи-ка мне бумажку, на которой стихи написаны... Блин, так я и знала! Это же счет за квартиру, я его неделю ищу, а ты подхватил! Что, в доме бумаги больше нет?!

Мой любимый писатель позеленел лицом, и я поняла, что перегнула палку в его воспитании.

— Авдей, ну не хмурься... Ну, сладенький...

— Я тебе не сладенький! Бумажки пожалела! В-ведьма!

Ого. Кажется, на одно приключение мой супруг точно нарвался. Сейчас вниманию публики будет представлена небольшая семейная сцена. Занимайте места в партере!

— Ах, значит, я ведьма, — приглушенно начала я. — Ах, значит, я тебе творить не даю... Может, я и сама тебе уже разонравилас-с-сь?!

Для пущего эффекта последнюю фразу я произнесла в модулированном тоне, так что эхо перепуганным зайцем заскакало по комнате. При этом я еще и поглядела на супруга *истинным зрением* (глаза мои превращаются в фиолетовые фонарики) и взмыла к потолку в изящном антраша. И зависла. Под потолком. Оттуда, с потолка мне было хорошо видно, как нездоровая бледность вползла на физиономию супруга. Все-таки откровенная демонстрация моих способностей производит на него удручающее впечатление. Даже, можно сказать, пугающее. Тем более что он этой самой демонстрации, почитай, несколько лет не наблюдал и по привычке к тому, что в нормальной жизни у меня и глаза не похожи на маячные огни, и клыки изо рта не лезут. Ну, дорогой, я тебя за язык не тянула, сам ныл, что остроты ощущений тебе не хватает... Будет тебе острота.

Тут главное — не переборщить.

Эффектно вися под потолком, я полуприкрыла глаза и представила себе образ, в который хочу превратиться. Ненадолго. По моему телу прошла волной легкая щекотка, я открыла глаза и с удовольствием посмотрела на свои трансформировавшиеся конечности.

А потом посмотрела на супруга. Он вскочил, замахал на меня руками и заорал:

— Вика, прекрати немедленно это безобразие!

Со стороны смотреть — это та еще была сценка. Мужик в спортивном костюме грозно кричит на сиренево-серебристого чешуйчатого дракона, который раза в три этого самого мужика превосходит по параметрам. Я аккуратно вздохнула — когда становишься драконом, не стоит

забывать о том, что твое дыхание становится огненным в прямом смысле слова. Похоже, мои манипуляции должного эффекта не возымели. Скорее, наоборот.

— Вика, немедленно превращайся обратно!

Легко сказать «немедленно». Телу не прикажешь. Нет, конечно, приказать-то можно, только тогда обратная трансформация может произойти очень болезненно. Тем, кто этого не испытывал, — не понять.

Стараясь не зацепить хвостом ничего из обстановки комнаты, я аккуратно опустилась на пол. Почти опустилась. У меня такие когти на лапах, что если скребнуть ими по ковру — прощай ковер. Просто полная несвобода...

Что может быть хуже несвободы?..

О, черт! Только этого мне не хватало!

Это же просто как удар кувалдой... По моим бедным бабьим мозгам... Что же я натворила!...

Я, к своему стыду, хоть и способная, но весьма рассеянная и давно не практикующая ведьма. Творя какие-нибудь чары, я могу забыть об их побочном эффекте. Побочный эффект трансформации, в частности, заключается в том, что ты внезапно можешь начать мыслить, как тот, в кого превращаешься.

Мыслить как дракон.

Я с детства мечтала быть драконом. Еще не зная, что мечта очень легко может воплотиться в жизнь... Этот медный, бухающий голос в моем сознании, заполняющий каждый мой нейрон, переплавляющий тело и сжигающий душу, — моя свершенная мечта?!

Жить, как дракон, значит — жаждать абсолютной свободы от и власти для.

Свободы от всех и власти для себя. Это безумие.

Так, только спокойно. Я человек. Я должна вернуться.

Зачем?

Здесь тот, кого я люблю. Он мой, мой...

Кто?

А действительно, кто?

Добыча?

Нет!

Почему этот человек кричит? Что он кричит нам?

Я... я не помню. Что-то я должна сделать... Я человек?

Ха. Ха. Ха.

Тогда кто я?..

Дракон.

Кто я-а-а?!

— Вика, Вика, перестань, это уже не смешно. Немедленно прими человеческий облик!

Кто ты такой, чтобы приказывать нам?!

Авдей увидел, как дракон зевнул, широко раскрыв пасть с клыками, похожими на сосульки застывшей ртути. Вместе с зевком из пасти хлестнула струя раскаленного белого пара, заставившего писателя ринуться за высокий комод в поисках спасения. А дракон, развернувшись с грациозностью угольной баржи, взмахнул серебряно зазвеневшими крыльями и вылетел в окно, рассыпавшееся дождем стеклянных брызг.

Мы свободны!

Авдей подбежал к окну. В небе промелькнула и исчезла серебристо-сиреневая молния. А вокруг Авдея, в детской, носились фантики и сухие листья, поднятые холодным октябрьским ветром, ворвавшимся в разбитое окно.

* * *

... Дело это гораздо серьезнее, чем может показаться с первого взгляда.

Артур Конан Дойл

В разбитое окно коридора внимательно выглядывали охранники, перекликались со своими, поднятыми по ночной тревоге, товарищами:

— Что у вас?

— Ничего не обнаружено! Никаких следов!

— Вот черт... Надо сказать, чтобы вырубил сирену. Воеет, как сука, только на нервы действует. И еще раз надо проверить заключенных в камерах.

— Да кто через такую дырку смоеется?! Разве что крыса?

— Может, и так...

И тут прибежала охрана, осматривавшая нижние этажи и подвалы.

— Канализационная труба пробита! Это побег!

Мертвенно-белым ярким светом вспыхнули в коридорах образцовой женской колонии галогеновые лампы. Грохотали по листовому железу сапоги спецподразделения охраны. Коменданты, матерясь на чем свет стоит, разбегались, полуодетые, по секторам. Половина третьего ночи. Самое время устроить в камерах переключку заключенных.

Гремели засовы и двери, то и дело раздавался ошалелый вопль: «На поверку стройсь, с-суки!!!»

Пару раз истошно провизжали женские голоса и послышались глухие удары. Ночной кошмар длился не более получаса. Заключенных пересчитали. Все были на месте.

— Вот дьявол! — выругался начальник охраны. — Ничего не понимаю. Кто тогда мог это сделать?!

И тут из больничного крыла прибежала запыхавшаяся врачиха Ия Карловна с перекошенным от ужаса ртом.

— Что?! — завопил начальник, ожидая, по меньшей мере, что под больничку подложена мина. Однако сказанное врачихой превзошло все его ожидания.

— В морозильнике нет трупа, — задыхаясь, выпалила врачиха.

— Какого трупа?

— Ну этой, № 1186, которую крысы погрызли!

— Черт-те что! — ругнулся начальник. — Говорил же, надо сразу кремировать, а вы все скулили — родственники протест заявят... Какие теперь родственники, мать их! Как труп мог пропасть?! Ведь морг на сигнализации?

— Да. И вечером я проверяла пломбы на дверях. Сейчас пломбы сорваны, сигнализация отключена...

Начальник охраны и врач быстро шли к выбеленному мрачному боксу, в котором и помещался злополучный морг. Начальник строил версии:

— Отключить сигнализацию мог только тот, кто знает код. Вы не могли кому-нибудь случайно?..

— Нет! Я никогда никому не говорю кода, товарищ полковник! У меня же там сейф с... препаратами. Эфир, морфий, левокарнитин, сами понимаете...

— Понимаю. Но как же тогда?

— Не знаю, — на сморщенном личике женщины отразилось искреннее отчаяние. И страх от того, что снова придется зайти в морг, вскрытый неизвестно кем.

У стальных дверей они замерли. Врачиха опять завизжала и сама себе зажала рукой рот: пресловутые свинцовые пломбы, которыми она с вечера опечатывала бокс, были нетронутыми. А алый пульсирующий огонек в верхнем углу двери указывал на то, что и сигнализация работает нормально.

— Не понимаю, — потерянно прошептала женщина, сползая по стене.

— Ия Карловна, только без обмороков! — приказал начальник и в подкрепление приказа добавил такое выражение, которое подействовало на шокированную врачиху лучше нашатыря.

— Нам так или иначе нужно попасть внутрь. Чтобы установить факт похищения трупа.

— Да, да, конечно, — торопливо закивала Ия Карловна и достала из кармана небольшие никелированные кусачки. — Так я срезаю... пломбы?

— У вас руки трясутся. Лучше дайте мне. — И начальник охраны полковник Дрон Петрович

Кирпичный выдвинул панель с кнопками управления сигнализацией.

— Какой у вас код?

— 3737щ920ХЬ, — прошептала врач.

Полковник Кирпичный набрал код и отключил сигнализацию. Затем аккуратно срезал пломбы, повернул запорный рычаг тяжелой двери и вошел в пахнущую карболкой тьму бокса, приглашая Ию Карловну следовать за собой.

— Выключатель слева, — услужливо подсказала врач.

Полковник Кирпичный щелкнул рубильником, и яркий желтоватый свет залил унылое помещение больничного бокса с несколькими коридорчиками, ведущими в приемный покой, процедурную, пустовавшие по случаю отсутствия больных палаты и, наконец, морг (или, на языке персонала, — «морозилку»).

— Воняет тут у вас, — поморщился полковник, идя по коридору к выкрашенным серой краской дверям «морозилки».

— Йодоформ? — предположила Ия Карловна, хотя сама понимала, что йодоформ здесь вовсе ни при чем. Действительно, пованивало на вверенном ей стратегическом объекте медицинского назначения, и нехорошая это была вонь. Обычно именно так пахнут трупы, разлагающиеся в подходящей для этого температуре.

— Ничего не понимаю, — растерянно шептала врачиха, и противный, липкий страх расплзался по телу, хотя слыла Ия Карловна бесстрашным человеком, бывшей сотрудницей КГБ, повидавшей всяких покойников на прозекторских столах. Но такого, чтобы труп исчез бесследно из морозильного шкафа, еще не бывало!

— Где лежал труп? — спросил полковник Кирпичный.

— Здесь. — Ия Карловна с грохотом откинула никелированную крышку бокса и выдвинула из морозной тьмы цинковый поддон.

И закричала.

Вместе с ней закричал было полковник, но вовремя остановился и сказал только:

— ... мать!

На цинковой плоскости лежало нечто, бывшее когда-то человеческим телом. Но самым страшным было то, что среди оголившихся костей, отвратительных лохмотьев разложившейся плоти и внутренностей кишели крысы. Они обгладывали череп, вылезая из глазниц и оскаленного рта, ползали под ребрами, и на минуту показалось, что труп живет чудовищной жизнью.

— Что это такое?! — прокричал полковник, отшатываясь от мерзкого зрелища.

Ия Карловна судорожно сглотнула и постаралась взять себя в руки.

— Это тот самый труп... Заключение № 1186.

— Который пропал?

— Да.

— И как же он опять оказался здесь?

— Я не знаю! — обреченно воскликнула Ия Карловна.

— Может, вам померещилось, что он пропал? А, доктор?

Та истерически хохотнула:

— Вы считаете, *такое* может померещиться?!

Полковник пасмурным взглядом окинул жуткие останки, икнул и пожалел о том, что самопальный семидесятиградусный коньяк был неосмотрительно выпит им еще вчера.

— Чертовщина какая-то, — пробурчал он. Вышло так, будто полковник Кирпичный жаловался неизвестно кому на загадочное происшествие, случившееся на вверенном ему объекте.

— Похоже на то, — зябко передернула плечами Ия Карловна. — Что делать будем, товарищ полковник?

— С этим?

— Ну, с этим-то более-менее все ясно. Я немедленно вызову уборщика, и останки кремируют. А вот разобраться во всей этой чертовщине, как вы изволили выразиться...

... Жирная лоснящаяся крыса соскользнула с трупа и быстро засемила к выходу из морга. За ее хвостом тянулась тонкая кровавая полоска. Врачику взвизгнула:

— Я больше не могу здесь оставаться! Уйдемте отсюда!

Полковник полностью с ней согласился, но прежде чем уйти, он по внутренней рации вызвал тюремного санитара, с помощью ненормативной лексики разъяснив ему предстоящие действия. И постарался выкинуть все это из головы. Тем более что с утра пораньше начальнику охраны предстояла нелегкая задача: допросить всех заключенных, не слышали (не видели) ли они минувшей ночью чего-нибудь подозрительного. И для чего была пробита канализационная труба и разбито окно в коридоре, если никто не сбежал?..

Словом, у полковника Кирпичного и без того хватало забот. Поэтому он и не спросил у санитара, кремировал ли тот останки несчастной Иринки-сводницы, заключенной № 1186. А зря! Потому что никаких останков, а также копошащихся в них крыс тот не обнаружил, цинковый поддон был стерильно чист и своей чистотой отрицал даже мысли о наличии хоть какого-нибудь трупа. Санитар, увидев это, паниковать не стал, включил кремационный блок и спалил там пару мешков с кухонными отбросами. Для отчетности. А то что трупа не оказалось — его не касается...

Санитару повезло. Он констатировал лишь пропажу трупа, но ему не довелось увидеть, как за полчаса до его прихода этот самый разложившийся труп вдруг встал, стряхивая с себя грязных и пищущих крыс, слез с цинкового ложа, кокетливо принялся охорашиваться остатками рук и через минуту превратился в респектабельную пожилую даму, известную среди обитательниц Приюта Обретения Гармонии, как Мумё Безымьянная флейта... Дама подошла к зеркально блестящей поверхности шкафа с хирургическими инструментами, улыбнулась своему все более хорошеющему отражению и одним движением указательного пальца вспорола

цельнометаллическую дверь. Взяв коробку со старыми, еще стеклянными шприцами и пачку длинных ампул, надписанных по-латыни «Morphinum», она принялась, торопливо, но без суеты, вкалывать себе содержимое не менее десятка ампул, после чего ее глаза стали по блеску напоминать люминесцентные лампы. После означенной медицинской процедуры ожившая и обколотая как свихнувшийся берсерк покойница, прихватив остатки ампул и шприцы, вышла из больничного бокса, аккуратно гася за собой свет. К утренней поверке она была уже в своей камере и приветствовала конвой своим обычным благословением. Только одну странность заметили в обычно спокойной и молчаливой старухе: веки ее странно подергивались, словно дневной свет резал глаза. И еще она произнесла в пространство загадочную фразу: «Надеюсь, ты уже добралась до конца своего пути, о Госпожа».

* * *

... Женщине с мужчиной никогда друг друга не понять.

Н. Гумилев

— Ты уже добралась до конца своего пути, о Госпожа! Верь нам, мы твои искренние слуги!

Серебристо-сиреневый дракон яростно извивался всем телом, пытаясь выбраться из-под магического экрана. Дракона со всех сторон окружали люди в одежде невероятных цветов и форм. Эта одежда скорее напоминала чешую.

— *Кто вы такие?!* — прорычал дракон, исходя пламенем.

Люди засмеялись:

— Мы — подобные тебе!

Дело происходило на одном из заброшенных подмосковных полигонов — гигантском поле с выгоревшей бурой осенней травой. Вокруг полигона осыпались листья с березняка, поскрипывали старые полузасохшие сосны, кусты волчьего лыка и дикой малины создали заграждение, способное удержать непрошеного гостя не хуже, чем мотки колючей проволоки... Впрочем, гостей здесь никогда не было. Из людского племени, во всяком случае.

— *Кто вы такие?!*

— Драконы!

Люди в странных одеждах принялись извиваться и корчиться, и сиреневый дракон, замерев, увидел, что он такой не один. На бурой мертвой траве расположилось по меньшей мере три десятка драконов!

Они были ослепительны в своей красоте. Извержение вулкана, зигзаг молнии, ядерный взрыв тоже по-своему красивы. Или уж, на худой конец, впечатляющи. А уж впечатлять-то драконы умели! Как никто другой.

Впервые за все время своего бесшабашно-гордого одинокого полета сиреневый дракон почувствовал себя крайне неуверенно.

— Я не знала...

— *Мы не знали!!!*

— *Ох... Мы не знали, что в Москве существуют драконы, кроме нас.*

Среди блистающих чешуей драконов раздалось рычание. По-видимому, это означало смех.

— Нас много, Госпожа, верь нам. Но мы не могли показать этому миру свою силу, пока тебя не было с нами. Но теперь, когда явилась ты, о Госпожа...

— Кто, я?!

— *Кто, мы?*

— Ты — наша повелительница, чье имя изрек тот, кто правил нами до тебя. Он отдал дань человеческой брэнности и стал земным прахом триста лет назад. И все эти годы драконы ждали тебя. И ты пришла. Владей нами.

— А зачем мне это надо? Кто я?

— *Молчи! Мы принимаем власть над вами, о свободное племя драконов!*

Полигон взревел и вспыхнул, как будто на нем взорвали две тысячи фейерверков...

— Нет! У меня же есть Имя! А драконы не носят Имен! Я хочу вспомнить свое Имя!!! Кто-нибудь, скажите, как меня зовут!

— ... Вика!

Авдей выкрикнул имя жены и вскочил в постели, обливаясь холодным потом. Каждую ночь ему снились сны с участием драконов, и в каждом этом сне он хотел вернуть свою непутевую супругу. И не мог.

Авдей посмотрел на светящийся в темноте циферблат: четвертый час. Скоро утро. Спать больше не имело смысла, хотя и лег он не раньше полуночи. Он натянул халат и на цыпочках прошел мимо детской — на кухню. Вика... Вика, ведьма моя, сокровище мое черноволосое. Черт возьми, ты сбежала, и мне даже кофе попить не с кем! Не говоря уж о более интимных вещах.

Авдей посидел, бездумно рассматривая предрассветную дождливую мглу за тюлевой кухонной шторкой, потом вздохнул и привычно запустил компьютер. В последние несколько дней, прошедших с исчезновения Вики, он даже почту не смотрел. Может, там что-то важное есть?

Ничего особенного. Два письма из издательства (их в архив), очередной критический опус Андрианова ("*удалить*" — злорадно приказал Авдей)... А вот это действительно интересно...

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. Уж не случилось ли с Вами, о господин сочинитель, некой житейской неприятности?

С человеком, скрывавшимся под ником «Фрейлина Кодзайсё», Авдей общался по e-mail уже с месяц. Просто как-то, в один из вечеров, дожидаясь с работы жену, он забрел в чат поклонников японской литературы. Где продемонстрировал свои неплохие знания в жанре мистики Страны восходящего солнца. Продолжить с ним общение возжелала именно «Фрейлина». Авдей понял, почему его незримый собеседник (вовсе не обязательно, что это женщина!) взял себе такой вычурный ник. Фрейлина Кодзайсё была героиней старинного

печального рассказа, призраком с поэтической и неуспокоенной душой. Ну а с точки зрения Сети, все общающиеся в ней — не более чем призраки.

Впрочем, себе Авдей придумал другой ник. Он отправился в чат, привычно зашелестев клавишами, а по экрану побежали торопливые строчки:

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Шлю Вам мой поклон, о Фрейлина. Ваша пронцательность не имеет границ. Действительно, в последние дни в моей жизни произошли разительные перемены, достойные пера Эдогава Рампо...*

В принципе, Авдей и не надеялся на моментальный ответ. Вряд ли его «Фрейлина» бесконечно сидит за компьютером. Однако оказалось, что Авдей ошибался, минут через пять услышав жужжание своего старенького модема.

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *О, как мне радостно снова обрести в Вас дорогого сердцу собеседника! Простите, что выражаюсь выпрренно. Но волнение снедает мою душу: приоткройте завесу тайны над тем, что случилось с Вами.*

«Ишь ты», — усмехнулся Авдей. На самом деле никто не хочет грузить себя чужими проблемами. Тем более такой проблемой, как превращение жены в блестящее чудище с последующим ее (жены) исчезновением. Авдей даже дочерям не сказал толком всей правды. Проямлил плохо сочиненную байку про то, что маме пришлось срочно выехать на две недели в родной город к заболевшей подруге... А уж собеседнику в чате тем более такое не доверишь. Хотя... Почему бы и нет?! Ведь это не придаст их разговору никакой ответственности!

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Я растерян и одинок. Меня неожиданно покинул близкий человек.*

Видимо, здесь не обошлось без колдовства. Сообщение о прибытии ответа появилось практически мгновенно.

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Она умерла?*

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Помилуй бог, нет! Но как Вы догадались, что это «она»?*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Это мой секрет. Но если она не мертва, я могу Вам помочь вернуть ее.*

У Авдея на мгновение остановилось сердце. Но лишь на мгновение. Он горько усмехнулся. Видимо, «Фрейлина» чересчур много торчит в Сети и потому возомнила себя всемогущей. Вернуть Вику, ставшую драконом... Это уж слишком!

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Сожалею, это невозможно.*

На этот раз возникла некоторая пауза.

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Уверяю Вас, для меня нет ничего невозможного.*

Авдей вдруг почувствовал острую неприязнь к этой сетевой болтушке, ошалевшей от бесконечного сидения за клавиатурой. Ей не понять, что он на самом деле переживает. Ей (или ему?) лишь бы поболтать, развеивая предутреннюю бессонную скуку. «Иди ты к черту», — мрачно подумал писатель, но на монитор вывел совсем другое, бесстрастно-вежливое:

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Прошу простить, но я вынужден откланяться.*

И он действительно хотел это сделать, но новое послание прямо-таки вспыхнуло на мониторе, упрямо и решительно:

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Верьте мне! Я знаю, с кем сейчас Ваша жена! Я знаю, кем она стала сейчас! Я помогу Вам спасти Вику!*

Авдей прилип к креслу, пытаясь справиться с вмиг подступившим головокружением. Набрал непослушными пальцами:

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Кто Вы?!*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Ваш друг и Ваша надежда. Пока отдыхайте. Я найду Вас и помогу Вам.*

Модем моментально стих, будто умер. И Авдей понял, что бесполезно сейчас доискиваться в Сети своей таинственной «Фрейлины» и задавать ей вопросы, сжигающие его сердце. Но одно Авдей мог сказать абсолютно точно: у него действительно появилась надежда. На то, что Вика очень скоро снова войдет в этот дом.

А ведь если вспомнить, как он был ошарашен в тот день, когда Вика улетела...

В первые полчаса после памятного побега, а точнее, полета, оправившись от шока и отойдя от разбитого окна, за которым скрылась возлюбленная законная супруга, Авдей был уверен, что все это безобразие — очередные Викины «штучки». Полетает, мол, и вернется. Он подмел осколки в детской, вызвал по телефону стекольщика, спокойно продиктовав ему размер стекла и адрес дома... Потом наступило время идти за дочерьми, которые в этот злосчастный день гостили у Викиной приятельницы-хиромантки. Хиромантка по имени Зося Хрустальная была многодетной матерью-одиночкой, но ни пятеро ее сыновей-сорванцов, осаждавших ее малогабаритную комнатенку в коммуналке, ни перманентные материальные трудности не могли поколебать ее глобального оптимизма. Зося на собственной ладони вычитала, что ее со всеми чадами полюбит наследный принц Зимбабве и увезет в свою, полную экзотики и неразработанных алмазных копей, страну.

Но куда принц не появлялся, в судьбе Зоей сильное участие принимала Вика. По выходным она отправляла Машку с Дашкой к Зосе якобы для того, чтобы они повеселились в дружной ребячьей компании, и заодно привозила ворох всякой одежды и полные сумки еды из ближайшего супермаркета. И совала в руку Зосе пару сотен долларов — «детям на конфеты»...

Авдей, в принципе, был не против подобных воскресных выездов детей. Тем более что в родные пенаты их всегда привозила жена. Но сейчас дело обстояло иначе. Брошенному супругу предстояло самому отправиться за детьми по адресу, который он практически не помнил...

Одно хорошо, Вика все-таки не настолько безалаберный человек, чтобы игнорировать такое благо цивилизации, как записная книжка. Уж там-то должен быть записан адрес хиромантки Зоси!

Покуда вызванный мастер вставлял в детской стекло, Авдей листал записную книжку жены. И иногда при этом обливался холодным потом. А вам каково было бы, если б вы обнаружили в записной книжке близкого человека адреса и телефоны вампиров, оборотней, колдунов, а также фантомов, близких к правительственным кругам?! То-то и оно!

Адрес Зоей Хрустальной был записан особо. Жила она на окраине, почти в Коломенском, и Авдей вспомнил, что Вика всегда вызывала такси. Ему тоже стоило поторопиться. Время движется к вечеру, дети уже наверняка хотят домой, а дома их ждет сюрприз в виде исчезнувшей одраконившейся мамы. Весело, нечего сказать!

Впрочем, все время, пока расплачивался со стекольщиком, пока вызывал такси, пока в этом такси ехал, Авдей лелеял надежду, что Вика немедленно вернется. Они с девчонками подъедут, а она — дома, варит очередную кошмарную кашу. Авдей сцепил пальцы и подумал, что ради возвращения жены он этой каши готов съедать по кастрюле в день хоть целый год...

«И зачем я ляпнул, что мне в жизни не хватает приключений?! Вот, хорошенькое приключение — жена превратилась в дракона и исчезла в неизвестном направлении. Представляю, как на меня поглядели бы в милиции, заяви я, что пропала жена. Особые приметы — дракон серебристо-сиреневого цвета. Размер два с половиной-три метра. Цвет глаз — фиолетовый... Черт, шутки шутками, а надо что-то предпринимать. Что я Машке с Дашкой скажу? Они же меня растерзают».

Пока ехал в такси, Авдей придумал и развеял в прах не меньше сотни версий, логично объясняющих дочкам, куда исчезла мама. В конце концов, утомившись ломать голову, он решил, что сначала привезет детей домой, а там уж пойдут все объяснения.

Зося-хиромантка занимала, видимо, самую большую жилплощадь в обшарпанной коммуналке дореволюционной постройки. Привыкший к офисному евродизайну писатель с некоторым опасением двинулся по длинному, освещенному тусклой голой лампочкой коридору, сжимая в руке бумажку с адресом и оглядываясь на грозно свисающие со стен гигантские оцинкованные корыта в щербатых пятнах. За дверями коммуналки шла по случаю воскресенья бурная жизнь: где-то нетрезвый мужской хор жалостливо просил: «Позови меня тихо по имени», где-то гремел магнитофон, выясняя, кто такая Элис, а еще за одной неплотно прикрытой дверью явственно слышались томные вздохи и стоны известного происхождения. Неожиданно, как из-под земли перед Авдеем возникла закутанная во фланелевый выцветший халатишко старушонка, сморщенная, сгорбленная, с колючим цепким взглядом, и судя по всему она явно вознамерилась преградить писателю-фантасту путь своей впалой грудью.

— Вы здесь почему, гражданин? — сурово пропищала она. — Я милицию позову по факту незаконного вторжения! Документики!

И старушка выбросила вперед костлявую, обтянутую фланелькой ручку.

— Я, собственно, к Зосе Венцлавовне, — растерянно пробормотал Авдей, чувствуя себя полным кретином. Ну не воевать же ему со старушонкой!

— Нет здесь таких! — отрезала старушка и зло поджала сморщенные бесцветные губы.

— Как же нет? — Авдей начал злиться. — У меня адрес указан и ключ от общего коридора приложен...

— А дайте-ка его сюда! — цепкая ручка с неожиданной силой дернула писателя за рукав выходного пиджака, и писатель впервые понял, почему на самом деле Родя Раскольников зарубил старушку-процентщицу.

— Послушайте, вы! — грозно крикнул Авдей, с силой отталкивая от себя противную бабку. — Это не ваше дело!

— Еще какое мое-то, — улыбнулась старушка, и Авдей с мгновенно прошившим сердце ужасом увидел, что зубы у старушонки игольно-острые и блестящие, как ртуть. — Еще вспомнешь меня, как жену-то будешь разыскивать!

— Что?! — теперь уж Авдей вцепился в старушонку. — Что вы знаете о Вике?!

Но вредная старуха отвечать не пожелала, а ловко вывернувшись из рук Авдея, взяла и ушла в стену, оклеенную выцветшими обоями.

— Чертовщина, — Авдей вытер пот со лба.

Но чертовщина чертовщиной, а детей-то забирать надо. Наконец коридор привел Авдея к обшитой филёнками двери, на которой красовалась блестящая голографическая наклейка:

ЗОСЯ ХРУСТАЛЬНАЯ.

ХИРОМАНТИЯ.

ВСЕ ВИДЫ ПРЕДСКАЗАНИЙ.

ВАША СУДЬБА — НА ВАШЕЙ ЛАДОНИ!

ПРИЕМ ЕЖЕДНЕВНО В УДОБНОЕ ДЛЯ ВАС ВРЕМЯ.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ВИЗИТА ГАРАНТИРУЕТСЯ!

Под объявлением висел экстравагантный бронзовый колокольчик, а за дверью стоял галдеж, наводящий на мысль об экскурсии детского сада в обезьяний питомник. Авдей различил вдохновенный ор своих любимых дочерей и с облегчением позвонил: он попал куда надо.

Дверь немедленно распахнулась, и перед Авдеем возникла гренадерского роста дама в ярко-желтом кимоно, едва не трещащем на мощной груди. Из-за спины дамы повысовывались любопытствующие детские мордашки, две из которых ошеломленному писателю-фантасту были весьма хорошо знакомы.

— Папа! — завопили Марья и Дарья. — Это наш папа пришел, не бойтесь! Мы его возьмем в плен как бледнолицего шпиона!

— У-лю-лю-лю-лю-лю! — согласно завопили перемазанные акварельными красками и гуашью малолетние краснокожие и устрашающе затрясли пластмассовыми томагавками.

— Отставить плен! — громогласно приказала дама-гренадер, левой мощной дланью направляя детей прочь из коридора, а правую протягивая Авдею. — Зося. А вы, вероятно, Викин муж, Авдей? Рада вас видеть. Проходите, будьте как дома.

— С-спасибо, — выдавил Авдей. Рукопожатие хиромантки было весьма ощутимым.

Он прошел следом за хозяйкой в небольшую комнатку, вероятно, считавшуюся гостиной, и огляделся.

— Ого, — сказал Авдей.

— Я здесь принимаю клиентов, а им нужен небольшой элемент экзотики, чтобы настроиться на мистический лад.

Надо думать, Зосины клиенты настраивались моментально, едва им посчастливилось видеть то, что увидел Авдей. Стены небольшой овальной комнаты не были оклеены обоями, а обиты темно-фиолетовой бархатной тканью с разбросанным узором из желтых лун, звезд и зодиакальных колец. Кроме того, по стенам скалились вырезанные из темного дерева уродливые клыкастые маски с переливчатыми перламутровыми вставками вместо глаз. Эти незрячие глаза вызывающе пялились на каждого посетителя и заставляли их припомнить все свои прегрешения... С потолка спускалась пыльная хрустальная люстра, на рожках которой красовалось не меньше полудюжины эолий — подвешенных на лесках разнокалиберных трубочек, тонко и красиво позванивающих от малейшего колебания воздуха. У окна, не занавешенного портьерой, на обычной табуретке стояла оклеенная фольгой кадка с раскидистым фикусом. В центре комнаты располагался овальный же стол, накрытый бордовой, похожей на парчу тканью. С одной стороны ткань была откинута, демонстрируя нескромному взору обычную клеенку с горкой невымытых тарелок и упаковками из-под кефира — остаток чьего-то ужина. На венских стульях висели детские колготки, в официальное время приема клиентов наверняка убираемые в шкаф, стоявший тут же и почему-то украшенный большим плакатом с физиономией Дэвида Копперфилда.

Зося, нимало не смущаясь, накрыла грязные тарелки полосатым посудным полотенцем, сдернула с одного из стульев колготки, засунув их при этом в карман своего ярко-желтого кимоно, поправила прическу и предложила басом:

— Присаживайтесь.

— А вы?

— Я постою. В дверях. — В подтверждение хиромантка прочно прижала своей кормой двери. — Иначе эти сорванцы не дадут нам спокойно поговорить. Вы ведь приехали не просто для того, чтобы забрать девочек? С Викой что-то стряслось?

— Как... как вы догадались?

Зося усмехнулась:

— Да уж не в магическом кристалле узрела! Во-первых, по вашему растерянному и плохо выбритому лицу. А во-вторых, моя дорогая подруга всегда самолично приезжает за детишками. А раз она не приехала, то...

— Вы правы.

Авдей вздохнул и вкратце изложил суть дела. По ходу его рассказа в дверь пару раз ударяли детские кулачки с требованием: «Откройте, полиция!», кто-то угрожающе-пискливо завывал, изображая злобное привидение, и, наконец, все тот же детский хор фальшиво, но самозабвенно исполнил известную песню «Владимирский централ».

— Это не Викин образ, — раздумчиво пробормотала хиромантка, когда Авдей закончил свою печальную повесть брошенного супруга.

— Простите, Зося, я не совсем понимаю...

— Молчать на шканцах! Авдей, это я не вам. Никакого сладу с этой командой... Впрочем, к делу. Авдей, скажите откровенно: часто ли Вика превращалась при вас либо при детях?

— Никогда! До... последнего момента. И вообще это был ее принцип — дома, а тем более при

детях — никакой магии! Она старалась, чтобы девчонки не знали, до поры до времени, разумеется, какими особенностями обладает их мать. А сегодня — просто не знаю, что на нее нашло!

(О том, что он жаловался жене на кислое настроение и творческий кризис, Авдей предпочел благоразумно умолчать.)

— Так, так... — Зося поманила к себе массивное старинное кресло, и оно, неуклюже покачиваясь, подплыло к ней. Зося тщательно притиснула креслом дверь (за дверью раздался новый взрыв возмущенных детских воплей), а сама пошарила в кадке с фикусом и достала оттуда небольшое зеркальце в потрескавшейся пластмассовой оправе, вроде тех, что продаются на каждом рынке.

— Ну что, свет мой, зеркальце, — Зося подышала на запорошенную землей блестящую поверхность и протерла ее не очень чистым рукавом халата. — Запускайся давай. Покажи мне мою подругу любезную, ведьму Викку!

В зеркале отразилось пасмурное осеннее небо, затянутое неопрытными облаками. Зося озадаченно хмыкнула, и тут в серой пелене облаков на мгновение высверкнула сиреневая молния.

— Зафиксировать! — приказала зеркальцу Зося. Изображение послушно зафиксировалось и укрупнилось. Приглядевшись к этой молнии, Зося и Авдей увидели танцующего в небе дракона. Его чешуя светилась сама собой, крылья были прозрачными, как слюда, но весьма внушительными, а из ноздрей валил пар.

— Ну и ну, — вымолвила Зося и перевернула зеркальце.

— Вы... зачем?! — ахнул Авдей. — Мы же могли узнать, где она сейчас находится!

— Я и без зеркала это знаю, — вздохнула Зося и, подойдя к шкафу, выудила из его недр пузатую бутылочку с подозрительно темной плещущейся жидкостью. — Будешь? Не волнуйся, это всего-навсего домашняя настойка на ежевике. Сама делала. А то, может, тебе трудно слушать меня на трезвую голову.

— Я не пью, — мрачно соврал Авдей, помня о том, что ему еще детей домой везти и с ними объясняться. Ох, горе горькое...

— Лады. А себе я налью. — Зося нацедила из бутылочки в маленький стаканчик и бойко его опрокинула. — Слушай теперь внимательно.

Она принялась рассказывать вокруг стола.

— Итак, драконы. Они же, судя по нашему фольклору, Змеи Горынычи, змеи Тугарины и тому подобное. Некоторые считают их реально существовавшими животными, вымершими, однако, вследствие неблагоприятной экологической обстановки. Другие видят в драконах только мифических персонажей, наделенных злобным разумом, любовью к золоту и молоденьким девственницам. Да, и еще от этих драконов требовалось существовать хотя бы для того, чтобы у средневекового рыцаря был благопристойный повод слинять от поднадоевшей дамы сердца: дескать, еду на подвиги, дорогая, жди к ужину, привезу тебе голову дракона... Но! — Зося подняла указательный палец, — с тех пор концепция генезиса драконов значительно изменилась. И прежде всего потому, что на самом деле созданием так называемой морфической структуры дракона занимаются колдуны и ведьмы. Непонятно? Объясню.

Сейчас драконы — это не драконы, какими мы их *привыкли представлять*, а люди, которые решили, что *могут стать драконами*. И стали ими! Их нельзя назвать оборотнями, потому что оборотень не волен выбирать свой образ, а также время превращения. Скорее, это люди, в которых живет свой дракон. Это даже у кого-то из классиков я читала: в каждом присутствует свой дракон.

— Ты хочешь сказать, что у моей Вики душа дракона?!

— Не совсем... Хотя что в этом ужасного? Все зависит от того, под каким углом смотреть на вопрос о драконах. Ты считаешь, что люди-драконы противоестественны?

— Но...

— погоди. Пойдем путем элементарного сравнения. Твоя жена — ведьма. Так?

— Так.

— И при этом, осознавая ее, скажем так, необычную сущность, ты ее нелицемерно любишь. И всячески готов не только оправдать, но и защищать ее право на существование. Так?

— Ну, разумеется.

— Это для тебя (ой, ты не сердись, что я на «ты» перешла?) разумеется. А вот для автора «Молота ведьм» и подобных ему разумеется совершенно обратное. Для них твоя жена — пособница дьявола, исчадие зла, чью душу может спасти только искупительный костер... Так вот. То же самое происходит и с драконами. Кто-то считает, что они зло. Кто-то считает, что они — экзотика, необходимый элемент сказки или мифа. А на самом деле они — сами по себе. Как, впрочем, и ведьмы.

— А... угроза обществу?

Зоя засмеялась так, что ее грудь волнообразно заколыхалась.

— Авдей, какие-нибудь обкурившиеся марихуаны террористы куда больше угрожают обществу, чем все маги вместе взятые! Поверь, это так.

— У Вики была тетка, черная ведьма. Так вот она лет пять назад представляла реальную угрозу для всего мира. У нее такие властолюбивые мечты были!

— Ну и что, воплотились они? Вика мне рассказывала, я в курсе...

— Нет, погоди. Как у Вики может быть сознание дракона?! Дракон — это нечисть, вроде вампиров, зомби, оборотней. А Вика — светлая ведьма.

Зоя внимательно поглядела на Авдея. При этом серые глаза хиромантки приобрели явственный оттенок старого золота.

— Светлая, говоришь, — повторила она. — А все остальные, значит, темные, плохие-нехорошие. Это кто ж тебя такой глупости научил?!

— Ну как... Читал. Оккультную литературу. Всякую.

Хиромантка презрительно фыркнула:

— Слушай меня и повышай свой ай-кью, писатель! Все эти разговоры о темной и светлой магии, темной и светлой нежити выдуманы знаешь кем? *Обычными* людьми. В том числе и вами, достопочтенными писателями-фантастами. *Потому что так проще.* Отчерчивать. *Отделять.* Это — горбатая ведьма, наводит порчу, она злая. А это — хрупкая прелестная волшебница, она исполняет заветные мечты, она добрая. А на самом-то деле нет добрых ведьм и злых вампиров! Есть существа, почти такие же люди, только душа у них немножко наизнанку, понимаешь? Как различить, кто светел, кто темен?

— Если творит зло, значит...

— Угу. Вампир питается энергией жертвы — это зло. А вот если ведьма помогает отчаявшейся девушке приворожить ушедшего к другой парня — это как, добро? Бедная девушка, она так его любит, а он ушел. Вот он выпьет подмешанное в кока-колу приворотное зелье и вернется. Но вернется не по своей воле — раз, и при этом бросив другую любящую его девушку — два. *Добрая это ведьма?*

— Ты берешь крайности.

— Ваши рассуждения о свете и тьме тоже крайности. Жизнь на самом деле состоит из полутонов. И кстати, историю с парнем и девушкой я не выдумала. Девушка (реальная, студентка МГУ, между прочим!) обратилась за приворотным зельем к одной ведьме, говоря, что иначе без любимого парня покончит с собой. Ведьма дала ей это зелье. Девушка вышла замуж за парня, а через год его бросила. Действие зелья кончилось.

— И кто же эта ведьма, творящая такие дела?

— Твоя жена, — спокойно сказала Зося.

— Но Вика никогда за это время не занималась подобными вещами...

— Дома — нет. А у меня иногда — да. По старой памяти. Ну так как? Черная ведьма твоя жена? Воплощенное зло?

— Перестань! — Авдей схватился за голову. — Какие вещи я о Вике узнаю... Ужас просто!

— Вот твое стереотипное мышление и сработало! Ты ж знал, что она ведьма. Чего ж теперь испугался? Того, что она еще и дракончик?

— Нет. Но я хочу ее найти. Я хочу, чтобы она вернулась. В человеческом обличе.

— Вот речь не мальчика, но мужа. Да успокойся ты! Она сама благополучно найдется, когда ее сознание прекратит двоиться и над драконьим возобладает человеческое...

— А детям я что скажу?! Зося, ведь это катастрофа!

Зося опять засмеялась:

— Знаю я, в чем твоя катастрофа. Придется самому мыть девчонок, готовить еду, стирать и гладить их платишки. И в сад водить. Да? Ничего, не рассыплешься. Считай, что жена взяла отпуск и уехала в санаторий для утомленных хозяйством ведьм. А если серьезно, Авдей, я тебе с девочками всегда готова помочь. Привози их, если у тебя будут срочные дела, а их оставить не на кого. Здесь им весело.

В подтверждение последних слов Зоей тяжелое кресло медленно отъехало от двери, образовав небольшую щель. В щель по одному аккуратно просочились пятеро мальчиков и две девочки разной степени замызганности и восторженности.

— Я разве велела заходить? — спросила Зося, стараясь быть суровой.

— Мам, мы там уже во все переиграли! И в казаков-разбойников, и в русскую рулетку, и в молодоженов, и в умников и умниц. И даже в «догони меня, кирпич» успели сыграть! — похвастался самый старший мальчик в изрисованном фломастерами джинсовом костюмчике.

— Сокровище мое, — умилилась мама. — Брысь в ванную! И братьев с собой прихвати! Марья и Дарья, стоять! Вас это не касается. Папа приехал вас забрать.

Дочери немедленно повисли на Авдее, галдя наперебой:

— А мы еще к тете Зосе приедем?

— А ты уже купил самокат, как я просила?

— А Машка опять ковырялась в носу и козюли об диван вытирала!

— Это ты вытирала! Ябеда!

— Ти-хо! — возвысил голос счастливый отец. — Все вопросы потом. Время позднее, нам пора домой, у тети Зоси и так от вас уже мигрень!

Авдей вызвал такси и, уже прощаясь с хироманткой, смущенно спросил:

— Зося, ты не знаешь, тут у вас такая противная старуха живет... Как прицепилась ко мне сегодня, документы требовала, милицией грозилась!

— А, это Дуся-фланелька! — махнула рукой Зося. — Привидение наше местное, коммунальное. Пережиток тоталитарного времени. Ее репрессировали в тридцать седьмом за спекуляции валютой, вот ее душа тут и мается. Ты ее в другой раз не пугайся, она не опасная, болтает глупости всякие...

— Но она сказала, что ей что-то известно о Вике...

— Да говорю же, глупости. Все привидения способны человеческие мысли читать и сканировать эмоциональный фон. Она и учуяла, что ты о жене беспокоишься. Между прочим, многие ясновидцы на самом деле и не ясновидцы вовсе, а просто при себе парочку привидений держат, чтобы выяснять мысли клиентов. Но это я так, к слову...

Наконец, такси приехало, затянувшийся ритуал прощания завершился. Дочки уселись в машину, и едва та тронулась с места, задали папе лобовой вопрос:

— Почему за нами не приехала мама? Где она? Авдей, стиснув зубы, простонал:

— Началось...

* * *

Где женщины — там делу гибель.

Лопе де Вега

Началось все, как всегда, с медитации. Происшедшие в колонии события взволновали даже тех, кто внешне сохранял невозмутимость. О таинственной пропаже, возвращении и новой окончательной уже пропаже трупа Иринки-сводницы заключенные шептались потихоньку от охраны. Охрана же ужесточила правила, лишив на две недели всех эзков прогулок и свиданий. Исключение составляли только те, кто вместе со старухой Мумё по-прежнему в урочный час собирался в медитационной комнате и украшал бесконечное количество заказанных для продажи вееров золотистой тесьмой и цветным бисером...

— Сегодня, — сказала Мумё, когда женщины вышли из транса и благобно-расслабленно посматривали вокруг, — я хочу рассказать вам притчу о мертвом и живом.

«Было это в двенадцатый год эры Эйроку. Некий монах со своим учеником шли из обители в обедневший горный замок к умирающему ронину, дабы напутствовать его учением Просветленных. Стояла середина осени, и на листья криптомерии упал первый снег. Ученик залюбовался сочетанием цветов — багрово-зеленого и белого — и сказал:

— Учитель! Взгляните, так и в жизни сочетаются рядом живое и мертвое.

Старец тоже посмотрел на усыпанный хлопьями снега еще зеленый сад и ответил:

— Где ты видишь здесь живое и где — мертвое?

Ученик растерялся и не смог найти ответа. Тогда старец сказал:

— Неразумие! Все когда-то живо, и все когда-то мертво. Кто даровал тебе такое зрение, чтобы увидеть разницу в этом? Ведь ты не можешь даже судить о том, жив ли ты сам...»

Мумё замолкла, прикрыв глаза. Ее дряхлые веки подергивались, а пальцы методично перебирали нефритовые четки.

— Чему же учит нас эта притча? — осмелилась задать вопрос Фусими, которой уже поднадоело сидеть на пятках, да к тому же хотелось есть.

Наставница открыла глаза. Они были белыми, как снег, о котором она только что говорила, и с вертикальной зеленой полосой зрачка.

— Эта притча о том, — заговорила она, и в голосе ее послышалась холодная усмешка, — что живое может стать мертвым точно так же, как и мертвое может стать живым. Вот доказательство тому.

Все посмотрели туда, куда указывал длинный тонкий палец Безымянной флейты — на столик с резными фигурками крыс-солдат. Фигурки эти стояли неподвижно, но через мгновение женщины ахнули: деревянные и костяные игрушки зашевелились, в их глазках заблестела жизнь, и скоро первая крыса, увеличившись в размерах до хорошей дворняги, вперевалочку подошла к Мумё и поклонилась, придерживая лапой висевший у пояса самурайский меч.

— Я нарекаю тебя Фудзивара и повелеваю стать сегуном нашей армии! — торжественно сказала Мумё крысе.

— Повелишь ли нам сейчас идти в бой, о носящая покрывало чужой души? — пропищала крыса, воинственно оттопырив блестящий чешуйчатый хвост.

— Нет, о Фудзивара. Я лишь хотела показать нашим единомышленницам то, как неживое может исполниться жизни и силы. Ты и твоя армия поприветствуйте идущих путем Просветления.

Новоиспеченный сегун издал то ли писк, то ли шип, и армия вооруженных крыс ринулась со столика. Мгновенно построившись, согласно рангу, ожившие воители почтительно поклонились немым от изумления арестанткам.

— О Фудзивара! — сказала Мумё. — Пусть твои воины накрепко запомнят вид и запах этих женщин, ибо по первому зову каждой из них вы должны немедля явиться и исполнить любой приказ.

Женщинам показалось, что алые крысиные глазки просверливают их лица, точно лучом лазера.

— Все выполнено, — поклонился сегун. — Прикажешь ли еще что, скрываемая туманом от непосвященных?

— Нет. До наступления нашего часа вновь займите свои места.

Крысы беспрекословно повиновались, и через пару минут столик снова был украшен изящными резными фигурками. О недавнем явлении загадочных крыс-оборотней напоминали только несколько темных катышков помета на циновках. Мумё брезгливо вздернула губу:

— Ама-но кавара, возьми метлу и прибери это. К сожалению, наше войско еще не совсем опрятно. Кстати, сестры, что вы думаете обо всем этом?

— Это... чудо, — прогнав из голоса хрипотцу, сказала Тамахоси. — Как это удалось тебе, Госпожа наставница?

— Как — не важно, главное, что удалось, — с ноткой самодовольства ответила старуха Мумё. — Но я ожидала от вас, сестры, более мудрого вопроса...

И тут голос подала вечная трусиха Фусими:

— А зачем ты совершила это чудо, Госпожа?

Мумё от восторга даже хлопнула в ладоши:

— Фусими, как верен твой вопрос! Итак, для чего совершается чудо? Ведь неразумно совершать его просто так, для потехи непосвященных... У чуда всегда есть цель. И цель этого чуда, о сестры, показать вам, что мы уже достаточно сильны и, сплоченны, чтобы обрести желанную свободу, а вместе с нею силу и власть, которые не снились многим смертным... Но! — Тут глаза старухи вспыхнули зеленым огнем и пристально вгляделись в каждую из женщин. — Чуду не нужны малодушные и недостойные. А также те, кто в сердце таит неверность нашему учению. Надеюсь, таких здесь нет.

— Нет, о нет! — загалдели посвященные.

— Это не ответ. Дабы мы действительно сумели свершить задуманное, нужна клятва, страшная

клятва. У вас еще есть минута, чтобы уйти и не участвовать в том, что должно произойти. Я никого не удерживаю, так мне велено свыше. Но тот, кто решится остаться и принести клятву, должен понять всем сердцем: обратного пути у него нет! Я хочу посмотреть в глаза каждой из вас и спросить сердце каждой из вас: готовы ли вы к тому, чтобы стать воплощением Учения... Встаньте и постройтесь в ряд.

Женщины торопливо исполнили приказ. Старуха Мумё величаво подходила к каждой и пристально всматривалась в нее странным, почти нечеловеческим взглядом.

— Асунаро. Ты почтительна и исполнительна, хотя однажды в прошлой жизни ты дала волю черному гневу и толкнула под поезд своего мужа, пьянством и побоями не дававшего тебе жить. Не нужно бледнеть, Асунаро, все совершенное уже прощено тебе в счет твоих будущих деяний. Великая Черная Госпожа укроет тебя от гнева, если ты останешься верна ей...

— Я буду верна, — прошептала Асунаро. Взгляд нечеловеческих глаз прошивал ее насквозь, как игла — лоскут батиста.

— Хорошо, Асунаро. Ты сумеешь быть полезной, ибо, как говорит пословица, если женщина захочет, сквозь гору Фудзи пройдет. Это о тебе, Асунаро, тихой, покорной, но в должный час сильной, словно легион демонов...

Мумё подошла к следующей женщине — самой молодой и самой красивой.

— Ама-но кавара, Небесная река... Недаром тебя нарекли таким именем в нашем приюте. Ты действительно красива, как небесный звездный поток, и твои женские чары помогали тебе вершить преступления, подкупая таможенников, дабы провезти наркотики и прочий дурман в страну... В хитрости, лукавстве и красоте — твоя сила, но... Не опускай глаз!

Римма Пустякова — Небесная река вскинула перепуганные глаза:

— Простите, Госпожа! — хотя на душе у нее было жутко.

— Помни: твое лукавство и умение хитро изворачиваться должны применяться только на пользу нашей общине. И горе тебе, если даже в уме ты на секунду помыслишь иное! Ведь красота так беззащитна, а сделать прекрасное лицо безобразным могут не только годы. Ты поняла меня?

— Да, Госпожа. Я всею душою стану служить твоему Учению.

— Хорошо. — Теперь Мумё пристально разглядывала одутловатое, с синяками под глазами, лицо Кагами, которому не помогали похорошеть никакие белила и сурьма. — Кагами, ты слишком много пропила в своей жизни и потому твои руки дрожат, не в силах удержать даже вязальной спицы... Твой порок сослужил тебе плохую службу: четверых твоих собутыльников, среди коих были свекровь и брат, ты отправила на тот свет, напоив метиловым спиртом вместо самогона. Я знаю, на суде ты клялась, что случайно перепутала бутылки! Но тебе не поверили, и ты затаила в сердце злобу на тех, кто облечен властью судить и распоряжаться человеческими жизнями. Права ли я буду, если скажу, что в сердце твоём свила гнездо мести?

— Да, — глухо вымолвила Кагами. Во время речи старухи она неуловимо преобразилась: вечно сутуленные плечи распрямились, на щеках выступил нездоровый румянец, а глаза сверкнули мстительным блеском. Казалось, словам Мумё о мести она внимает в каком-то преступном упоении.

— Что ж, мстительная женщина сильнее двух самураев, так говорит поговорка, — тонко улыбнулась Мумё. — Но одно настораживает меня в тебе, Кагами: когда придет час нашей свободы, не предашь ли ты священное дело за чарку саке?

— Нет. И да поможет мне Великая Черная Госпожа! — горячо выдохнула горькая пьяница. Но старуха уже шла к следующей женщине.

— Тамахоси, — мягко, почти ласково сказала она той. — Я наблюдаю тебя растерянной и смущенной. И знаю, почему тебя обуревают подобные чувства. Ты только что увидела, как вырезанные тобою из мертвого дерева фигурки ожили и превратились в грозную рать. В том, что такое чудо стало возможно, есть и толика твоей заслуги. Ведь когда ты делала эти фигурки, Тамахоси, ты втайне мечтала о том, чтобы они ожили, как мечтала о том, чтоб ожила твоя дочь, зарезанная тобой.

— Да! Если бы это было возможно, — выдохнула-простонала Тамахоси, и ее лицо исказилось от подступающих рыданий.

Старуха чуть коснулась ее плеча:

— Поверь, когда настанет час нашей власти и силы, ничего не будет невозможного. И твоё трудолюбие и терпение вернут тебе не только свободу, но и...

— Госпожа!... — воскликнула Тамахоси, намереваясь пасть на колени.

— Ни слова более! Лишь оставайся верной, и все получишь. — С этими словами Мумё оказалась лицом к лицу с самой невзрачной, жалкой и бесцветной женщиной.

— Фусими, как верно выбрано тебе имя, ибо действительно твой взор всегда потуплен, а сама ты словно стремишься спрятаться от солнечного света. Но это и есть твое главное достоинство, Фусими! Тот, кто преступил закон, написанный людьми и для людей, должен быть для людей незаметным. А ты преступила закон, хотя кто бы мог подумать, что такая невзрачная «компьютерная мышка» станет причиной банкротства целой фирмы?

— О, это неправда, меня подставил босс! — прошептала Фусими.

— Возможно. Но тогда и у тебя есть счет к этому миру. И ты, незаметная, тихая, сможешь сделать свое дело так, что ни один земной судья или сыщик не сможет тебя поймать! Лишь бы ты не струсила, ибо трусость не приведет к славе...

— Я не стану трусихой, верьте мне! — воскликнула Фусими. Возвысила голос впервые за все время пребывания в Приюте Обретения Гармонии.

— Хорошо, сестры. Среди вас не найдено ни одной, кто пожелал бы покинуть наш путь. Я испытала вас. И теперь самое время связать наш союз клятвой.

Мумё подошла к столику для чайных церемоний и взяла с него неглазированную чашу из темной глины. На бортиках чаши были выдавлены два иероглифа, означающих «верность» и «непреклонность».

— Дай мне свой нож, Тамахоси, — негромко приказала она.

Та повиновалась и протянула нож. Старуха взяла в одну руку нож, в другой держала чашу и провозгласила:

— Каждая из вас должна подойти ко мне, дабы принести свою кровь в свидетельство принимаемой клятвы.

Первой подошла Кагами, обнажив запястье левой руки. Мумё умело полоснула его ножом и подставила под капающую кровь чашу. Затем провела по кровоточащей ране рукой:

— Достаточно. — И рана затянулась, словно ее и не было.

Следом за Кагами потянулись и остальные сообщницы, протягивали руки, отдавали кровь и с зажившими ранами возвращались на свои циновки. Они делали это абсолютно беспрекословно, лишь у Небесной реки мелькнула неторжественная мысль: «Всех одним ножичком, а он небось нестерильный». Тут же, словно прочитав ее мысли, Мумё сказала:

— Сестры, не будьте малодушны и не страшитесь заразиться или оскверниться от этого ножа, ибо, наоборот, он очистит вас от прежней скверны!

Когда кровь всех женщин заплескалась в чаше, Мумё засучила рукав левой руки и сделала себе глубокий надрез от локтя до кисти, так что многие внутренне передернулись. В чашу полилась кровь, но не красная, а темно-бурая, словно ржавчина, и густая, как смола. В воздухе же запахло мертвецкой...

Теперь чаша была полна. Мумё опустила рукав, и кровь ее перестала течь.

— Вонмите, — сказала старуха, — я призываю свидетеля нашей клятвы!

И из ее правого рукава выбралась крупная заспанная крыса, та самая, которой испугалась телеведущая Линда. Мумё бережно опустила крысу на столик рядом с чашей крови. Крыса сразу встревоженно встала на задние лапки и начала принюхиваться.

— Это не просто крыса, сестры. Это наш свидетель и наш терафим, который возьмет, чтобы потом возвратить сторицей. Перед ней мы произнесем нашу клятву!

Мы не свернем с начертанного пути.

Мы не выдадим наших тайн непосвященным.

Мы не испугаемся смерти, ибо мы сами — смерть.

Мы не испугаемся закона, ибо мы сами — закон.

Мы подчиняемся только Великой Черной Госпоже, которой вручаем наши тела, души и помыслы.

Мы не пощадим ничего и никого ради торжества Учения.

Пока женщины хором произносили слова клятвы, вторя старухе Мумё, крыса-терафим, опершись передними лапками о край чаши, острым язычком быстро лакала кровь. И, едва были произнесены последние слова, она опрокинула чашу, тем самым показывая, что более в ней нет ни капли.

— Наши жертва и клятва приняты! — торжествующе сказала Мумё, а порядком потолстевшая крыса принялась умываться. — Знаете ли вы, на что способен этот терафим, напившись нашей крови?

— Нет...

— Он в любой момент сможет принять облик каждой из нас: поодиночке либо всех вместе! А мы поспешим вершить те дела, которые призваны вершить на свободе!

— Но... если на воле нас кто-нибудь опознает...

— Верьте мне: как эта крыса способна принимать наш облик, так и мы сможем укрываться под личиной крысы.

— Мы — оборотни... — протянула Ама-но кавара.

— Да, но не это главное. Главное то, что нам предстоит сделать. Но об этом вы узнаете позднее...

— Когда же произойдет подмена и мы окажемся на свободе? — нетерпеливо спросила Кагами.

— Потерпи, сестра, ждать не так уж и долго. У нас ведь должна быть не только армия, которая стоит на столике, но и рабы, полностью подчиненные нашей воле, — духи, готовые ради нас на все. Они будут, будут... Крысы об этом позаботятся. — Мумё улыбнулась: — Для начала вы уже знаете немало. Давайте возвратимся в наши камеры и продолжим жизнь арестанток. Ненадолго.

И все они действительно вернулись в свои унылые камеры, лучезарно улыбаясь охранникам, напевая про себя синтоистские гимны. И наступившая ночь прошла для этих женщин спокойно, им снились сны, предвещавшие богатство, власть, свободу и славу...

А вот пятерым охранникам не повезло. Их (дежуривших причем на разных объектах) покусали крысы. Да так, что к утру у крепких и абсолютно здоровых мужчин началась лихорадка. Ия Карловна сбилась с ног, делая уколы своим неожиданным больным. Но никакие уколы, промывания и прижигания не помогли: у всех пятерых фантастически стремительно развился сепсис, и в семь часов утра, перед общей побудкой, полковник Кирпичный мрачно взирал на пять остывающих трупов, вытянувшихся на жестких больничных койках. Рядом с полковником тихо рыдала Ия Карловна, сморкаясь в ватно-марлевую повязку. Полковник же, стремительно трезвея, мучительно пытался понять, что за напасть постигла его доселе образцовую женскую колонию.

— Да перестаньте же выть, Ия Карловна! — не выдержав, рявкнул он. — Обеспечьте-ка лучше полную дезинфекцию служебных помещений, а также камер. И это... яду крысиного насыпьте, я выдам, у меня есть, специальный...

Врачиха кивала, соглашаясь. Полковник Кирпичный вздохнул:

— Жалко, конечно, парней, но что поделать, видать, судьба. Родственникам сообщим немедленно, на похороны денег выдадим... Ну, прекратите реветь! Все-таки это еще не конец света...

* * *

На столе опять красовались коньяк, ликер, дорогие закуски...

В. Шефнер

— Все-таки это еще не конец света, — авторитетно заявил элегантно одетый и выбритый мужчина другому мужчине, одетому по-домашнему и глубоко небритому, наливая себе вермута «Феллини» в бокальчик с алмазной гранью.

— Ну, это как сказать! — вскинулся было небритый, но сник и налил себе простого армянского коньяку. В красную кружку «Нескафе»...

— За удачу! — они чокнулись и выпили.

Небритый и по-домашнему (несвежий велюровый халат плюс тапочки-шлепанцы на босу ногу) облаченный мужчина был, разумеется, лидер отечественной фантастики Авдей Белинский. Мужчина же выбритый, благоухающий дорогим парижским лосьоном, носящий элегантнейшую бизнес-тройку от Пако Рабанна, блистающий платиновыми, с изумрудной крошкой запонками в манжетах ослепительно-белой рубашки, был не кто иной, как Калистрат Иосифович Бальзамов. Он же Баронет, маг на службе у закона, преданный солдат (точнее, генерал) европейского Трибунала Семи Великих Матерей Ведьм и тесть Авдея.

Что свело этих, на первый взгляд, весьма разных джентльменов в уютной гостиной московской квартиры Авдея, было ясно. Только писателю-фантасту никак не было ясно, каким образом узнали родственники об исчезновении Вики и примчались оказывать моральную поддержку. Авдея это немного уязвляло. Он надеялся справиться с проблемой без помощи тестя и тем более тещи...

— Я же не звонил вам, не давал телеграмму, — пробормотал Авдей.

— Абижаэш, дарагой! — Баронет изобразил акцент и принялся аккуратно очищать экзотический лайм серебряным десертным ножичком. — Зачем звонить, зачем тэлэграмма? Мы же родственники, вах! Один сэмья! — тут акцент у Баронета испарился, и он заговорил серьезно: — Авдей, ты же знал, что Вика — моя ученица. Еще в ту пору, когда она лифчики училась правильно застегивать, я уже наладил с ней ментальную связь. Ты уж извини, но то, что с ней случилось нечто из ряда вон выходящее, я почувствовал сразу. И сказал Танюшке: собирайся, у наших молодых сложности. Мы, между прочим, к тому моменту в Осаке были. Ну какие туда телеграммы?

Авдей кивнул, расстроенным взглядом окинул гостиную. В изящной этой комнатке тоже во всех мелочах царствовала Вика с ее романтическими вкусами, неожиданно возникшими после замужества. Вдоль стен тянулись стеллажи из темного дерева, занятые, помимо телевизора и музыкального центра, великолепными и очень дорогими моделями каравелл Колумба, фрегатов Петра Первого и Крузенштерна, британских чайных клиперов, китайских джонок, голландских галиотов... Почему на третьем году совместной жизни в супруге проснулась такая страсть к парусникам, Авдей все не удосуживался у нее спросить. А вот теперь ему казалось, что все эти оперенные парусами расписные куски дерева чем-то напоминают драконов, готовых к взлету... Глупости, конечно. Может, тогда и большой напольный глобус на подставке Вика приобрела для того, чтобы высчитывать маршруты своих будущих полетов? Особенно если учесть, что все надписи на глобусе были на латыни... Чего только не полезет в голову мужчине, у которого вот уже неделю как пропала жена... Авдей попытался отвлечься от мрачных мыслей. Против мрачных мыслей было испытанное средство: прислушаться к тому, что творится в детской, где сейчас пребывали Марья и Дарья в обществе своей возлюбленной бабушки. Судя по взрывам восторженного детского визга и пулеметным очередям всеобщего хохота, бабушка в очередной раз непедагогично баловала внушек, компенсируя им отсутствие мамы...

Однако надо было возвращаться к серьезному мужскому разговору с тестем. Авдей решительно отставил коньяк и спросил:

— Если это не конец света для одной отдельно взятой семьи, то что же мне делать?

Баронет неласково глянул на зятя своим змеиным глазом.

— Вопрос неверен, — сказал он. — Вопрос звучит таким образом: кто виноват?

— Вы, вы хотите сказать, что я виноват в том, что Вика превратилась в дракона и улетела?!

— Хочу, — просто сказал Баронет и любовался блеском камней в запонке.

— А на каком основании...

— А на таком. И не перебивай меня, дорогой зятек, я тебя в пять раз старше! Ты до чего жену довел?! Во что превратил ее жизнь? Пока ты, извиняюсь, просиживаешь зад, создавая свои романы, она воспитывает детей, стирает белье, наводит лоск во всей квартире, готовит обеды и ужины...

— Протестую! — возопил Авдей. — Готовлю я! То, что готовит Вика, едой назвать невозможно. У нее генетически не заложены кулинарные способности!...

— Ага! — тоже возопил Баронет. — Так ты ее еще и критиковал небось каждый день почему зря! Бедной девочке даже пришлось устроиться на работу, чтобы не слышать твоего постоянного брюзжания о том, какой ты гений и какая она посредственность. А еще у нее, наверное, даже не было карманных денег на помаду, крем-депилятор и гигиенические тампоны! Ты эгоист, тиран и деспот, Белинский!

У Авдея от возмущения запыльхали уши.

— Ничего подобного! Всеми деньгами в семье распоряжалась она! Я позволял ей абсолютно все! Даже пользоваться моим ноутбуком и пеной для бритья! И хозяйство Вику вовсе не напрягало, она даже любила... им заниматься. Иногда. И на работу пошла просто от скуки...

— От скуки? Вот оно, ключевое слово! Так почему же ты сделал ее жизнь скучной, а, поэт-прозаик?!

— Да я не то хотел сказать, — поморщился писатель. — Может, вся беда в том, что нам обоим наша спокойная семейная жизнь показалась пресной.

— *Par bleu!* — ругнулся маг на службе у закона. — Вот она, нынешняя молодежь: пресытившись благами цивилизации, начинает пороть ахинею!

— Казните меня! — взорвался Авдей. — Давайте! Дурака я сваял, пожаловавшись Вике на то, что приключений мне в жизни не хватает!

— Это точно. Настоящий мужчина никогда не жалуется на отсутствие приключений. Тем более — любимой женщине. Вот она и устроила тебе... развлеченьице. И себе, кстати, тоже... Наверняка ей, как ведьме, приходилось туго в годы вашей совместной жизни. Я же знаю Вику, она сроду не станет ворожить, если знает, что это кому-то действует на нервы.

— Я ей ни в чем не препятствовал! Она сама дала слово, что не станет колдовать в доме...

— Допустим. — Вермут «Феллини» снова красиво заискрился в бокальчике. — Ты ей не препятствовал. Но и не приветствовал. Верю, Вика даже не намекала, что, допустим, хотела бы отправиться на шабаш. Или поворожить каким-нибудь своим подружкам. Она не левитировала по комнатам, не двигала взглядом кастрюли с борщом и не воспламеняла газовую горелку щелчком пальцев. Верю. Я сам всегда ругал ее за пристрастие к мелкому бытовому волшебству... Но ты знаешь, когда мы приезжали к вам в гости полгода назад, мне показалось, что в Вике не осталось ничего ведьмовского. Что передо мной сидит красивая, ухоженная, обеспеченная всем в этой жизни женщина, *просто* женщина... Убившая в себе главное ведьмовское качество: видеть этот мир таким, каким хочется, и ощущать себя в нем свободной. Она *разучилась летать*, полюбив тебя, — закончил Баронет и сделал большой глоток.

— Это... неправда.

— Это правда. Может быть, на самом деле все выглядело не столь ужасно. Ты писал книги или валялся на диване, читая труды своих братьев по перу, а она незаметно суежилась вокруг, возилась с детьми (чтоб не мешали тебе творить), правила твои рукописи перед тем, как сдать их в издательство, отглаживала рубашки, чтобы ты блистал на очередном писательском конгрессе (или как это у вас там называется)... Возможно, что ее вполне устраивала роль жены писателя, этакой Софьи Андреевны Толстой, и она сама стала относиться к своим способностям, как к чему-то малоприятному, но неизбежному, вроде карьеры... Но если Вика и забыла о своей Силе, то Сила не забыла о ней! Ведьма не может перестать быть ведьмой только потому, что у нее дети и муж и она их любит больше, чем самое себя, больше, чем собственную свободу и Силу! Ты замечательно пользовался ее любовью, но в какой-то момент перестал ее любить сам.

— Это неправда! — повторил Авдей.

— Тогда почему она сумела превратиться в дракона? Ты хоть понимаешь, что обычная природная ведьма на это в принципе неспособна? Откуда в ее сознании взялся именно этот образ?!

— Ну конечно! Это же я, мерзавец-муж, дракон-эксплуататор, который ее замучил! Это вы хотите сказать?!!

— Будешь орать на меня, заколдую, — спокойно сказал тесть. — Я тебе не безропотная супруга и не читатель-фанат.

— Это кого ты тут заколдовывать решил, самурай недоделанный?!

Авдей страдальчески охнул. Мало ему тестя, так теперь из детской явилась еще и теща. Вдвоем они его совсем доконают... Татьяна Алексеевна пропажу дочери Авдею не простит!

— Авдюша, — задушевно сказала полковничиха в отставке и как-то ободряюще похлопала терзаемого сомнениями зятя по плечу, — ты не слушай этого старого бандита. Заколдует он! Я вот тебе заколдую! Что ты доводишь до стресса бедного мальчика?!

Авдей только и мог, что хлопать глазами: теща грозила тестю изящным кулаком, униженным драгоценными перстнями, и сверкала очами не хуже своих драгоценностей! Особенно писателю в возрасте тридцати с лишком лет понравилось, как ласково теща назвала его «бедным мальчиком». Вика права: мужчины любят, чтобы их жалели и гладили по шерстке, это у них, у мужчин, просто входит в обязательный хромосомный набор.

— Танюша, — театрально развел руками Баронет. — Я тебя просто не понимаю. Речь идет о

безопасности твоей единственной дочери!

Татьяна Алексеевна согнала Баронета с кресла, затребовала себе из шкафика-бара мартини и коробку с остатками шоколадных конфет, видимо, готовясь к долгой и обстоятельной речи. В образовавшуюся паузу Авдей даже невольно залюбовался тещей: грация светской львицы, законодательницы мод, европейский аристократизм и неизъяснимое очарование воспетой Некрасовым Матрены Тимофеевны в одном лице. Замужество явно пошло на пользу бывшей представительнице налоговых органов, и в свои шестьдесят Татьяна Алексеевна выглядела как Вивьен Ли (в ее шестьдесят)...

— Авдей, я к тебе обращаюсь!...

— Ох, простите! — очнулся Авдей. — Я что-то отвлекся, задумался...

— Ты, сынок, не обращай внимания на то, что тут тебе наговорил мой супруг. Точней, обращай, но не очень. Калистрат знает Вику как свою ученицу по волшебству, а я знаю ее как мать! И как мать я могу со стопроцентной уверенностью сказать, что *такое* с Викой произошло не из-за того, что семейная жизнь ей надоела или ты ее скукой истомил... Уверена, это случилось из-за вечной ее рассеянности и безалаберности (не спорь, Калистрат, *мне лучше знать!*). Наверняка она перепутала какое-нибудь заклинание, или забыла имена вспомогательных демонов, или не исполнила Тройной Магический Постулат...

Во время этой речи Баронет смотрел на супругу, скептически сморщив переносицу.

— Откуда это ты слов-то таких набралась, сокровище мое? — источая ехидство, спросил он.

Татьяна Алексеевна смутилась было, но быстро нашлась:

— С кем поведешься, мон амур, от того и наберешься.

— С кем поведешься — так тебе и надо... — тихо пробормотал Авдей. Видимо, наболело.

— Ты, Авдей, успокойся, — решительно заявила Татьяна Алексеевна и поставила опустевшую коробку из-под ассорти на полку, зацепив при этом хрупкий бушприт модели барка «Крузенштерн». Бушприт с едва слышным горестным хрустом сломался. Видела бы это Вика...

— Не паникуй. С внучками я буду все время, пока Вика не вернется. Им, кстати, я сказала, что Вика поехала в родной город ухаживать за приболевшей приятельницей. Ложь во спасение, что делать! Так что не волнуйся, я пока их сама буду из садика забирать, мы с ними будем дома книжки читать, ходим в зоопарк, кукольный театр, Третьяковскую галерею...

— Ты уверена, что тебя надолго хватит? Это все-таки *Марья и Дарья*... — встревоженно посмотрел на супругу Баронет.

— Все будет нормально! — заявила Татьяна Алексеевна и допила мартини. — И более того, у меня есть ощущение, что Вика скоро вернется, что она по нам соскучилась... Ох, и устрою я ей по возвращении нахлобучку! Улететь незнамо куда, бросить двоих детей!

— Не надо нахлобучку! — воспротивился Авдей. — Лучше меня казните. Я ее люблю, а она, бедная, летает где-то под осенним холодным дождем... И листья желтые над ее чешуей кружатся! Это я виноват!

Золотые настольные часы эпохи барокко мелодичным гавотом пробили девять вечера.

— Так, — вскинулась теща. — Калистратушка, ну-ка скоренько вытрезви меня — мне надо девчонок выкупать и спать уложить.

Баронет вяло щелкнул пальцами.

— Спасибо. — Татьяна Алексеевна вполне трезвым жестом поправила прическу. — Я пойду. Но!...

— Да? — воззрились на нее мужчины.

— Без меня попойку не продолжайте. Ведите себя тихо. Я вернусь, на кухню вас позову, ужинать. Мясной рулет с шампиньонным соусом, ага?

— Ага!

...Мясной рулет съели быстро, при этом вульгарно подтерев благородный шампиньонный соус корками ржаного хлеба. Марья с Дарьей давно спали, приемлемое спиртное закончилось, и наступило время задушевных песен.

— Только не вздумайте орать, как мартовские коты, — приструнила мужчин Татьяна Алексеевна.

— Я вообще сижу молча, — резонно заметил Авдей. — У меня жена пропала, а я песни петь буду?

— Некоторые от этого даже в пляс пускаются, — неприлично для своего возраста хихикнул Баронет и получил легкий подзатыльник жениной ручкой.

— Эх, мужики, ничего-то вы не понимаете в душевной жизни, — вздохнула Татьяна Алексеевна и неожиданно красивым меццо-сопрано запела:

Старый клен, старый клен...

Мелодия была старинная и знакомая. А вот слова дальнейшие Авдей в первый раз услышал. Баронет же начал негромко подпевать супруге, жестом предлагая и Авдею присоединиться:

Старый клен, старый клен

Стал сегодня золотым...

Я меняю хризантемы в токонома.

Я вчера был, как клен, самураем молодым,

А сегодня еле вышел я из дома!

Самурай, самурай

Точит меч, глядит в окно,

Видит он в последний раз восход над Фудзи.

Отчего, отчего, отчего ему хрено...?

Оттого, что верно служит он якудзе.

Почему, почему,

Почему душа темна,

Почему же самурай ночами плачет?

Потому, потому: он вчера от сегуна

Два кувшина свежего саке значил.

Бусидо, бусидо,

Нелегко тобой идти.

Ждут всех воинов большие передряги...

Если вдруг встретил ты гейшу на своем пути,

Подари ей связку рисовой бумаги.

Снегопад, снегопад,

Снегопад давно прошел.

Наряжаю в кимоно свою подругу...

Отчего, отчего стало вдруг нехорошо?

Видно, не умела ты готовить фугу...

Ох, «банзай», ох, «банзай»

Ты так громко не вопи.

Лучше хайку спой о мире в целом мире.

Завари крепкий чай, другу в споре уступи

И любуйся икебаной наэире!...

Как объяснил Баронет, вышеприведенная песня была услышана и записана им среди простых рыбаков Хоккайдо. Песня оказалась очень старинной, в народе ходила под названием «Самурайские страдания» и всего насчитывала сто тридцать семь куплетов...

Вдоволь натешив душу старинными японскими песнями, тесть и теща отправились спать в гостевую комнату. Было уже за полночь. Авдей махнул рукой на невытую посуду в раковине (пусть теща утром решит эту проблему за него) и пошел в свой рабочий кабинет, в котором стоял второй компьютер и стеллажи, доверху забитые самыми разными книгами, среди которых экземпляры, касающиеся Викиной *специальности*, занимали почти полстены. Правда, в присутствии Авдея Вика их никогда не читала. И ему читать не советовала. Авдей не знал, может, жена какое заклятье на эти книги наложила, но он никогда не мог решиться хотя бы просто взять в руки какой-нибудь из этих неприятного вида томов. Ему иногда казалось, что

эти книги относятся к нему неприязненно, как к простому смертному, не наделенному магическим даром, и терпят присутствие Авдея в кабинете лишь потому, что он — супруг ведьмы...

«А вот я вас в макулатуру», — мстительно погрозился Авдей, разглядывая полустершиеся латинские надписи на покоробившихся, потрескавшихся кожаных корешках... Глупости, конечно. Никуда он эти книги не денет, и не потому, что жена вернется и возмутится таким поворотом событий. Все, что связано с Викой, для него драгоценно, будь это хоть жутковатые книги или связки сушеных трав и лягушачьих лапок в кладовой. Тесть не прав. Любовь к Вике никуда не ушла, просто стала привычной и, может, потому незаметной. Повседневной. Любовь перестала быть событием чрезвычайной важности...

И, может, даже хорошо, что Вика вот так исчезла. Когда привычное течение событий нарушается, ты начинаешь относиться к ним по-другому, их ценить. Например, даже ценить то, как жена не умела готовить и крахмалить простыни. Не умела, но упрямо старалась научиться. Хотя на кой черт эти простыни именно нужно крахмалить, Авдей до сих пор не понимал...

Он вздохнул. Опыянение проходило, а с ним исчезала и вялая безучастная сонливость. Авдей понял, что уже не сможет заснуть, он вообще практически не спал нормально с тех пор, как улетела Вика. Оставалось одно — включить компьютер и коротать ночь в работе над повестью или... поговорить с Фрейлиной Кодзайсё.

Чат, посвященный японской экзотике, кажется, пустовал. Но едва Авдей отправил свою обычную фразу-приветствие «Господин Сочинитель желает всем удачи!», как Фрейлина Кодзайсё отозвалась, будто только и ждала-дежурила, ожидая его появления в Сети.

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Мои искренние приветствия Господину Сочинителю. Вам просто не спится, или Вы решили поговорить со мной о важном деле?*

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Вы правы в обоих случаях, сударыня. Я хочу вернуться к прерванному разговору. Вы действительно знаете мою жену?*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Да.*

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Как давно вы ее знаете?*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Чуть более недели.*

«Чуть более недели назад Вика и стала драконом! Не понимаю, не понимаю, откуда эта Фрейлина может ее знать!»

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Вы знаете, КТО Вика?*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Мне немного непонятен Ваш вопрос. Вы спрашиваете меня о том, кем является Ваша супруга?*

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Разумеется.*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Я знаю, что Вика — смертный человек, но мое знакомство с нею состоялось, когда она пребывала в обличье дракона.*

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Тогда кто же Вы?!!*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Я — дракон. Но также я и смертный человек. Я надеюсь, мое признание не смутило Вас...*

Куда уж там, «смутило»! Повергло в шок, всего-то и делов.

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Так, значит, Вика — не единственный дракон...*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Далеко не единственный! И поверьте, пока она с нами, никакая опасность ей не грозит!*

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *С вами? А кто вы?*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Простите, этого я пока не уполномочена Вам сказать.*

Авдей зачертыхался. Драконы! В Москве — драконы! Может, уже в метро ездят, гнезда вьют на Останкинской башне, устраивают по воскресеньям барбекю на рынке «Динамо»... Абсурд. Только... что тогда сказать о собственной жене?

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Вы ведьма, как и Вика?*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *О нет! Среди нас, драконов, Вика — единственная, кто обладает колдовской Силой. Мы ее почитаем и бережем...*

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Я хочу, чтобы она вернулась домой, а вы держите ее в плену!*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *О нет, Вы все поняли превратно! Вика не наша пленница. Она пленница собственной памяти.*

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Как это понять?*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Она не помнит, как была человеком. Всякий человек-дракон имеет в себе два сознания и может ими манипулировать, когда превращается. А Викой завладело сознание дракона, которое, видимо, до поры до времени дремало в ней. Но когда превращение произошло, она забыла, как превратиться обратно в человека. Мы не в силах вернуть ей память, но мы оберегаем ее.*

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Устройте мою встречу с ней! Она должна меня вспомнить! Я же ее муж!*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Я предложу это своим товарищам. Уверена, все будет хорошо. Не отчаивайтесь!*

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *А Вы часто с ней... видите? Как она себя чувствует? Наверное, исхудала... Чем она питается?!*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Надеюсь, Вы не верите басням о том, что драконы питаются девственницами? У нас вполне приличный рацион. Я люблю яблоки, а Вика предпочитает бананы. Она за неделю съела их две фуры. Не думаю, что она голодает... Но простите, я более не могу разговаривать, меня отзывают! Поверьте, все будет хорошо, и мы скоро встретимся!*

Авдей вышел из чата совершенно ошарашенный от сотни вопросов. Но доминировал один: с кем он должен вскоре встретиться?

Вика, Вика... Даже тут она не может без бананов. Но это слава богу, потому как было бы ужасно, если б жена, как кровожадный монстр, набрасывалась на людей...

«Я хочу ее видеть. Господи, как я хочу ее видеть! Просто хочу...»

Жена улетела в сиреневый край

Серебряной птицей.

Остался дневник ее — просто тетрадь

С последней страницей,

Где вычеркнут день нашей встречи, и где

Есть странная запись:

«К прозрачному небу и вольной воде

Я чувствую зависть».

Я видел, как все изменяется в ней,

И видя, не ведал,

Что та, кто мне целого мира родней,

Захочет победы.

Победы, дарованной крыльями той,

Кто крыльями правил...

И мчится полночной она пустотой

К игрушечной славе...

Но я, растворяя окно, на карниз

Насыпал пшеницы.

Я жду тебя, милая. Хватит, вернись.

Пора возвратиться.

Авдей заснул под утро, неудобно скрючившись в кресле и позабыв отключить компьютер. Скрин-сейвер гонял по экрану золотых длиннохвостых рыбок, монотонно кружащихся в заученном танце среди зеленых водорослей... Авдею снились драконы. Ярко-алые, изумрудно-золотистые, переливчатые, будто хамелеоны, красавцы с кожистыми крыльями и узкими огненными глазами. Драконами управляла Вика — она приснилась хоть и в человеческом обличье, но тоже с крыльями, растущими прямо поверх ее вечернего сиреневого платья. Под руководством Вики драконы неумело, но с энтузиазмом занимались приготовлением бананового повидла, которое грузилось в огромные бочки с оттиснутыми надписями «Для личного пользования» и «TOP SECRET»... Авдей увлекся сном и, разумеется, вовсе не слышал,

как к компьютеру в расветной мгле кабинета проскользнул Баронет. Тесть поводит мышкой, змеиным глазом вперился в переписку Господина Сочинителя и Фрейлины Кодзайсе и тихо присвистнул. Поглядел на спящего зятя и покачал головой.

— Зацепило тебя, — прошептал он. — Вот тебе и приключение, поэт...

По каким-то своим соображениям тесть вставил в дисковод дискетку и скопировал всю переписку. Сунул дискетку в карман своего роскошного халата с норковой подкладкой и бесшумно вышел из кабинета. Начинался новый день. А к этому нужно как следует подготовиться...

* * *

Горе! Из-за шкафа платяного медленно выходит злая крыса.

Н. Гумилев

«К этому нужно как следует подготовиться», — резонно помыслил полковник Кирпичный и еще раз внимательно пересчитал ящики с водкой. Сверился с оставшимися в сейфе заначенными финансами — так и есть, по всему выходит, что одного ящика не хватает.

— Зажилили, гады! — принялся сволочить неизвестно каких «гадов» Кирпичный, забыв, видно, что пропавший ящик был распит самим полковником в обществе ответственного за противопожарную безопасность капитана Ракетского и заведомо по культурно-просветительной работе с заключенными майора Ржевского. Пили по серьезному, можно даже сказать, драматическому поводу — правили тризну по пятерым усопшим ребятам из охраны. Тризна состоялась не далее чем вчера вечером, едва полковник констатировал смерть укушенных крысами парней и разослал печальные депеши их родственникам. На эти оргвопросы ему пришлось угробить почти целый день, да еще испортила настроение эта старуха японская, когда шла со своими просветленными со своего молебна, блин. Глянула этак особенно на полковника и сказала таким голосом, каким может заговорить оголенный кабель высокого напряжения:

— Вы берегите себя, гражданин начальник. Крыс наверняка еще будет много, и поймать их нелегко...

И пошла-поплыла, покачивая костлявыми бедрами, будто не он, полковник Кирпичный, а она — гейша чокнутая — и есть главное начальство в их образцово-показательной колонии!...

Вот после этого полковник и напился в компании Гарика Ракетского и Семена Ржевского. А надобно сказать, ящик водки таковым людям на вечер, что слону дробина.

Слабоват только на голову стал несгибаемый полковник Кирпичный после таких-то попок. Посему опохмеляться любил с чувством и обстоятельно. И одним из этапов серьезной, вдумчивой опохмелки как раз и являлся переучет вверенного заботам полковника спиртного.

Была в сегодняшнем утреннем переучете и еще одна надобность. Какие-никакие, а поминки по пятерым ушедшим в мир иной товарищам справить персоналу надо. Неизвестно ведь, привезут ли с собой выпивку безутешные родственники...

— Не хватит, — печалась, трезвел полковник Кирпичный и тыкал в замусоленные кнопки китайского калькулятора. — Как есть не хватит. Эх, пацаны, пацаны, что ж вы так в одночасье-

то сковырнулись!

С этими грустными мыслями и вышел полковник Кирпичный из тесного, слабоосвещенного складского помещения навстречу новому дню. День не обещал быть солнечным, а только вежливо на это намекал. Полковник двинулся к баракам, шурясь от неяркого осеннего солнышка, и с прищура-то своего и не заметил сперва, кто это ему браво так крикнул:

— Здравия желаю, товарищ полковник!

Полковник машинально отмахнул рукой честь, но тут солнце перестало ослеплять его глаза, и он сумел разглядеть приветствовавшего. А как разглядел, так понял, что, видно, и по его грешную душу пришла матушка белая горячка. Потому что здравия полковнику пожелал не кто иной, как молоденький лейтенантик Прошкин, скончавшийся в результате укушения крысой и сепсиса, вчера лично полковником и врачом Ией Карловной освидетельствованный как труп!!!

— Чур меня! — громким шепотом сказал полковник, перекрестился и выматерился. Однако вопреки всем произведенным манипуляциям бывший вчера мертвым Прошкин никуда не пропал, а стоял, как-то застенчиво и в то же время нагло глядя на начальника.

— Ты кто?! — прохрипел полковник Кирпичный и на всякий случай попятился. «Солдат молоденький, в пилотке новенькой, у гимнастерки тот же цвет...» — неизвестно почему пропел эту строчку в воспаленном мозгу полковника тоненький девичий голосок. «Отставить панику!» — сам себе приказал полковник и заставил взгляд сфокусироваться на бывшем покойнике.

— Да вы что, товарищ полковник? — чуть обиженно удивился вчерашний покойник. — Это же я, младший лейтенант Прошкин! Прибыл две недели назад для несения охранной службы на объекте!

Говорил младший лейтенант очень убедительно, и ничего мертвого в нем, хоть тресни, не наблюдалось. Был Прошкин круглолицым, щекастым парнишкой с густыми рыжими ресницами и россыпью веснушек на курносом носу. Словом, выглядел живее всех живых и даже живее самого полковника Кирпичного. Только была в парнишке одна странность, которую Кирпичный по неразумию своему вовсе не заметил. Зрачки глаз Прошкина были ненормально-черными, и в глубине их горел какой-то мертвый огонь. Потому и щурился младший лейтенант, не смотрел на выморочное осеннее солнце, и неприятно подергивались его опущенные рыжими ресницами веки...

— Прошкин, говоришь, — протянул полковник и втянул носом воздух. Показалось ему, что палая листва вокруг пахнет мертвечиной. — Как же так, младший лейтенант Прошкин? Тебя ведь намедни крыса укусила...

— Так точно, товарищ полковник! — излишне жизнерадостно подтвердил сей печальный факт укушенный.

— И вроде ты, как бы это сказать, разболелся да и помер вчера. Совсем помер...

— Так точ... То есть не так все было, товарищ полковник! — Из-под ресниц метнулся хитрый, нечеловеческий какой-то взгляд. — Я просто как в сон провалился. В этот... ле-тар-ги-чес-кий, вот! Лежу, слышу, как товарищ доктор с вами про смерть говорит, как плачет, а сам ничего сказать не могу. Никаким членом не могу пошевелиться. Даже дышать не получалось, верите?

— Ну-ну...

— Полежал я вот так, весь изнутри холодный, не знаю, сколько времени. А потом как будто тепло по мне разлилось! И сила откуда-то взялась. Я встал да и пошел из больнички-то, думаю, дело идет к утру, вот полковник-то обрадуется, как узнает, что все мы живы!

— Все вы? — быстро переспросил Кирпичный. — Все пятеро?!

— Так точно! Сержант Полоскун, сержант Лохеидзе, младший лейтенант Очко, лейтенант Кващенко... И я!

— Так, понятно, — сказал полковник, хотя ему все равно было ничего непонятно. — И где они?

— На боевом посту! — отчеканил Прошкин, крепко зажмурившись. Ох, не зря он жмурился. Не зря.

— Хорошо. Проверю, — мрачно сказал полковник. Помолчал и добавил: — А ну-ка, младший лейтенант Прошкин, шагом марш на вверенный объект! Вас тут крысы кусать будут, а работа, значит, стоять должна?!

— Слушаюсь, товарищ полковник! — и укушенный ретировался.

Полковник постоял минут пять, глядя ему вслед, с минуты на минуту ожидая, что оживший Прошкин туманным призраком рассосется в осеннем воздухе. Однако этого не произошло! Прошкин дошагал до режимного барака и вошел в него безо всяких мистических приключений.

— Так, значит! — неизвестно кому погрозил кулаком полковник. — Проверю я, как вы тут в мое отсутствие оживаете!

Проверка превзошла все ожидания полковника. Пятеро вчерашних покойников, все как один, были живы-здоровы, бодры, рассказывали одну и ту же историю о летаргическом сне и рьяно выполняли свои предписанные инструкциями обязанности.

Правда, у всех пятерых наблюдалась одна и та же странность во взгляде и неприятное подергивание век. Может, летаргический сон так подействовал...

— Нет и еще раз нет! — крикнула Ия Карловна и залпом осушила мензурку с медицинским спиртом. — О летаргическом сне не может быть и речи! Скорее уж я поверю, что у них у всех была какая-то особенная кома, вызванная неизвестным токсином, содержащимся в крысиной слюне. Но я не понимаю! Ведь вчера они были мертвы по всем признакам!

Полковник Кирпичный тяжело поглядел на раскрасневшуюся от спирта врачиху. Он понимал ее возмущение и тоже хотел бы разобраться в этом загадочном явлении. Но вот что странно: навалилось на полковника какое-то сонное оупение, и неохота ему было куда-то идти, что-то выяснять...

«Надо родственникам этих воскресших телеграммы дать, мол, ошибка вышла», — лениво подумал полковник и тут же забыл об этом. Сидел он посоловевший и скучный, равнодушно глядя на бутылку с чистейшим медицинским спиртом, и ничего не хотел. Это его состояние заметила Ия Карловна и встревожилась:

— Товарищ полковник! Дрон Петрович! Уж не заболели ли вы?!

— Какое там... — махнул рукой Дрон Петрович. — На душе у меня паршиво, Ия Карловна.

— Выпейте, — с готовностью наполнила мензурку спиртом врачаха.

— Да не в этом дело, — вздохнул полковник, но мензурку опорожнил. — Вот сколько лет я начохраны в этой чертовой бабьей колонии? Пятнадцать с гаком! И за все эти годы ничего подобного... Ну, правда, в восемьдесят восьмом был бунт, две из карцерных загнулись, и наше бабье по этому поводу устроило бунт. Комиссия приезжала, разбиралась... Потом в девяносто первом одна наркоманка, поэтесса какая-то, в камере учудила акт самосожжения.

— Я это помню. Я сама ее потом от ожогов лечила, дуру, — отозвалась Ия Карловна. — Ее же через неделю амнистировали, чего ради надо было пожары устраивать?

— Во-во... Словом, все относительно тихо-спокойно, нормальная жизнь от звонка до звонка. И тут на тебе — чертовщина какая-то!

Полковник снова приложился к медицинскому спирту. Из закуски у докторши были только коробочки с разноцветными витаминками. Кирпичный зажевал выпитое пригоршней желтых горошин аскорбиновой кислоты и лишь поморщился.

— Знаете что, — отморщившись, сказал Кирпичный и наклонился к самому уху докторши. — Вся чертовщина у нас в колонии началась, как появилась эта... свихнутая на всем японском.

— Старуха, что ли? — удивилась Ия Карловна. — Так она же абсолютно безвредная, по-моему. Наоборот, многие из заключенных потянулись к ней, вон, чайные церемонии изучают, веера на продажу делают — загляденье... Она же тихоня, слова лишнего не скажет, хоть, правда, я ее редко вижу, она за те пять лет, что сидит, ни разу ничем не болела, только на прививки ходила вместе со всеми. Положительный, словом, человек.

— Положительный, да?! — голос полковника яростно взвился и упал до заговорщицкого шепота. — А вы ее дело читали? Нет? То-то. А я... Я тоже не читал! Но слыхал, что сидит она так долго не только за то, что какие-то проблемы у нее были с налоговой полицией. А еще и за то, что была она черной ведьмой, колдовала и над людьми всяко измывалась.

— Ну, товарищ полковник, — протянула скептически Ия Карловна. — Про колдовство — это все басни. Нету никакого колдовства.

— А я говорю: есть! Тут она себе кличку японскую взяла, а настоящее-то ее имя Анастасия Либенкнехт, о как! Говорят, в предках у нее какие-то уральские ведуны ходили, знающие места, где сокровища, клады попрятаны. Она вроде и хотела на Урале сотворить колдовское царство, чтобы все ей подвластно стало.

— Не знаю, не знаю... Почему же эту уральскую, как вы говорите, ведьму вдруг у нас в колонии отыскал японский благотворительный фонд «Тэнгу»? Зачем этот фонд нас деньгами и компьютерами засыпал по самое не хочу, лишь бы вы, начальство, разрешили создать заключенной Анастасии и ее единомышленницам медитационный центр? Что она там, в этой... комнате Просветления план вторжения японских оккупантов на Дальний Восток разрабатывает? Хи-хи-хи, — глупо как-то захихикала Ия Карловна. — Нас сейчас без всякой оккупации можно голыми руками за сто баксов завоевать. Да и завоевывать незачем. Так что, по-моему, старуха здесь ни при чем.

Полковник Кирпичный молча пожал плечами. Его лицо, в обычном состоянии напоминавшее недостиранную казенную наволочку, сейчас выглядело по-детски растерянным.

— Что хотите, говорите, Ия Карловна, а дело нечисто. Может, Япония тут и ни при чем, а только как эта Анастасия у нас появилась, все вверх дном пошло. То, помните, одна дамочка себе глотку перерезала, а в предсмертной записке написала, что, мол, жить больше недостойна с такой грязной душой и надеется, что теперь ее *карман* будет чист...

— *Карман!* Может, карма? — уточнила Ия Карловна, которая в отличие от полковника Кирпичного имела диплом о высшем образовании и не понаслышке знала, что книги используются для чтения, а не в качестве туалетной бумаги.

— Может, и карма, — покорно согласился полковник, признавая бесспорное интеллектуальное превосходство докторши. — Что бы там ни было, а бабу эту не вернешь. Хорошо, хоть никаких проверок к нам не нагрянуло, списали все как самоубийство. А только мне думается, что это старуха Анастасия приказала той бабе глотку перерезать, потому как самоубийца тоже вроде на моления эти японские ходила и, видать, не угодила чем-то старухе. А потом еще эта, недавняя, которую крысы изгрызли и труп которой пропал, помните?

— Но труп потом нашелся... — Ию Карловну передернуло. Ей вспомнилось, как с разложившейся отвратительной плоти спрыгнула громадная крыса.

— Не нашелся он, — тяжело вздохнул полковник. — Я на днях буквально того парня спросил, который сжечь труп должен был. Он и сказал, что по приходе в морозилку никакого трупа не обнаружил, а потому сжег какие-то мешки с отбросами, чтоб уж печка не зазря дымила. Вот так-то.

— Но как же... Мы же с вами сами видели...

— Мы с вами, Ия Карловна, еще много чего видели. — Дрон Кирпичный неловко задел ладонью пузырек с витаминами, и яркие шарики весело заскакали по вытертой клеенке стола. — Пятерых мертвяков мы тоже с вами видели, вы их смерть освидетельствовали, а теперь они вон где — все на боевом посту! Ч-черт! Спирт кончился.

— Я еще принесу, — с нехарактерной для нее резвостью вскочила Ия Карловна. Видимо, ее начинал пугать весь этот разговор. — У меня в кабинете, в сейфе есть. Я мигом! И из еды чего-нибудь придумаю...

— Ладно.

Докторша вышла, а полковник с каким-то тоскливым упорством стал читать надписи на картонных, выцветших от времени плакатах. Этими плакатами были увешаны все стены выкрашенного в серую краску процедурного кабинета, где полковник и докторша устроили разговор по душам. Надо сказать, что для разговора по душам процедурный кабинет с его унылыми клеенчатыми топчанами, шкафами с клизмами и стопками старых дырявых грелок являлся не самым лучшим местом. Да и на плакатах понарисована была такая пакость, от которой бесстрашному полковнику еще тошней стало.

«Берегись чесоточных клещей и вшей, — пугал один плакат, изображавший некое фантастическое насекомое, хищно нависшее над крошечной фигуркой чахоточно худого человека. — Чаше проходи санитарно-гигиенические мероприятия!»

У полковника всюду немедленно зачесалось, и он уж был готов поверить тому, что и его съедают проклятые вши и клещи, как другой плакат добил его. Изображал он вольную интерпретацию известной картины Васнецова «Богатыри». Только тут вместо богатырей на тощих клячах гордо восседали уродливые скелеты с лентами через плечо, как у свадебных

шаферов. На лентах было написано: «Алкоголизм», «Наркомания», «Курение», чтоб зрителю стало понятно, чего ради глумливо ухмыляются костлявые наездники. Под копытами коней виднелись столбцы цифр, показывающих, сколько в России перемерло всякого народу от трех вышеозначенных пороков.

«Вот блин, — подумал Кирпичный. — Надо с водкой завязывать, что ли...»

Но тут взгляд его упал на плакат, повергший неокрепший мозг полковника в ужас и трепет.

«СПИД — начало твоего КОНЦА!» — уверял плакат и к тому же выспрашивал, сволочь, имел ли полковник беспорядочные половые связи, колется ли он нестерильным шприцем и вообще, есть ли у него гражданская совесть. Полковник даже растерялся, он никак не мог увязать беспорядочные половые связи с гражданской совестью. У него вообще с совестью связей не было! Он если когда кого и трахал, так только в неслужебное время и с резинкой...

«Ну, может, хоть СПИДа проклятого у меня нету!» — мысленно порадовался полковник и тут услышал приглушенный вереницей комнат медицинского корпуса женский крик. Показалось еще Кирпичному, что вместе с криком он услышал и звон разбитого стекла, но это он уже решил выяснить на месте, вскакивая из-за стола, на ходу доставая свой табельный пистолет и бросаясь из процедурной на крик.

В коридоре крик стал более громким, перешел в визг, а потом в какой-то нечеловеческий, тягучий, замерший на одной ноте стон. Полковнику стало жутко.

— Ия Карловна! — позвал он, стискивая пистолет. — Доктор!

Но никто не отозвался. Прекратился и стон. И на полковника Кирпичного обрушилась страшная, какая-то давящая тишина. Он медленно пошел в сторону кабинета Ии Карловны, поминутно вздрагивая от неожиданно гулкого эха собственных шагов.

Дверь в кабинет докторши была приоткрыта. Там горел свет — желтая полоса протянулась по ободранному линолеуму коридора. Но больше ничего не намекало на присутствие в кабинете человека.

— Ия Карловна! — тихо позвал полковник и стволом пистолета аккуратно отодвинул дверную створку. — Вы здесь?

Тишина была ему ответом. Но в том, что Ия Карловна, несомненно, находится в своем кабинете, полковник воочию убедился, едва переступив его порог.

Ия Карловна полулежала на полу, спиной прислонившись к обитому велюром, единственному во всей больнице приличному креслу, неловко, неестественно подвернув под себя ноги. Одной рукой она судорожно вцепилась в свой белый халат, словно пытаясь защититься от кого-то, а другая рука безвольно покоилась среди осколков разбитой бутылки с медицинским спиртом. Но шокировал полковника даже не разлитый по ковровой дорожке спирт. Голова докторши, запрокинутая на край сиденья кресла, представляла собой наполовину обглоданный, с ключьями висящей кожи и волос, череп в луже липкой темной крови. Из-под докторшиной головы выползла осклизлая крыса и исчезла где-то под шкафом. Полковник завизжал, но потом затих, прислушиваясь к тишине больничного бокса. Ничем не нарушаема была эта тишина, разве только глухим стуком размеренно капающей на пол крови. Кровь смешивалась с разлитым спиртом, и от этого запаха полковника затошнило. Но он кое-как удержался и глянул в глаза умершей. Эти остекленевшие мертвые глаза смотрели в никуда, и в них отражались потолок с одиноко светящейся крошечной лампой в желтом плафоне,

уменьшенный полковник Кирпичный, вопящий и бестолково размахивающий пистолетом... Поздно, поздно было махать пистолетом и бегать по больничным коридорам, выискивая неведомого врага, в мгновение ока сотворившего с бедной докторшей такое непотребство...

— Крысы, — прошептал наконец полковник, набегавшись, навопившись и в изнеможении прислонившись к холодной коридорной стене. Он убедился, что, кроме него и докторши, теперь так неожиданно мертвой, в больнице нет ни души. Полковнику показалось, что разум его, и без того не весьма сильный, сейчас просто может отключиться и оставить несгибаемого Кирпичного один на один с непонятным врагом.

— Это ты, старуха! — непонятно выкрикнул Кирпичный и погрозил пистолетом. — Ну, погоди у меня!

Он кинулся вон из больничного блока, замышляя звонить в ФСБ и МЧС, чтобы они разобрались с происходящим в колонии. Пока бежал до поста охраны, автоматически глянул на часы: было три пополудни, и ранние сумерки уже спускались с неба, как серая марля. Солнца, которое утром так лукаво щекотало веки, не было и в помине. Зато появился ветер, влажный, холодный и злой. Он крутил на забетонированной земле колонии маленькие вихри из опавших листьев, бумажек и прочей шелухи. Полковнику почему-то вдруг стали ненавистны этот ветер и это небо, похожее на мокрую, разбухшую, грязную вату. Полковник выругался, придержал рукой с пистолетом летающую фуражку и так и вбежал в караульное помещение, где его ждали новые сюрпризы.

Сюрпризов было девять. Докладывала начконвоя Погребец. Ее трудно было чем-либо испугать, но в данную минуту ее голос дрожал и вся она походила на затравленного гончими зайца.

— Три женщины из персонала обнаружены мертвыми в кухонном блоке, двое из охранников найдены у входа в спортзал... И четверо заключенных — у себя в камерах. Тревогу подняли опять же заключенные.

— Как они погибли? — спросил полковник, уже зная, что услышит в ответ.

— Такое впечатление, будто их загрызли крысы. Огромное количество крыс.

— В котором часу, как вы думаете, это произошло?

— Не позже трех дня. До этого все было нормально, а потом сразу паника, сигналы тревоги...

— Ясно, — сказал полковник, хотя на самом деле ясности не было, а наоборот, все становилось темней и загадочней. Но одна мысль его все-таки осенила: — Девять, вы говорите? Значит, вместе с Ией Карловной будет десять. А до этого погибли и воскресли пять. Пять, десять, потом... пятнадцать?!

Начконвоя странно посмотрела на полковника:

— Вы это о чем, товарищ полковник?

— Да так... — голос у Кирпичного был таким спокойным, словно у него начался кататонический синдром. — Надо трупы снести в морг, осмотреть, написать заключение о смерти.

— Я распоряжусь.

— И еще, — полковника словно осенило. — У нас ведь есть фотоаппарат? Пусть трупы сфотографируют. Или нет. Я сам это сделаю.

— Зачем?

— Надо, — лаконично ответил полковник.

...Часам к семи вечера названные трупы были сложены в мертвецкой, тщательно осмотрены Кирпичным в присутствии начконвоя и старшей медсестры, особенно убивавшейся по погибшей докторше. Полковник хладнокровно, как заправский судмедэксперт, сфотографировал при помощи старого «Полароида» каждый труп, мысленно отмечая при этом, что раны всех десяти усопших практически идентичны. После чего собственноручно запер, опечатал и поставил на сигнализацию больничный блок, а фотоаппарат и пачку карточек спрятал у себя в кабинете в сейфе, о котором, кроме него, никто не знал. А потом, неизвестно для чего, двинулся сквозь загустевшие, как поминальный кисель, сумерки в охраняемый отсек, больше известный в определенных кругах как Приют Обретения Гармонии.

Отбоя еще не было, не было и обязательного конвоя у дверей Приюта. Полковник отметил это, но ничего не сказал. Без стука распахнул дверь. Аромат каких-то пряностей вперемешку с чем-то приторно-сладким ударил по нервам полковника, как шрапнель.

— Вечер добрый, — мрачно сказал полковник Кирпичный, с порога оглядывая комнату, в которой он редко бывал и только по долгу службы, но которая для некоторых была главным утешением.

Шесть абсолютно одинаково одетых и накрашенных женщин повернули к нему свои лица, больше напоминавшие застывшие белые маски. Кирпичного передернуло, но он заставил себя подойти к сидящим на полу женщинам, чтобы как следует рассмотреть их. Шесть пар густо подведенных сурьюмою глаз, свинцово поблескивая, наблюдали за полковником. Шесть кроваво-алых блестящих ртов кривились в молчаливо-презрительных ухмылках.

Женщины сидели вокруг небольшого столика с расставленными на нем чайником и маленькими чашечками. Одеты все были в одинаковые кимоно болотного цвета, подпоясаны — белоснежными кушаками. Полковник молчал, у него от ароматов этой комнаты внезапно сильно закружилась голова, и он стиснул зубы, чтоб, не приведи господь, не брякнуться в обморок при этих накрашенных белилами бабах, больше напоминавших глиняных кукол, а не людей из плоти и крови.

Женщины же, как-то по-своему, видимо, истолковав молчаливое присутствие полковника Кирпичного, отвернулись от него и продолжили то, чем занимались до его визита, — чайную церемонию. В самой старой чашке уже настоялся густой чай, и одна из женщин принялась передавать ее по кругу, чтобы каждая отпила положенный глоток и кивком головы поблагодарила и восхитилась качеством чая. Все происходило в полнейшем молчании, и полковнику показалось, что все эти манипуляции с чашками, легкое шуршание рукавов, звон крошечных бубенчиков, украшавших высокие прически дам, гипнотизируют его и лишают воли. Он попытался сбросить наваждение и рявкнул:

— Всем встать! Режимная проверка!

Однако он сам не услышал своих слов, словно уши ему ватой забили. Женщины же тем более не обратили на этот крик никакого внимания.

— Что за черт! — беззвучно, словно в воде, закричал полковник. — Вы почему не

подчиняетесь?!

Он попытался сделать шаг к этим дамочкам, но ноги его превратились в два каменных столба и отказались ему служить. Полковник глянул вниз, на свои форменные сапоги и ахнул — он стремительно каменел, превращался в залитый гипсом памятник, вроде того, который стоял на плацу колонии с воздетой к небесам рукой...

— Да что же это?! — отчаянно возопил мозг полковника, а губы издали жалостный, похожий на писк щенка, звук.

Госпожа Мумё, она же Анастасия Либенкнехт, спокойно подождала, пока полковник Кирпичный рухнет на пол в глубоком обмороке, а затем сказала:

— Видите, сестры, наше могущество умножается с каждым днем. Вы убедили силой своих душ этого мужлана в том, что он оглох и окаменел, и он рухнул словно каменный идол. Но мы пока не будем уничтожать его. Он пройдет путь до конца. С нами. Он увидит такое, отчего смерть станет казаться ему самой лучшей наградой.

— Но для чего это, Госпожа? — спросила одна из женщин, известная как Фусими.

— В свое время вы поймете. А пока довольно вам знать и того, что *я так хочу!*

— Если женщина захочет, то пройдет сквозь камень! — вспомнила старинную поговорку Тамахоси.

— Верно, — улыбнулась алым кукольным ртом Мумё Безымянная флейта. — Какой прекрасный чай ты заварила сегодня, Ама-но кавара! Этот чай побуждает меня рассказать вам одну историю. О женщине, которая всегда добивалась того, чего хотела. Даже если на ее пути вставали скалы и моря, жестокие ветры, осенние промозглые холода...

* * *

Но ей положено жить в окружении сказок... Самое время для фольклора. Это довольно странный фольклор.

Мирна Элиаде

Осенние промозглые холода, с завидным упорством наступавшие на легкомысленный и не верящий в близкую зиму московский люд, наградили Марью и Дарью Белинских сильнейшим насморком, кашлем и температурой. Поэтому Татьяна Алексеевна отказалась от мысли водить внушек в детский сад и оперативно устроила в квартире зятя мини-лазарет.

— Эпидемия простуды наступает! — апокалиптическим гласом возвестила она мужу и зятю и, поминутно чихая, развесила по периметру квартиры супругов Белинских ожерелья из очищенных долек чеснока.

— Танюша, что за ерунду ты делаешь! — поморщился Баронет. Его утонченному носу претил плебейский аромат чесночных долек. — Можно подумать, ты с вампирами собралась сражаться.

— Сдались мне твои вампиры! — отмахнулась Татьяна Алексеевна. — Я сражаюсь с бактериями и вирусами, они куда опасней. И кстати: ты же сам мне говорил, что чеснок на вампиров не

действует, это все сказки.

— О каких сказках речь? — утомленно зевая, в кухне, где происходил вышеозначенный утренний разговор, появился брошенный муж, то есть Авдей.

Авдей несколько нелюбезно поприветствовал тещу и зятя. Во-первых, он не спал всю ночь, сидя у постелей двух мечущихся в жару дочек, во-вторых, с Викторией до сих пор ничего не было ясно, а в-третьих... Ну скажите на милость, какого мужика обрадует голос тещи, раздающийся у него в квартире в шесть часов утра?!

Правильно. Нет таких мужчин на свете, и даже такой жанр, как фантастика, вовсе не предусматривает их появления. Скорее из-под пера писателей-фантастов выпорхнут очередные феи да эльфы какого-нибудь Кривоземья, поползут уродливые заслуженные мутанты, взмахнут мечами грозные отряды Конанов-варваров, прошагают цельнометаллическим блестящим строем новые терминаторы, чем на страницах какого-нибудь романа появится герой, нет, ГЕРОЙ, КОТОРЫЙ ДОВОЛЕН СВОЕЙ ТЕЩЕЙ! Что хотите делайте с фантастами, это для них задача непосильная...

— Какие у вас планы на сегодня? — спросил Авдей сразу у обоих родственников, втайне вынашивая надежду на то, что ему дадут хоть немножко выспаться и не станут читать бесконечные нотации по поводу неправильности его образа жизни. Кроме того, вчера снова звонили из издательства «Пантеон» и пока вежливо, но довольно настойчиво интересовались, когда же будет представлен к изданию анонсированный роман «Здравствуйте, я ваша ведьма!», за который писатель уже, кхе-кхе, авансик изволили получить.

Одним словом, нужно было Авдею, чуть отдохнув, приниматься за эксплуатацию своего верного компьютера. Тем более что сюжет романа выкристаллизовался и, тьфу, не сглазить, обрел характерных героев. Странно, думал Авдей, дети болеют, жена в бегах, точней, в драконах, дом оккупирован тещей, а творить хочется как никогда. Видно, верно говорят, что писателей создают житейские трудности...

— Так какие планы? — переспросил писатель.

Татьяна Алексеевна как раз закончила церемонию приготовления завтрака по-токийски: разложила на тарелочках теплые рисовые лепешки-моти, поставила судок с соевым соусом и миску с непонятного назначения обжаренными в масле хлебными палочками.

— Для начала предлагаю всем позавтракать, — сказала она, ожидая похвалы за знание особенностей японской национальной кухни.

Авдей покорно принялся жевать лепешки. Они, кстати, были неплохими, если бы не рис, консистенцией напоминавший прокипяченную жевательную резинку. Баронет посмотрел, как мучается зять, и хладнокровно извлек из недр холодильника непочатую палку финского сервелата.

— Калистрат, — укоризненно глянула на сервелат Татьяна Алексеевна, — ты испортишь свой желудок.

— Отнюдь, — возразил Баронет, извлек из хлебницы свежую французскую булку, из воздуха сотворил пучок петрушки и сгородил ненормальной величины бутерброд. И принялся его методично поглощать, запивая кофе из полулитровой кружки с надписью THE BOSS. Насколько Авдей помнил, такой кружки в их с Викторией доме сроду не было.

«Бытовое колдовство, вот как это называется. Факультативная магия», — вспомнил Авдей Викины лекции на тему «Почему в собственном доме ведьма старается не колдовать».

— Ну, как угодно, — Татьяна Алексеевна демонстративно принялась за загадочные жареные палочки, обмакивая их в соевый соус.

Завтрак закончился в полутраурном молчании. Теща, видя усердие Авдея, проявленное при поглощении ее кулинарных изысков, смилостивилась над зятем и заварила ему отличный крепкий чай. После чая Авдей почувствовал себя почти счастливым. И тут заговорил Баронет:

— Вы как хотите, господа, а мне нужно сегодня съездить на Библиотечную улицу...

— А где такая? — удивился коренной москвич Авдей.

— А, в Химках... — взгляд Баронета слегка затуманился.

— И что там, на этой Библиотечной улице?

— Да так, кое-какие архивы. Нужно будет кое-что посмотреть, порыться в манускриптах. — Баронет сделал красивый неопределенный жест рукой с недоеденным бутербродом.

— Ладно, поезжай, — благословила мага Татьяна Алексеевна. — Но по дороге обязательно загляни в аптеку и купи вот эти лекарства. Внушек надо лечить.

— *Весь список?!*

— Хорошо, половину. *Первую* половину. Авдей, на тебя смотреть страшно, перестань так бледнеть, я Вику вырастила и от всех хворей ее лечила...

— Бедная Вика, теперь я понимаю, почему она стала ведьмой... — пробормотал Авдей в пустую чайную чашку.

— Что-что? — переспросила Татьяна Алексеевна. — Авдей, в чем дело?

— Нет-нет, я ничего... — заверил тещу Авдей, собственноручно помыл посуду и наконец сказал: — Мне нужно сегодня заняться своим романом. Издательство торопит. Сроки поджимают. Так что, если вы не возражаете...

— Возражаю, — сухо бросила Татьяна Алексеевна. — Я не думаю, что когда дети в таком состоянии, следует думать о романах.

Авдей взъерился, но смолчал, успокаивая свои нервы воспоминаниями о всех когда-либо слышанных анекдотах про тещу. Помогло.

— В таком случае что мне прикажете делать? — стараясь сократить до минимума язвительность в своем вопросе, спросил он.

— Как что? Даже странно! С детьми сидеть. Через каждые два часа мерять температуру, поить чаем с малиной... Кстати, Машеньке надо полоскать горло настоем ромашки, я подозреваю у нее трахеобронхит. *И ни в коем случае* не давать девочкам устраивать скачки по кроватям; то что у них постельный режим, еще не означает, что им разрешается швырять друг в друга подушками... Калистрат, ты что-то хочешь сказать?

— Да, хочу, — сладко улыбаясь супруге, пропел многомудрый маг. — Ты, мое золотко,

временами бываешь просто сногшибательной... стервой.

Авдей благодарно взглянул на тестя. Инстинктивная антифеминистская мужская солидарность и тут сработала. И, разумеется, Татьяна Алексеевна отреагировала на подобное заявление соответственно своему полу, то есть, разгневанно сверкая глазами, вскрикнула:

— А-ах, негодяй! — и элегантно осела на пол, изображая обморок.

Авдей было кинулся поднимать тещу, боясь, что при падении та погубит три банки замаринованных Викой несчастных баклажанов, но Калистрат Иосифович, развязно подмигнул ему, хлопком в ладоши заставил бесчувственное тело супруги слегка приподняться и зависнуть над полом. Подействовало: Татьяна Алексеевна мгновенно пришла в чувство, замахала руками и возопила:

— Верни меня на место, старый хулиган! — отчего крутнулась в воздухе вокруг своей оси, наподобие космонавта в невесомости. Авдей не вынес этого зрелища и бестактно захохотал. Следом, как ни странно, расхохоталась и грозная теща, возвращаясь на грешную землю, то бишь на пол кухни.

— Нет, я такого произвола не стерплю! Разведусь с тобой, Бальзамов, к чертовой матери!

— Ну хватит тебе, Танюша... Я ведь не со зла, — миролюбиво произнес Баронет и поцеловал жену ручку. — Просто было бы лучше, если б с детьми посидела ты. Ну мужику нашему работать надо! У него, может, вдохновение поперло, как тесто из кадушки.

— Да я понимаю, — вздохнула Татьяна Алексеевна. — Но и ты, Авдей, меня пойми. Я уже четыре дня живу без маникюра и укладки волос. Мне дозарезу надо в парикмахерскую! И в косметический салон. Кстати, Калистратик, я возьму на это дело долларов двести, а?

Баронет внимательно посмотрел на жену.

— Чего уж там, — свеликодушничал он. — Бери все пятьсот.

Татьяна Алексеевна подозрительно приподняла бровки:

— Это что, намек?!

— Какой намек, помилуй! Просто столичные цены всегда выше...

— А... Ну так что, Авдей, я скроюсь на полдня? А ближе к вечеру тебя подменю, и ты сможешь поработать.

— Ладно. В конце концов, это же *мои* дочери.

... Так вот и получилось, что, когда появился демон, Авдей остался в квартире один. Не считая притихших в детской Машки с Дашкой.

Поначалу-то все шло хорошо. Тесть с тещей практически одновременно отчалили, каждый по своим надобностям, сонливость и вялость пропали, а когда Авдей появился в детской, дабы устроить показательный замер температуры и заставить приболевших девчонок проглотить микстуру, те, несмотря на свою капризность, явили просто образцовое послушание. Впрочем, Авдей уже неплохо знал меркантильную натуру своих возлюбленных чад и потому проницательно спросил:

— И чего же вы хотите в награду за свое поведение?

— Ты мне, пап, на Новый год больше фломастеров не дари, а лучше подари саблю и настоящую лошадку, — быстро заявила Марья, не привыкшая мелочиться.

— Маш, — опешил Авдей от таких дочкиных запросов. — А зачем тебе? И потом, сабля с лошадкой у тебя уже есть...

— Так они же *пластмассовые*, — с невероятным презрением пояснила Марья. — Пап, ты простых вещей не понимаешь. Ну как я на пластмассовой лошади и с *поломатой* саблей в нашем детсаду появлюсь?

— Да, действительно. Ладно, Маш, как-нибудь в ближайшее время решу вопрос с твоим вооружением. А сейчас, может, сказкой ограничимся?

— Да! Ограничимся! Пап, давай нашу сказку! — потребовала Дарья, в отличие от боевой сестрички бывшая натурой более поэтической и склонной к созерцательности.

— Фу, сказку... — сморщила нос Машка. — Ты просто малолетка! Сказки — фигня. Пап, если сейчас не будет сабли и лошади, лучше расскажи анекдот. Или самый ужасный-разужасный ужастик! А лошадь, — великодушно разрешила Марья, — ты мне завтра купишь.

— Ну, как скажешь, — пожал плечами счастливый отец. — Так какой же тебе ужастик нужен, Марья?

— А ты тогда рассказывал. Ну, когда надевал на голову мамины черные колготки, махал старой рваной шторой, ну, которая из кладовки, и кричал, что ты Бэтмен... Ну, вспомни! Жила-была девочка, и были у нее не глаза, а глазищи, не волосы, а волосищи...

— Не зубы, а зубищи...

— Ага! И был у нее не муж, а мужичище, не дети, а детищи, не собаки, а собачищи...

— Маш, ты что-то путаешь. Не мог я такую чепуху вам рассказывать, — отрекся Авдей и услышал, как его вторая дочура тихо и методично ревет в одеяло.

— Дашута, — встревожился он. — Ты чего?

В ответ донесся приглушенный всхлип. Авдея зацарапала совесть. Он принялся всячески утешать дочку, что ехидная Марья не замедлила прокомментировать:

— Фу, Дашка, ты плакса! Ужастика испугалась! В тебе глупости больше, чем умности!

— А ты, Машка, тоже хороша, — прицкнул на чересчур деловую дочку Авдей. — Не будет тебе ужастика...

И в опровержение этих слов писателя-фантаста раздалась пронзительная трель дверного звонка.

— Какой же черт так трезвонит?! — прошипел Авдей, выбегая в прихожую...

...и замирая на полдороге, потому что посреди ярко освещенной прихожей стоял и лениво озирался...

А дверь-то заперта, а зачем тогда звонить... Предупредить о визите?..

В общем, именно таким Авдей себе его и представлял.

— Спокойно, мужик, — сказал дух изгнанья, он же печальный демон. — Я вообще-то не к тебе, а к твоей супружнице.

— В-вики нет дома... — Авдей попытался отклеиться от стены и занять подобающее хозяину дома строго вертикальное положение.

— Нет? В том-то и вся подляна, что нет! Ты расслабься, мужик! Я ж не за просто так черт, я с радио. «Еж-радио» слушаешь? Хотя куда тебе, ты ж *простой*, как резиновый коврик! Ты не смурней, я это так, к слову. Чисто базар! Работаем мы вместе с Викой, просекаешь? Я дем-джей, можешь звать меня просто Кент. А ты, значит, муж?

— Муж.

— Прикольнись, народ, вот он, отвязный чувак, муж крутой ведьмы! Как-нибудь надо тебя на передачку пригласить: в натуре, елы-палы, кайфово жить с натуралой!

— Не понял...

— Проехали. Ты лучше скажи, почему твоя супруга на работе уже хрен знает сколько ночей не появляется? Начальство дым из ушей пускает: рейтинги канала падают, новостной блок начитывать некому, одни гундосые рекламщицы остались! Это же, в натуре, обломная хана! От нас уже два спонсоренка носами закрутили: акционерное общество «Кладбище домашних животных» и вампирская клиника «Вторая жизнь»! Ведущие не те, сто литров чугуна им в глотку, блин! Если дело так пойдет, нас вообще из эфира уберут! Ты в курсах, почему сейчас прямой эфир?! Короче, где Вика?

— Улетела, — просто сказал Авдей.

— Не врубаюсь... На шабаш, что ли? Это ты гонишь, какие сейчас шабаши, скоро зима на дворе, в натуре.

— Она превратилась в дракона и улетела, — терпеливо разъяснил Авдей ситуацию Викиному демо... коллеге по работе.

Тот выпучил алые глаза и ошалело захлопал клыкастой пастью:

— Не, ну... Ну, я прям шизею с таких подлян! В натуре, дракон?!

— В натуре, и еще какой...

— Западло, — резюмировал Викин коллега и минут пять молчал. Видно было, что эта новость его просто доконала. Алые очи потускнели, а когтистый палец принялся задумчиво царапать недавно поклеенные обои. Но наконец демон спохватился:

— Короче, мужик, заболтался я тут у тебя, а столько дел надо обтоптать... в силу изменившихся обстоятельств. Твоя жена чудит, а мне расхлебывать. Ладно, я полетел, доложусь начальству, как все обстоит, пусть пока замену ищут. А ты это... слушай, как только жена вернется, гони ее сразу на работу. Иначе нам кранты. Она же Вика, она должна понять. Ну, бывай. Привет детям!

Демон развернулся спиной к Авдею, продемонстрировав пару сложенных черных крыл, и прошел сквозь запертую дверь. Авдей выдохнул, отер пот со лба и услышал далекое, уже запредельное:

— Быстрее жену ищи, а то ей начальство такой выговор вкатит — мало не покажется-а-а!...

— Уже бегу, — зло бормотнул писатель и пошел в детскую, где дочери наконец-таки пришли к консенсусу и хором принялись выпрашивать у папы «сказку».

И папа, естественно, не мог им отказать. Тем более что речь шла о сказке, которую он сам написал (причем ориентируясь на взрослых читателей) и которая эпизодически пересказывалась малолетним дочерям в сокращенно-цензурном виде. Рабочее название у сказки было «Три пера». И речь в ней шла...

...О молодой красивой девушке, чарами злого колдуна из современного мира выброшенной в мир сказочный. В этом сказочном мире девушка оказалась младшей дочерью зажиточного купца Козьмы Скоробогатого, и никакого житья ей не давали две вреднучие старшие сестры, толстые, прыщавые, с мокрыми носами и зубами, почерневшими от постоянного поедания сладостей.

— Шоколадок? — неизменно спрашивает в этом месте сказки Дарья, как-то сразившая маму и папу своим талантом поглощения килограмма конфет «Мишка косолапый».

— А как эту девушку звали? — обязательно поинтересуется Марья. — А она была красивая? А во что одета?

«Звали ее Марина, но в сказке стали звать Акулиной, и, хотя она была гораздо красивее своих сестер, одевалась она чуть ли не в лохмотья, потому что сестры ей завидовали и никакой хорошей одежды не давали. И первым делом заставляли бедную Акулину работать на скотном дворе — навоз убирать.

— Чадо любезное, — заявил Акулине купец Скоробогатый. — Трудись не покладая рук, и благо тебе будет, и долголетна будешь, и женихам любя.

С этим напутствием она отправилась разгрести навоз и, надо сказать, через три часа практических занятий со скотницей Дуськой достигла некоторых успехов.

А противные сестрицы, звали их, кстати, Явдоксия и Снандулия, видимо, не могли спокойно стоять и смотреть, как работает их «младшенькая», поэтому отправились полежать на полотах, погрызть леденцов и...»

— «Сникерсов»? — услужливо подсказывает Дашка, удобно устроившись на кровати в компании плюшевых мишек.

— Ну, дура ты, Дашка! — восклицает сестра. — Ну откуда в сказке «Сникерсы»? Ты еще про «Бону акву» вспомни!

— Это папина сказка, — резонно возражает Дарья. — Папа что угодно в сказку впихнуть может. Даже стиральную машину «Самсунг» и таблетки для похудения.

И польщенный такой оценкой своего таланта Авдей продолжает дозволенные речи:

«Позвали Акулину к обеду и стали сестры за трапезой над ней насмехаться:

— Чучело ты огородное! Верста ты коломенская! Мост ты санкпитембургский разводной! — зловредничала Снандулия. — Никогда ты себе жениха не найдешь! Не то что мы!

— Да, Акулька, — ехидно заухмылялась и Явдоксия, облизывая деревянную ложку. — Улетело то счастье твое!

— Ты о чем? — спросила Акулина сестру, за что получила облизанной ложкой по лбу.

— Со старшею сестрою не говори предерзостно!

Снандулия захихикала:

— Вот, всю жизнь будешь за коровами навоз подбирать!

— Уймись, зазубрины! — грозно принахмурил брови Козьма Скоробогатый. — Почто сестрицу тираните? Она и так убогая...

Сестрицы приутихли, но по взглядам из-под ресниц было ясно, что в покое они Акулину оставлять не собираются.

— В нынешнее воскресенье на ярмонку поеду, — объявил Скоробогатый, вволю напившись сула. — Сказывайте, что за подарочки вам привезть?

На щеках старших дочерей вспыхнул жаркий румянец, охочи они были до подарков.

— Мне на платье купи панбархату! — закричала Явдоксия. — Двадцать аршин!

— И мне того ж! — добавляет Снандулия. Видимо, у нее нелады с фантазией.

— А ты что молчишь, дочка меньшая, любезная? — вопросительно поглядел на Акулину купец (хотя, конечно, вы помните, что на самом деле Акулина — Марина, и родилась она в XXI веке, а не в сказке). Но она знала, что просить.

— Купи мне, батюшка, — сказала хитрая Акулина голосом деревенской дурочки, — перышко Финнета — Ясна сокола.

— И ты туда же?! Нешто порчу на тебя навели, чадо! — крестится Козьма. — Беду-стыдобу на себя накликаешь? Чего другого попроси, духов там заморских французских на розлив, тапок китайских, бралиянтов стекла чешского.

— Ну на что тебе энто перышко? — увещевает Снандулия. — Пастуха Козлодоева в носу щекотать?

— Та-то, чай, с прошлого раза натешилась, — презрительно кривит губы Явдоксия. — На весь околоток себя ославила.

— Будет! — отец, видно, и сам не рад, что спросил Акулину. — Что ж, раз просишь, быть по сему. Чему быть, того, видно, не миновать.

Не знала Марина-Акулина, что до нее уже была в сказке девица, тоже попросившая такое перышко. И к ней прилетел Финист — Ясный сокол, да только не полюбилась она ему. Со злости та девица, как он в сокола обратился, целый пук перьев из его хвоста выдрала и пустила по ветру: пускай еще дурочки найдутся, счастья с Финистом попытают!

В воскресенье Козьма действительно отправился на ярмарку, напутствуемый просьбами, чтоб панбархат был «обязательно с зернью да нитью золотою». На Акулину он посмотрел со вздохом и ничего не сказал...»

(Здесь начиналась любимая Марьей и Дарьей часть, и Авдей потому всегда инсценировал свой рассказ.) Итак...

«...Оставшись без отцовского контроля, Явдоксия и Снандулия недоставали из громадных своих сундуков пропахшее нафталином приданое и начали примерять сарафаны, юбки, поневы, кокошники, платки, попутно насмехаясь друг над другом и над Акулиной, лишенной всех этих нарядов. Акулине было дозволено быть лишь безмолвным наблюдателем на демонстрации коллекции славянской моды осенне-летнего сезона да еще застегивать пуговицы и стягивать кушаки на слишком уж располневших талиях сестриц.

— Ах, зело лепотна моя кика-то парчовая! — крутилась у зеркала Явдоксия, так и этак примеряя на голову жутко нелепое сооружение с длинным шлейфом из тафты.

— Полно тебе, у меня кокошник лучше! — горячилась Снандулия. — Речным жемчугом да самоцветными камнями расшит!

— Уж и жемчуг! Ой, не смей меня! Знаем мы таковы камения — стекло битое бутылошное! Одно слово — бужутерия!

— А вот и нет!

— А вот и да!

Поругались сестры и вцепились друг другу в косы, зашипели, как кошки. Еле разняла их Акулина, да за то и поплатилась: принялись сестры над ней смеяться.

— Что рот раззявила, аки кликуша блажная? — напустилась на девушку Явдоксия, хотя Акулина на самом деле была очень красивой и ротик у нее был... как у Даши...»

— Нет, как у меня! — сразу требует справедливости Марья.

— Ты в прошлый раз была Акулиной! — не остается в долгу Дарья и кидает в сестру мишкой.

— Ти-хо! А то дальше не буду рассказывать. Дашка, ну-ка, пей микстуру. Не реви, она сладкая. Так, Марья. Твоя задача: быстро проглотить этот порошок и запить молоком. Молоко холодное? А ты что, горячее любишь? Ну, вот, я так и думал...

— Рассказывай дальше!!! Ну, папочка!

— Ладно.

«... Хитрая Явдоксия загрузила Акулину непосильной работой:

— Ступай, все горницы подмети, квашню поставь, крупы гречневой перебери, кадку под капусту простерилизуй, ой, чаво это я говорю-то!

— Хорошо, сестрица, — только и сказала Акулина и принялась за дела.

Когда Акулина на кухне сортировала крупу и чечевицу, подошла к ней тихонько старая нянька Арина Родионовна, которая от души жалела горемычную девушку.

— На-ка, горемычная, покушай, — сунула она Акулине петушка на палочке. — Совсем сестры-срамницы тебя умучили!

— Спасибо, бабушка. — Акулина-Марина вовсе не любила петушков из жженого сахара, но из вежливости принялась его сосать. — И пошто сестрицы на меня взъедаются...

— Уж больно ты личиком хороша, милая, вот оне и завиствуют, куры рябые, неуклюжие, — растолковывает нянька. — Да и матушка-покойница боле всех тебя любила-баловала. Нонче же только батюшка и заступится. Да еще, — тут нянька понижает голос, — женишок твой жданный-гаданный.

При словах о женихе всякая девушка, даже самая умная, теряет голову. Тем более в сказке. Бедная Акулина так разволновалась, что сунула в мешок с гречкой миску отборного проса.

— Нету у меня жениха, баушка...

— Уж будто! А кто же в светлицу твою летал, светло перышко потерял?

— Ну, мало ли птиц летает. Не февраль месяц, — сказала Акулина, вспомнив о том, что, и правда, недавно вечером возле окна крутилась какая-то невзрачная птица.

— Птиц-то много, милая! А Финист-сокол один. Вот тебе и счастье привалило: возьми, милая, вот оно, перышко Финиста — Ясна сокола, жениха твоего нареченного, супруга навечного.

Акулина взяла в руки перо, слегка испачканное присохшим кое-где пометом. Ничего особенного и волшебного в нем пока не наблюдалось...

— А я батюшку просила с ярмарки привезти, — растерянно протянула она и принялась отколупывать с пера присохшие сероватые комочки. — У вас-то оно откуда?

— Схоронила тайно, как он прилетал да о ставни твоей светлицы полночь бился-колотился... Бери да спрячь. Как луна-то в силу полную войдет, ты его и призови снова.

— Ну хорошо, — сказала Акулина и спрятала перо.

А вечером Козьма Скоробогатый вернулся с ярмарки, хорошо нагруженный заморскими товарами и отечественной брагой. Явдоксия и Снандулия с визгами восторга приветствовали тяжеленные отрезы панбархата неприглядной для глаз расцветки, примеряли повязки из парчи и серьги из самоцветных каменьев...

— А тебе, дочь меньшая, любезная, привез я просимое. Тыщу рублей отдал! — с этими словами купец полез за пазуху и вытащил расшитый платок...

Да, это было еще одно перо. Только совсем непохожее на то, что сунула в руки Акулины Арина Родионовна. Перо блестело как древнее благородное золото, было тяжелым и прохладным на ощупь. Даже сестры притихли, глядя из-под своих бархатных завалов на это сокровище.

— Это и есть перышко Финиста — Ясна сокола? — тихо спросила Акулина.

— Оно самое, не сумлевайся. У меня вот и грамотка к нему есть. Докажется там, что перо сие не подделка рук человеческих, а истинно редкостной птицею изрonnenное.

В грамотке глаголицей написано было следующее:

«Сертификат качества.

Сия грамота подтверждает, что рекомое перо есть истинно перо Финиста — Ясна сокола и содержит в себе:

злата — 0,6 ф.

серебра — 1,1 ф.

сплаву ювелирного — 6,9 ф.

каменьевъ самоцветныхъ — 0.

Проба пера 583.

Грамоту составилъ, подписалъ ювелирныхъ дель мастеръ Ицхакъ бенъ Звономудъ».

— Вот! — гордо потряс грамоткой Козьма, — Ноне у нас торгуют без обману. Даже и срок испытательный на сие перышко есть. Полгода. Ежели не оправдает себя, воротим торгашу да получим деньги с лихвой.

— Благодарствую, батюшка, — поклонилась Акулина, прижимая перо к груди.

Поздно вечером, когда даже Явдоксия и Снандулия устали примерять свои новые наряды и легли спать, Акулина заперлась в своей скромной светелке, освещенной лучиной, и положила перед собой на столике оба пера...»

Да, история становилась интересной. Однако каким образом Акулина могла проверить, какое из перьев — фальшивка, а какое — подлинное? Разумеется, Акулина поступила как героиня известной русской сказки. Только она с размаху бросила на пол оба пера. А вот этого как раз и не стоило делать...

... Дарья с Марьей восторженно затихают. Начинаются приключения. Вопрос женихов волнует девочек с детства. У них даже в детском саду уже есть по жениху.

«... Перед Акулиной стояли двое мужчин. Один был одет в алый плисовый кафтан с блестящими на локтях рукавами, подпоясан бахромчатым кушаком, на ногах имел сафьяновые сапоги, а на голове — смушковую шапку, которую моментально сдернул с головы, склонясь в эффектном пояском поклоне. Пахло от него курятником. Второй... Второй гордо кутался в длинный, бордовой парчи халат, сверкал многочисленными перстнями на пальцах и огромным рубином, украшавшим белоснежную атласную чалму. Глаза его тоже блестели как два агата. Но поклонился он гораздо небрежнее, двумя пальцами левой руки придерживая усыпанный драгоценными камнями эфес ятагана. Пахло от этого пришельца сандалом, миртом и прочими восточными благовониями.

— Кто вы такие?! — испуганно спросила Акулина.

— Финист я. Ну, сокол ясный, — приосанился обладатель сафьяновых сапог. — Вызывала?

— Калиф-аист, — чалма элегантно качнулась. — Чем обязан призыву луноликой?

Тут Акулина просто обалдела.

— Перья, — прошептала, прозревая, она. — Оба пера оказались настоящими!

Так... Ну и ситуация. И что же прикажете делать бедной девушке с этими сужеными? Тем более что их двое! Однако долго раздумывать ей не дали.

— Ну, что делать будем? — задал конкретный вопрос Финист-Ясный сокол. — В картишки перекинемся али все-таки предложишь, хозяйка, выпить зелена вина за нежданную встречу?

Акулина-Марина растерялась. По своему характеру была она девушкой скромной и непьющей, тем более в компании двух незнакомых мужчин...»

— Да, — с видом знатока комментирует рассказ отца Марья. — Пить в компании незнакомых мужчин просто неприлично. Смотри, Дашка, если тебя опять пригласят выпить пепси-колу и сходить в «Макдоналдс» незнакомые Кирюшка Степанов и Димка Рябчун из третьего подъезда, ты не соглашайся! Лучше ходи с Ромкой Фединым, он из приличной семьи...

— Марья! — восклицает изумленный такими речами Авдей. — Откуда ты всего этого нахваталась?!

— Станный ты, пап, — рассудительно отвечает за Марью ее сестра. — Мы же всегда должны держать руку на этом... пульсе.

— Пульсе?!

— Ага. Пульсе времени. Ты сам говорил бабушке, что мы атомные дети. Ладно, рассказывай дальше свою сказку.

— Уже можно? Ну ладно.

«Акулина вовсе не любила пьянства и алкоголизма и вообще вела здоровый образ жизни. Поэтому она предложила Финисту квасу. Тот только нос сморщил:

— Что я, черноризец, хмельного в рот не брать?! Дай-ка ключи от подвалов купеческих, погляжу я, какое вино там Козьма Скоробогатый прячет.

Тут и поняла Акулина, что это вовсе никакой не Финист, а просто грабитель. И хотела она поднять шум, но передумала: ведь никто ей не поверит. Поэтому она решила схитрить.

— Ладно, — сказала Акулина. — Принесу я сейчас и вина заморского и яств разных. Для дорогих гостей ничего не жалко. А ты, господин калиф-аист, чего изволишь пить-вкушать?

— Я держу священный пост, — калиф благочестиво свел ладони. — До полуночи мне нельзя ни пить, ни вкушать, ни наслаждаться кальяном...

— Так ведь по местному-то времени полночь уж наступила!

— Да?! — явно обрадовался калиф. — Благословенна будь эта земля. Я что-то уж слишком проголодался.

— Так я сбегаю в погреб, поесть принесу?! — и Акулина умчалась. Задумала она напоить грабителя так, чтобы он не проснулся до самого утра».

— А утром вызвала бы милицию?

— Почти. Машка, ты очень догадливая, но сморкаться все-таки нужно в носовой платок, а не вытирать нос об рукав моего халата.

«Акулина принесла несколько бутылей с вином. Из еды ей удалось раздобыть только сало, каравай пшеничного хлеба, миску квашеной капусты и чугунок с остывшей вареной картошкой.

— Ну, за знакомство! — провозгласил Финист — Ясный сокол первый тост, хлопнул чарочку и изящно закусил своим рыжим усом. Калиф тоже не стал разводить церемоний, восславил Пророка и мудрость его и осушил до дна пузатый кубок. Акулина же пила только для виду, да и то клюквенный морс.

Наконец ее гости запьянели и начали рассказывать о своих подвигах и приключениях.

— Обо мне, — похвалялся тот, кто назвался Фи-нистом-Ясным соколом, — всякая девица мечтает! Я жених завидный! Сокровища любого царства-королевства мои будут, стоит только пожелать! Да вот не нашел я себе подруги по сердцу, где она, моя горлинка светлоглазая?

— А я, — высокомерно приподнял чалму над миской с капустой калиф-аист, — вообще, может быть, завел целый курятник, ой-ик! целый гарем! И всякая женщина мечтает попасть в этот гарем, стать на неделю звездой, ой-ик! моей любимой женой! Но туда такой строгий отбор, вай! Сама прекрасная Анжелика-ханум, маркиза Варум три луны подряд стояла у стен моего ку... гарема и, обливаясь слезами, томно пела: «Все в твоих руках, о повелитель бескрайних песчаных карьеров, все в твоих руках, и даже я! Сделай меня хотя бы своей тысячной любимой женой и подари чудесную сковородку, которая сама будет говорить, когда пришла пора на ней готовить. Ты мой последний герой, о государь, чье семя... кхм, семейство бесчисленно, как Млечный Путь!!!» Но я не принял ее в свои жены, вай!

— Почему? — спросил Финист.

— Вах! Ты знаешь, мой светлокудрый друг, она очень уж тонка в талии и чересчур узка в бедрах, повадками же своими эта дама напоминает угря, плывущего по дну Суэцкого канала. И к тому же маркиза так тихо поет! А я люблю громкие песни. И женщин, роскошных, как медный таз, доверху наполненный клубникой со взбитыми сливками, вай-мэ!

— У каждого свой вкус, — пожала плечами Акулина. Она-то уж явно не подходила халифу. До размеров медного таза ей было далеко.

— Хорошо ты, калиф, вспомнил про песни. Ох, люблю я петь! — похвастался Финист. — А давай споем!

— А давай! Акулина-ханум, подпевай нам, будешь хорошо петь, пойдешь в мой гаремный народный хор, о неприрученная газель!

— Какую же песню нам спеть? — задала резонный вопрос Акулина.

— Не беспокойся, лунолика! Были бы певцы, а песня найдется!»

— Песня! Песня! Ура-а-а! — захлопала в ладоши всезнайка Марья. Она давно ждала этого момента, спрыгнула с кровати, закутанная в простыню, подхватила маленький игрушечный бубен и встала в «декламационную позу». Дарья не отстала от сестры: нацепив летнее мамино парео, взяв в руки маракасы и воткнув в косички букет тряпичных фиалок, она встала рядом с Машкой и скомандовала:

— Пап, запевай!

Ну разве можно в чем-нибудь отказать таким дочерям?!

И они грянули нестройным хором:

Шумел камыш, деревья гнулись,

А ночка лунная была.

И две девчонки улыбнулись,

Два оседлали помела.

И полетели, словно птицы,

Они в неведомую даль.

А в камышах сидели принцы,

Толкуя про свою печаль:

«У всех невесты как невесты,

Хоть и лягушки, да свои!

Кто ж нам достался, неизвестно:

Ни счастья нету, ни любви!

Мы б лучше холостыми были,

Сидели б лучше по домам!»

Шумел камыш, кувшинки плыли,

Взлетали метлы к небесам!

Воодушевленно допевая последний куплет, Авдей расслышал стук входной двери. Вернулись. Тесть или теща. Так что веселье пора прекращать.

— Девчонки, марш в постели! Кажется, бабушка с дедушкой пришли. И они откроют мне голову за такое лечение простуды!

Марья и Дарья были детьми понятливыми. Они мигом оказались в своих кроватках, закутались в одеяла и шепотом прокричали:

— Пап, не бойся, мы тебя не выдадим! А ты потом нам дорасскажешь, чем сказка кончилась?

— Я вам уже двадцать раз ее рассказывал...

— А ты каждый раз это... меняешь концовку. Редактируешь, вот!

— Ладно, уговорили. Будет свободное время — будет вам и сказка... Ну, я пошел. Бабушкина очередь вас воспитывать...

— Ты так действительно считаешь, дорогой Авдюша?

В детскую вошла, нет, скорее, вплыла, распространяя вокруг себя облако элитного парфюма, величественная, как королева в изгнании, Татьяна Алексеевна. И тут же с кровати понеслись восторженные вопли:

— Ухтышка-а-а! Здоровско! Ба, тебе ресницы насовсем наклеили или только поносить дали? А мне дашь поносить? Один разик в детский сад!...

— Ба, а как твоя прическа называется? Я тоже хочу себе такую, только чтоб волосы не желтые, а малиновые, как у Натейры Оральи!

Зять, признаться, тоже слегка оцепенел при виде преобразенной тещи. Но быстро нашелся, выдав комплимент:

— Вы, Татьяна Алексеевна, не в театр ли нынче вечером собрались? Вид у вас парадно-выходной.

Татьяна Алексеевна вздохнула, и глаза ее, обрамленные сверхъестественными ресницами, заметно погрузтели.

— Выберешься тут в театр, — сказала она, — когда бедные дети весь день не кормлены-непоены! И вместо того, чтобы соблюдать постельный режим, поют при попустительстве собственного отца какие-то... песенки! Марья, *лежать!* Я что сказала! У вас ведь могут воспалиться гланды! Придется всерьез заняться вашим здоровьем и воспитанием, иначе последствия могут быть ка-та-стро-фи-чес-ки-ми! Ваши папа и мама...

— Ба, — тихо спросила Дарья. — А где наша мама? Не стыдно ей сидеть с какой-то больной подругой, когда тут болеем *мы!* Почему она не возвращается и даже не звонит!

После этих слов в детской, как дождевое облако, повисла печаль. Татьяна Алексеевна почувствовала, как неуместен ее сегодняшний поход в салон красоты, и усилием воли заставила себя не расплакаться.

— Вика, то есть мама, очень скоро приедет. Буквально на днях, — исключительно фальшивым тоном сказала она и посмотрела на Авдея, ища в нем поддержку и опору.

— Да, действительно, мама наша скоро будет с нами, — хриловато заверил девчонок писатель-фантаст, стараясь не глядеть в их глаза. — Побудьте пока с бабушкой. А я обед разогрею.

Авдей честно принялся разогревать вчерашнюю грибную лапшу и на скорую руку лепить ленивые вареники, но долго упражняться в кулинарном мастерстве ему не пришлось. Потому как, не затрудняя себя продвижением через дверь, сквозь стекло кухонного окна беззвучно проник тесть, прижал палец к губам, призывая зятя к молчанию, а затем прошептал:

— Бросай все и собирайся.

— Куда? — шепотом же изумился Авдей.

— Вопросы потом. У тебя смокинг есть? Или какой-нибудь приличный выходной костюм?

— Есть, но...

— Ах, черт, черт, черт, если ты начнешь переодеваться-бриться, Татьяна сразу подымет шум, куда это мы собрались! А это нам сейчас вовсе ни к чему! У нас спецоперация.

— Серьезно? — от удивления вместо вареников Авдей принялся лепить пельмени.

— Да брось ты своюстряпню, мужик ты или кухарка?! Ты хотел приключений, острых ощущений и всего такого? Ну, вот. Мы идем в ресторан. На очень важную встречу.

— Но одежда? И теща?!

— Это я беру на себя. Ради такого дела не грех и колдануть. — С этими словами тесть молниеносно вырвал у Авдея пару волосков из шевелюры, пробормотал нечто вроде детской считалки: «Головой кивает клон, он клонихе шлет поклон» — и швырнул волосы на пол. Тут же на этом месте возник двойник Авдея Белинского — с выпачканными мукой руками, в фартуке и халате. Двойник стремительно принялся за приготовление обеда.

— Сойдет, — критически оглядел Баронет морока. — Рассчитан на три с половиной-четыре часа. Этого времени нам с тобой должно хватить.

— А если они догадаются, что это — не я?

— Par bleu! Я маг или кто?! Так, времени не теряем, сюда, кажется, идет моя жена.

Баронет подхватил Авдея под руку, с нечеловеческой силой поднял его к потолку и швырнул в окно, причем окно не разбилось, и тут же вылетел следом... А пришедшая на кухню Татьяна Алексеевна с удовольствием выслушивала лекцию лже-Авдея о способах приготовления вареников.

— Этот ресторан называется «Палый лист». Неброско, но стильно, как и все японское.

— Баронет, вы притащили меня в японский ресторан? Это и есть ваша «специальная операция»?!

— Совершенно верно. Не ори. Не дергайся. Улыбайся — приветливо, но не слишком сильно, иначе обслуга почувствует в тебе просто зарвавшегося плебея.

— Да?

— Да. — Баронет кивком головы отвечает на приветствие метрдотеля, уверенно ведет Авдея мимо ширм к небольшому уютному уголку, где стоит уже сервированный по-европейски столик. Столик на троих.

— С нами будет кто-то еще, — догадывается Авдей и понимает, что не зря тесть наколдовал ему смокинг. Хотя Авдей терпеть не может смокинги, предпочитает строгие деловые костюмы, но с тестем не поспоришь. Тесть, кстати, тоже вырядился ослепительно, словно собрался на встречу со всем королевским домом Англии... Только Англия здесь ни при чем, тесть заметно нервничает, поглядывает на часы, велит официанту сменить икебану на столике и подать карту лучших вин... Видимо, ожидается какая-то весьма важная персона...

Покуда тесть нервничал, Авдей решил осмотреться. Он нечасто выбирался в японские рестораны, а о «Палом листе» услышал впервые в жизни. Здесь было просто и элегантно. Перегородки-сёдзи, окрашенные в палевые тона, создавали впечатление прозрачного осеннего сада. Возле токонома, специальной ниши с букетом хризантем, сидели две одетые в кимоно девушки: одна тихо перебирала струны инструмента, отдаленно напоминающего гусли, а другая напевала что-то тонким нежным голоском. Авдей заслушался и не заметил, как Баронет куда-то отлучился. Писателя снова начала одолевать легкая сонливость, преследовавшая его все эти дни. А тут еще это тихое пение, тепло, наполненное ароматом трав... Хотелось закрыть

глаза и ни о чем не думать, плыть себе и плыть по волнам опавших листьев хаги...

— ... Позвольте вам представить: это и есть мой зять, Авдей Белинский, тот самый *Господин Сочинитель*.

Авдея словно прошло током. Он вскочил, открыв глаза, и увидел, что Баронет стоит возле столика, изящно поддерживая руку женщины... Женщины, от облика которой мир Авдея перевернулся на мгновение, но тут же занял подобающее место. Авдей поклонился, боясь дышать (вдруг от его грубого дыхания это дивное видение исчезнет?). Но женщина не исчезла, она стояла и нежно-вопросительно переводила взгляд с Авдея на Баронета. Тот откашлялся:

— Авдей, я имею честь представить тебе госпожу Инари Такобо, более известную тебе под именем *Фрейлины Кодзайсё*.

Женщина улыбнулась, и эта улыбка разрешала Авдею дышать и вообще существовать его грубой материальности рядом с ее эфемерностью. Они сели за столик, Баронет взял на себя труд заказывать ужин и вина, а онемевший от переполнявшего его восторга Авдей мог только смотреть на безупречный овал дивного лица. Это лицо пробудило в нем странные, казалось, забытые чувства...

* * *

Стал он хватать мертвецов...

Асаи Реи

... Это лицо пробудило в нем странные, казалось, забытые чувства. Были в выражении этого простого женского лица такие участие, сострадание и забота, что полковнику Кирпичному впервые с тех пор, как умер в детстве его любимый волнистый попугайчик Аркашка, захотелось плакать. Полковник почувствовал, как по щекам его текут теплые слезы, скапливаясь на щетинистом мужественном подбородке.

— Ну не надо, не надо так, товарищ полковник, не плачьте, — жалостливо сказала лицо, в котором постепенно приходящий в себя полковник Дрон Кирпичный признал старшую медсестру Нюту, женщину несложных нравственных устоев. — Это ж был всего только обморок!

— Обморок?! — ахнул полковник, мгновенно припоминая то страшное событие, когда он собственными глазами увидел, как, начиная от сапог, тело его становилось натурально каменным. От пережитого ужаса полковник вновь закатил было глаза, но заботливая Нюта милосердно сунула ему под нос вату, обильно смоченную нашатырем.

— А-аргх-чхи, грр-кхм-кхм, убери эту гадость, а-а-пшш-х! — среагировал на жест милосердия Дрон Петрович, минут пять прокашливался и отплевывался, что окончательно возвратило его к действительности. — Ф-фу! Ну и зараза!

Полковник приподнялся и сел на больничном клеенчатом топчане, теребя несвежий воротничок френча. Его очнувшийся организм незамедлительно требовал воздуха и водки.

— Форточку открой, дышать нечем! — приказал он Нюте, а когда она вскарабкалась на стоящий у окна табурет, чтоб выполнить приказ, полковник посмотрел на Нютин обтянутый куцым халатиком зад, покачал головой, икнул и добавил: — Спирту мне принеси.

— А спирту вам давать не велено, товарищ начохраны, — слезая с табуретки, сказала Нюта и кокетливо обдернула халатик.

— Ишь ты! — возмутился полковник и внимательно поглядел на крепкую грудь медсестрички, что, безусловно, свидетельствовало о его полном возвращении к жизни. — Может, мне и еще кой-чего давать не велено? — хрипловато спросил он Нюту, вставая и притискивая ее к своей вполне ожившей плоти. — А?

Но тут до него дошел *весь* смысл сказанной Нютой фразы.

— Это кем же мне не велено спирту-то давать?! — прорычал он.

Нюта, сомлевшая уже было в крепких мужских объятиях, испуганно отстранилась и пожала плечами:

— Кем-кем... Ия Карловна нынче утром распорядились. Потому как у вас этот, абстинентный синдром.

Полковника шатнуло, ибо перед внутренним его взором очень четко предстал недавно виденный образ главной докторши, лежащей у кресла в луже крови и с головой, изгрызенной крысами.

— Да ты что-о?! — придушенным голосом заорал он на мигом побледневшую Нюту. — Да ведь Ия Карловна мертва-а!

— Господь с вами, товарищ полковник, — сказала медсестра, медленно отступая от начальника охраны. — Ничего подобного и нету. Ия Карловна живы-здоровы и вовсе помирать не собираются. А вот то, что с вами вчера вечером беда приключилась, это совершенный факт.

— Какая беда? — помертвелыми губами спросил Дрон Петрович Кирпичный.

— *Delirium alcoholicum*. Что в переводе на русский язык означает «белая горячка», — вместо медсестры холодным тоном ответила на вопрос полковника Кирпичного вошедшая в комнату Ия Карловна.

Полковник смотрел на докторшу во все глаза. Где ужасающие раны и обглоданный череп, где остекленелые глаза трупа и окоченевшие руки?! Их нет, их нет... Ия Карловна выглядела как обычно: подтянутая, аккуратная, собранная. Правда, ее интеллигентное лицо слегка портило выражение брезгливости, относящееся, видно, к неопрятному и пахнущему недельным перегаром полковнику. Может, оттого, что неприятно ей видеть начальника в столь неприглядном состоянии, и прищуривала глаза Ия Карловна, пряча их странную нечеловеческую черноту.

— Кроме того, товарищ полковник, в связи с вашим неправильным образом жизни я подозреваю у вас также так называемый *delirium tremens*, то есть стандартный алкогольный психоз. Нюта, ступайте в процедурную, прокипятите инструменты.

— Какие инструменты? — растерянно пискнула Нюта.

— Ну, какие-нибудь там... — раздраженно затрясла рукой Ия Карловна. — Что найдете, то и кипятите. Да убирайтесь вы, наконец! Мне нужно осмотреть больного.

И Ия Карловна принялась за осмотр, то есть ходила вокруг стоявшего наподобие Вандомской

колонны, боявшегося даже дышать полковника Кирпичного и изрекала речи, повергавшие последнего в трепет:

— Ваше постоянное злоупотребление спиртным, причем в критических дозах, привело ваш организм, товарищ полковник, в состояние высокой алкогольной интоксикации. И немудрено, — тут воскресшая докторша возвысила голос, как профессор на лекции, — что ваша и без того лабильная психика потерпела сокрушительный удар. Все признаки delirium tremens налицо: галлюцинации, причем весьма сильные, расстройство сознания и нарушение правильной моторики...

— Чего нарушение? — тихо сатанея, спросил полковник Кирпичный.

— Двигательных рефлексов, — отмахнувшись от назойливости Дрона Петровича, пояснила врачиха. — Несомненно, что на данной стадии белой горячки необходим курс интенсивной терапии, включающий капельницу, затем экстренную очистку микрофлоры кишечника, далее неплохо бы использовать душ Шарко, м-м, прием фитотерапевтических препаратов и, наконец, психокодирование. Да-да, и не надо смотреть на меня такими глазами, товарищ полковник Вам еще предстоит сдать анализы!

— Да что вы мне горбатого лепите! Дурь порете! Чуть все это несусветная! — заорал-зашипел полковник Кирпичный, брызгая слюной.

— Что вы шипите на меня, как опустевшая клизма?! — в свою очередь возвысила голос врачиха. — Попрошу мне не указывать на мою некомпетентность! Мой долг — спасти вас от пагубного порока. Чего бы мне это ни стоило.

Врачиха подошла к настенному шкафику, за матовым стеклом которого угадывались упаковки с одноразовыми шприцами и коробки ампул. Ия Карловна быстро выбрала подходящую ампулу, легко, голыми пальчиками отломала стеклянную головку и принялась набирать содержимое ампулы в шприц, изредка при этом бросая быстрые непонятные взгляды на замершего в каком-то оцепении начальника охраны колонии.

— Что это? Зачем это? — слабо засопровтивлялся Кирпичный, когда Ия Карловна со шприцем наизготовку двинулась к нему.

— Спокойнее, Дрон Петрович! Это успокоительное, для снятия абстиненции и тремора. Вы же сами видите, у вас тремор, руки дрожат и... все остальное.

— Не надо меня лечить! — заорал полковник и кинулся в противоположную сторону комнатки. — Нет у меня никакого... делириума! Это все вы, вы сами мертвая! Вас вчера вечером крысы загрызли! И еще девятерых человек! Насмерть!

— Вот видите, — снисходительно усмехнулась Ия Карловна и неотступно стала кружить по комнате за полковником, не выпуская шприца из рук. — Вас просто преследуют галлюцинации. Как я могла бы быть вчера мертвой, по вашим словам, если сейчас я живая и вполне настоящая женщина...

Ия Карловна отложила в сторонку шприц и как-то очень чувственно усмехнулась. А ошалевший от всего происходящего полковник вдруг увидел, что у врачихи чрезвычайно соблазнительные губы и грудь под халатом дышит как-то очень возбуждающе. Ия Карловна притиснула полковника к столу и вдруг впилась поцелуем в его не ожидавший такого поворота событий рот, одновременно расстегивая шаловливой ручкой полковничьи штаны. Кирпичный застонал и открыл обезумевшие глаза. Непонятно, каким образом, но врачиха уже была

полностью нагая, и темные вздувшиеся соски ее груди нацелились на Дрона Петровича как пистолетные дула.

— Ия Карловна, да что же это?! — жалобно как-то простонал полковник, понимая, что лежит на столе, а врачаха уже оседлала его и понеслась в бешеной похотливой скачке, запрокинув голову с оскаленным и визжащим алым ртом...

И разом все кончилось. Обессиленный полковник даже не почувствовал, как Ия Карловна вколола ему шприц под самое сердце. По телу Кирпичного разлилась бездумная истома, он, наверное, на несколько минут задремал и очнулся оттого, что врачаха ощутимо трясла его за плечо:

— Дрон Петрович, очнитесь! Как вы, однако, плохо переносите азалеπτин.

— Что? — открыл глаза полковник и помотал головой, приходя в себя и оглядывая собственное тело. Тело было одетым, и беспорядка, свидетельствующего о недавнем чудовищном распутстве, вовсе не наблюдалось. Кирпичный глянул на Ию Карловну.

Та выглядела совершенно безукоризненно и официально, и халат ее был застегнут на все пуговицы. «Черт-те что, — подумал Кирпичный. — Было это или не было?»

— Вы находитесь во власти галлюцинаций, — ласково-убедительным тоном сказала ему Ия Карловна. — Галлюцинации же есть порождение ваших подсознательных желаний, фобий, комплексов... И все это — из-за неумеренного потребления алкоголя. Ну да ничего. Я вас вылечу. Лишь бы на это было ваше желание.

— А как же мертвецы? Загрызенные крысами?

— Ох, как трудно с вами, Дрон Петрович! Нет никаких мертвецов, все это ваши галлюцинации. Понятно?!

— Понятно. А... то, что мы сейчас с вами...

— Что?

— Ну, это...

— Не понимаю. О чем вы?!

— Ну как, вы и я, на столе... Это...

— Да вы что, смеетесь?

— Нет, — зло сказал полковник Кирпичный. — Опять, видать, галлюцинирую. Ладно. Спасибо вам, доктор, за лечение, а только надо мне приступить к моим прямым обязанностям.

— Как?! А терапия? Душ Шарко?!

— Подождет душ, куда не денется.

С этими словами полковник Кирпичный решительно вышел из больничного блока, ощущая на душе гадкую пустоту. Будто кто-то обманул его, как лоха непутевого, а он этого даже не заметил...

И вдруг полковника осенило.

— Стой! — сказал он сам себе. — Мертвецов нет, значит, вчерашних? А кого ж тогда я нафотографировал и карточки запрятал в сейф?! Вот оно, хе-хе, доказательство! Врешь, врачаха, хоть и трахаешься ты хорошо! Нету у меня галлюцинаций!

И полковник Кирпичный рысью побежал к себе в кабинет, чтобы подтвердить эти свои торжествующие мысли. И осеннее солнце, переваливая за полдень, подбадривающе посветило ему в спину, дескать, давай, дерзай, мужик, борись за правду, и никаких гвоздей!

Нетерпеливыми руками отпер полковник дверь своего кабинета и быстро захлопнул ее за собой, словно боясь, что непонятный врачихин delirium tremens, вроде хищного зверя из видеофильмов ужасов, настигнет его и вцепится в спину.

Тут только и перевел дух Дрон Петрович, оглядывая стены родного кабинета. Все тут было близкое и знакомое, до последнего плевка в плевательнице и мухи, случайно прибитой на старой побелке стены. И сейф тоже был успокоительно заперт и опечатан при помощи кусочка неровной, пожелтевшей от клея бумажки. Ключи от сейфа предусмотрительный полковник, не знающий иногда, где застанет его пьянка, всегда прятал в тайном месте — на гвоздике за портретом товарища Дзержинского, как бы доверяя железному чекисту свои самые секретные материалы.

Железный Феликс и на сей раз не подвел — ключики были на месте.

— Сейчас, сейчас, — торопливо звякнул замком Кирпичный, отпирая сейф. — Посмотрим, у кого галлюцинации и тремсы! Фото — это документ! А документ врать не может!

И с этим твердым убеждением полковник вытащил на свет божий плотную пачечку полароидных карточек. Тех самых, на которые потрудился отснять загрызенные крысами трупы.

Посмотрел на карточки...

...и сел в кресло, нехорошо посерев лицом.

Но ведь фотографии — это документ, не так ли?

Трясущимися руками перебирал полковник глянцевые картоночки и беззвучно матерился. Потому что изображены на фото были вовсе не покойники, нет! Каждая карточка беспристрастно фиксировала голого полковника Кирпичного в компании то одной, то другой, а то и нескольких сразу нагих же и бесстыже нахальных девиц. Ни одной «Энциклопедии экзотического секса» не снилось то, что вытворяли с полковником на фотографиях девицы, да и сам полковник, выпучив глаза, не мог поверить, что вообще способен на такую сексуальную изощренность! Но окончательно сломила дух полковника карточка, где он стоял в чем мать родила, а примостившаяся рядышком грудастая девица с кокетливой усмешечкой натягивала на срамное место Дрона Петровича носочек в сине-красную полоску...

— Сволочи! — всхлипнув, принялся рвать в клочья паскудные фотки полковник. — Где трупы?! Трупы где?! Неужто и впрямь у меня белая горячка!!!

Он швырнул клочки осрамивших его фотокарточек в большую плевательницу и поджег их зажигалкой. Скрученные бумажки как-то быстро и радостно вспыхнули, и вдруг пламя выметнулось из плевательницы аж до потолка, заставив полковника Кирпичного отшатнуться.

Дрон Петрович, показалось ему, ослеп на мгновение. Когда же слезящиеся его глаза вновь обрели способность видеть, полковник с ужасом кинулся к дверям: в его кабинете бушевал самый настоящий пожар! Но даже не пламя так напугало несгибаемого полковника. В пламени этом с каким-то торжествующим визгом носились крысы, но не обычные, а цветом напоминавшие раскаленные угли, с глазами, горящими, словно огоньки электросварки.

Полковник бросился бежать, чувствуя, что собственное сумасшествие заботливо дышит ему в затылок.

«Галлюцинации. Это все только галлюцинации».

Он выбежал на плац, жадно вдыхая острый воздух осенних заморозков. Но в воздухе не было свежести, трезвящей болезную голову. Воздух пах гарью и мертвечиной. Смертью пах воздух, такое вот сравнение пришло в голову полковника, хотя, конечно, сроду он не читал стихов Бориса Пастернака, да и вообще никаких стихов, кроме частушек, не признавал.

Дрон Петрович глянул на полыхавшие вовсю окна своего бывшего кабинета. Пламя уже охватило весь охранный блок, и полковник как-то вяло подумал о том, почему не сработала пожарная сигнализация, где же охрана, черт их дери, где персонал.

... Потом он увидел и охрану, и персонал. Вообще, всех, кто кроме него, еще носил человеческий облик.

Гигантские крысы, в странной блестящей одежде, похожие на самураев из фильмов про Японию, сгоняли всех — и персонал и заключенных — на огромную площадку за колонией и, гортанно выкрикивая что-то, заставляли строиться в ряды. Темнело, клубы жирного черного дыма низко стелились над землей. Неожиданно возле плеча полковника материализовалась Ия Карловна.

— Ах вот вы где, — равнодушным голосом сказала она. — Все еще живы? Странно. Впрочем, это ее приказ...

— Чей?

— Не то вы давно были бы уже в наших рядах, — не слушая полковника, так же безучастно сказала Ия Карловна. — Видимо, вы недостойны перерождения в Новой Силе. Что ж, смерть от нее тоже надо заслужить.

— Да о ком вы говорите?!

Ия Карловна исчезла так же внезапно, как и появилась. А полковник вдруг среди рассеявшегося дыма увидел идущее прямо к нему шествие.

Женщины в золотых платьях, те самые, что превратили его в статую в комнате для медитаций, теперь с торжествующим видом приближались к полковнику. А впереди шла та самая старуха, хотя старухой ее невозможно было назвать, ибо лицо ее постоянно менялось, как рябь на воде. Только глаза, как два зеленых светофора, пронизывали полковника насквозь.

Она остановилась напротив него и, указывая рукой на творимый кругом беспредел, спросила:

— Ты думаешь, что это твои пьяные бредни, раб?

— Думаю. И никакой я не раб.

— Напрасно. Все, что сейчас творится, — не обман зрения. И свершено это по высшей воле той, кто названа Великой Черной Госпожой.

— Ведьма, — прошептал полковник.

— Я? О нет, я лишь недостойная плоть, носящая до поры до времени ее образ. Сама же Великая Черная уже далеко. Помнишь, была тревога? Разбитое окно, исчезнувший труп загрызенной крысами женщины?.. Тогда великая Мумё, истинная Черная, ушла в мир, чтобы вершить порученное ей дело. А я приняла ее облик. Я — тот самый труп. И посмотри, — вновь изящный жест рукой, — все вокруг тебя уже мертвы для обычной человеческой жизни. Мы лишь носим маски и тела людей.

— Обратни...

— Да. Все, кроме тебя. Ты нам нужен человеком. Пока нужен. И вот твое первое поручение: ты найдешь в Москве одного человека. Ты должен будешь его захватить в плен и обеспечить нам возможность попасть в то место, где этот человек обладает властью. Вот его имя.

Женщина взяла безвольную руку полковника и вложила в его ладонь золотой диск.

— А теперь уходи. Ты не нужен нам здесь. Здесь теперь наш мир! Прочь! Прочь!

...Очнулся полковник на полу грязного тамбура поезда дальнего следования. Полковник выглядел как бомж: весь в лохмотьях, страшный, заросший, с воспаленными безумными глазами. Говорить он не мог, только бормотал что-то невразумительное, и проводницы, сжалившись над бедолагой, слегка помыли его, пристроили в подсобке, дали поесть...

— Мне надо в Москву, — только и сумел выдавить из себя Кирпичный, вновь надолго теряя сознание. Но даже в бессознательном состоянии он не разжимал ладони с впаявшимся в кожу золотым диском. На диске было написано странное имя: «Синдзен».

* * *

Я ранен светлой стрелой,

Меня не излечат...

Б. Гребенщиков

— Странное имя — Синдзен, — сказал Авдей для того, чтобы не затягивать паузу и не показаться смешным. Он чувствовал, что теряется, заливаается краской, как тринадцатилетний влюбленный подросток. А сейчас поздно было превращаться в подростка, следовало поддерживать беседу и никоим образом не демонстрировать окружающим, что он, писатель Авдей Белинский, счастливый семьянин, отец двоих детей, попросту ошеломлен. Очарован. Ранен в самое сердце.

— Обычное имя, — просто улыбнулась виновница сердечной раны. — Правда, в близких кругах господина Синдзена иногда зовут Таномэ, что означает «доверие». Синдзен-сан замечательный человек, и, поверьте, многое, сделанное им за годы существования корпорации «Новый путь», оттянуло гибель мира на некоторое время...

— Даже так?! — саркастически сверкнул змеиным глазом Баронет. Его, как официально

уполномоченного Матерями ведьмами представителя по спасению мира от периодических концов света, слегка задело то, что оказалось, он не один такой, неведомый герой, страж покоя беспечного человечества. — Впрочем, что это мы все про Синдзена-сан? Рекомендую попробовать это вино. Оно весьма недурственно, урожая пятьдесят шестого года...

Они подняли бокалы.

— За ваше здоровье, Инари-сан! — провозгласил Баронет и, искоса глянув на зятя, пробормотал: — И за возвращение хотя бы остатка мозгов в голову этого влюбленного болвана!

Госпожа Такобо пригубила вино, мило при этом разругавшись. Авдей не мог отвести от нее глаз. Как ни пытался. Его *Фрейлина Кодзайсё* стала реальностью, пришла к нему из полузабытых сновидений, воплотилась из оставленных памятью грез, и он чувствовал, что душа его плачет и смеется одновременно. Любовная шизофрения, одним словом. Полный анамнез!

Инари-сан, не подозревая, какую бурю чувств подняла в душе падкого на все новое и необыкновенное писателя-фантаста, вежливо кушала жареные бобовые пенки с листьями молодого бамбука и ухитрялась при этом поддерживать серьезный разговор с Баронетом. Авдей в разговор особо не вслушивался (если не считать того момента, когда он отметил странность имени господина Синдзена), он был занят куда более важным делом — любовался прекрасной японкой, при этом лихорадочно вспоминая читанного когда-то Басе, чтоб вернуть цитату к слову и сразить даму интеллектом.

Хотя при одном взгляде на Инари Такобо становилось ясно, что одним Басе тут не отделаешься. Двадцатидвухлетняя Инари-сан выглядела как ожерелье из сортового жемчуга, интимно лежащее в темной глубине кипарисового ларца. Овал ее лица был безупречен и в то же время как-то пленительно мягок; высокие дуги бровей на светлом лбу, узкие темные глаза, аккуратно очерченный неярким контурным карандашом рот (одновременно такой чувственный и целомудренный!) напоминали о старинных портретах японских придворных дам. Однако одета Инари-сан была вполне по-европейски: приталенное, с длинными рукавами и глухим воротом платье из темно-синего бархата было явно сшито в дорогом парижском ателье. Платье оживлял воротник, кружево которого было выплетено из мельчайших жемчужин. Впрочем, волосы Инари-сан уложила в традиционную высокую прическу, приличную для взрослых, но незамужних японок. Косметики на лице почти не было, да и зачем косметика, если это лицо было безупречно... Изящество во всем, изящество, возведенное в культ и абсолютную степень, — это Инари Такобо.

«Боже ты мой! — отчаянно думал Авдей, и кусочек тигровой кровати не шел ему в горло. — Это не просто женщина. Это... Это воплощенная мечта о женщине, как о чем-то неземном и одновременно находящемся рядом с тобой. Такую женщину вождеть преступно, но и не вождеть — еще большее преступление!... О, как она удивительна! Она может свести с ума простым жестом, вроде того, как промакивает губы салфеткой... — Тут в Авдее проснулся потенциальный, дремавший доселе живописец: — Если взять на тончайшую кисть крошечную каплю серебряной краски и легким взмахом провести по матовому стеклу почти незримую линию — в этой линии будет совершенство и законченность Инари...»

И тут Авдей совершенно неприлично громко, с натугой закашлялся, позволив всем влюбленным мыслям на время вылететь из головы. Баронет вскочил и принялся весьма ощутимо колотить известного писателя по спине, как бы помогая преодолеть досадный кашель и одновременно делая какие-то чересчур двусмысленные пояснения для Инари:

— Мой зять, видимо, проглотил слишком большой кусок. Он не заботится о своем здоровье. Он не думает о том, что у него есть жена и дети, которые любят его и не перенесут его потери... Что, Авдей, дорогой? Тебе уже полегчало? Я рад... — с этими словами тесть приобнял багрового от кашля и стыда Авдея и прошипел ему прямо в ухо: — Я с тобой еще дома поговорю, зятек!

После случившегося конфуза Баронет как ни в чем не бывало уселся на свое место и принялся поглощать суши. При этом он обменялся с госпожой Такобо странными взглядами. После чего госпожа Такобо внезапно сказала:

— Вы правы, Баронет-сан. У господина Аудэу (я прошу прощения за неточность произношения его имени) действительно есть жена и дети. Что может быть священнее домашнего очага? Горе тому, кто попытается погасить его светлое пламя... Поэтому я чувствую себя виноватой за то, что не сообщила сразу, где и с кем находится супруга Господина Сочинителя, достойная Виктория-сан. Я немедленно исправлю свою оплошность и расскажу вам все.

— Мы преисполнены внимания, — склонил голову в знак согласия Баронет. — Авдей, ты, надеюсь, преисполнен?

— Безусловно.

— Я уже говорила вам, что нахожусь сейчас в Москве в качестве референта господина Синдзена, официально приглашенного в Россию для заключения ряда важных договоров, выгодных как России, так и Японии. Господин Синдзен — прекрасный человек и благородный политик, но он только человек и только политик, и он, разумеется, не знает, что его референт... потомственный дракон.

— Вы — потомственный дракон? Какого клана? — быстро спросил Баронет, а Авдей захлопал глазами. Он только сейчас вспомнил строчку «Фрейлины» из компьютерной переписки: «Я дракон, но я и смертный человек». Очарование человеческого облика Инари просто лишило его памяти. А, как оказалось, напрасно.

— Наш клан Тодороки весьма древний. Мы носим гербы с изображением гремящего водопада, ибо все драконы клана Тодороки издревле селились подле водопадов, затерянных в безлюдных скалах, — ответила на вопрос Баронета Инари-сан, и тот удовлетворенно кивнул, словно сверяясь с какими-то своими внутренними сведениями о клановости японских драконов.

— Если вам что-либо известно об истинной природе людей-драконов, вы знаете, что им присуще постоянное желание общаться с себе подобными, дабы не чувствовать своего одиночества, которое особенно опасно во время полетов... Тем более это важно для драконов нашего клана, поскольку мы издревле воспитывались как существа, высшей честью которых является служение на благо общества, принесение пользы нуждающимся, а также помощь подобным нам... Оказавшись в России, временно разлученная со своими драконами-соплеменниками, я испытывала приступы жестокой тоски, непонятной для господина Синдзена. Впрочем, я старалась не показывать ему ни слез, ни грустного лица. Тем более что у референта так много ответственных дел! И тут мне улыбнулся Дайкоку...

— Кто? — невежливо проявил свою необразованность Авдей.

— Дайкоку — японский бог счастья и удачи, изображается улыбающимся старцем, вроде Деда Мороза, — скороговоркой пояснил Авдею Баронет и кивнул Инари: — Продолжайте, пожалуйста, госпожа.

— Однажды на встречу с господином Синдзеном пришел русский бизнесмен, владелец нескольких фирм, связанных экспортными отношениями с частью компаний «Нового пути». Его зовут... нет, я лучше напишу имя на бумаге, потому что у меня появляется сильный акцент, когда я произношу имена... — и Инари черкнула карандашом по салфетке.

— Сергей Павлов? — прочел Баронет. — Никогда не слышал о таком бизнесмене. Впрочем, их сейчас много, и они стараются себя не афишировать... И чем же этот Сергей Павлов стал для вас интересен?

Цвет глаз госпожи Инари неуловимо изменился: теперь они отливали бронзой, словно у змеи. Или дракона. Она тихо вздохнула:

— Наверное, мне будет непросто это объяснить... Как поэт чувствует, что перед ним оказался другой поэт, хотя ни тот, ни другой еще не прочитали ни одной строчки своих стихов?

— Есть такая простая русская поговорка: рыбака рыбака видит издалека. — Баронет пришел на помощь очаровательной собеседнице.

Та кивнула:

— Именно так. Я, как сегодня, помню тот день... Сергэу-сан передавал мне пакет документов для того, чтобы их изучил мой шеф, и я случайно увидела над пальцами этого мужчины туманное, расплывчатое свечение в форме золотого четырехлистника — всеобщего знака драконов, отличающего их от простых смертных людей. Это как вторая аура... Этот четырехлистник есть и у меня, — Инари подняла свою узкую ладонь над столиком, — но те, кто не имеет в себе сознания дракона, увидеть ее не могут.

— А маги? — спросил маг.

— Сильные маги, конечно, видят все и могут даже управлять нами, но недолго, потому что сознание дракона весьма свободолюбиво и не терпит постороннего вмешательства.

Авдей с некоторой иронией понаблюдал за тем, как его тесть, щурясь, пытается углядеть свечение над ладонью Инари, из чего сделал вывод, что Баронет еще далек от магического всемогущества.

— Так вот, — продолжала Инари, — Сергэу-сан тоже увидел во мне дракона и весьма обрадовался этому. Моей же радости было не описать словами: оказывается, в Москве существует множество драконов! И значит, я могу общаться и летать с себе подобными, не страшась одиночества в полете. Сергэу-сан сообщил мне, что, хотя у российских драконов и нет таких семейных кланов, как в Японии, тем не менее в столице существует целая организация драконов, с присущей психологии этих существ иерархичностью и поставленными задачами. Это тем более интересно, что у вас в России все люди стараются объединяться в какие-нибудь партии, движения, сообщества, следовать каким-либо планам или идеям...

— Да, это у нас основная национальная черта, — ввернул Авдей.

— И когда Сергэу-сан познакомил меня с председателем Московской Управы драконов...

— Как-как? — невежливо перебил японку Баронет. — Московская Управа драконов?! Это что же, сокращенно МУДРАК получается!

И он захохотал, да так, что тихие гейши у токонома тревожно заоглядывались. Вслед за тестем

рассмеялся и Авдей, хотя ему совестно было глядеть на растерянно-огорченное личико Инари, не понимающей, над чем, собственно, смеются ее собеседники.

— Простите нас за этот смех, Инари-сан, — отсмеявшись, повинулся Баронет. — Еще одна наша национальная черта — сокращать название любой организации до аббревиатуры. В случае МУДРАКа (или МУДРАКов?) получилось забавно... Однако вернемся к серьезному разговору. Надеюсь, что у этой организации, несмотря на ее... архизабавное название, задачи и цели действительно важные.

— Насколько я информирована, — сказала потомственный дракон Инари Такобо, — прежде всего задачей Управы является выявление популяции российских драконов, их ареала обитания, степени ассимиляции к окружающей среде. Управа занимается сбором и обработкой данных о существующих на сегодняшний день популяциях драконов, их миграциях, размножении, мутабельности и, наконец, репродуктивных возможностях.

— Ах, вот почему наш русский дракон так вам обрадовался! — воскликнул Баронет, уязвляя своим чересчур игривым тоном зятя в самое сердце. — Видимо, благодаря знакомству с вами он надеялся не только укрепить российско-японские отношения, но и, как бы это сказать... увеличить поголовье драконов...

— Калистрат Иосифович, *я попросил бы вас...*

— После, после попросишь, Авдюша. Сегодня я благотворительностью не занимаюсь, — выдал очередную язвительную фразу Баронет и тут же снова стал сосредоточен и серьезен. — Однако я хочу понять, какое отношение к этим МУДРАКам имеет моя приемная дочь, то есть природная ведьма Викка. Какое положение она занимает в этой организации?

— Главенствующее, — просто сказала госпожа Инари.

— Простите?..

— Знаете, — госпожа Инари вдруг поднялась из-за столика. — Вам сейчас лучше всего поехать со мной. Вы все увидите... на месте. Тем более что вы, господин Аудэу, стремились увидеться со своей женой как можно скорее.

... Через несколько минут от ресторана «Палый лист» отъехал темный лимузин и растворился в серых осенних сумерках. А еще через пару минут, приюхиваясь к следу лимузина, с ресторанного порожка спрыгнула серая крыса и, поблескивая алыми глазками, засемила туда, куда направлялись не подозревавшие о слежке человек, дракон и маг.

Глаза твои — почти хрусталь,

Холодный лед,

А я всего лишь календарь

Чужих забот

Чужих страстей, чужих забав,

Разлук чужих.

Скажи, когда я не был прав

С тобой, скажи?

От первых дней до судной мглы

Я счет веду.

Садятся гости за столы -

Встречай беду!

Садятся гости дальних стран

За общий стол,

А я не принят и не зван,

Но я пришел!

И снова всех объемлет страх,

Поскольку срок

Того, что в душах и устах,

Давно истек.

Но ты, со взглядом из стекла

Поверх стола,

Как ты могла, когда лгала,

Как ты могла?!

Сумей узнать, а нет — ударь,

Не убегу.

Ведь я всего лишь календарь

И тоже лгу.

— Ваши стихи совершенно не похожи на те, которыми заполнены японские хрестоматии, — вежливо говорит Инари Авдею, едва он закончил читать. Ему непонятно — это похвала или наоборот? Но уточнить он не решается, тем более что сидящий за рулем тесть принимается кашлять и жаловаться на остеохондроз, радикулит и внезапно разыгравшуюся подагрическую аденому, что для всех, знающих характер принципиально не умеющего болеть Баронета, является тревожным симптомом ухудшившегося настроения высокочтимого мага. Но при чем здесь Авдей, в конце концов? Инари сама попросила его почитать стихи, чтобы скоротать дорогу...

А дорога эта, повинувшись указаниям госпожи Инари Такобо, вывела баронетовский лимузин из цивилизованного, сверкающего рекламными огнями столичного центра сначала в полосу спящих под первым снегом дачных поселков, а потом и совсем в лесную глушь. Свет от фар

бестолково метался, выхватывая из таинственной черноты то кустарник с остатками скрученной, покореженной заморозками листвы, то стволы деревьев. Машину ощутимо потряхивало: дорога здесь явно была ненаезженной, если все эти рытвины и ухабы можно вообще было назвать дорогой.

— Да, воистину, в России две основные беды, — ворчал Баронет, заставляя свой лимузин выкарабкиваться с натужным ревом из очередной колдобины. — Дороги — это первая беда...

— А вторая? — с заднего сиденья спросила далекая от российской ментальности наивная Инари-сан, ойкнув при этом — ее коленки стукнулись о колени рядом сидящего Авдея, отчего тот внутренне застонал.

— А вторая российская беда... — начал было Баронет и осекся, потому что еле тащившийся лимузин вдруг взревел, как танк, и с ненормальной скоростью выкатился из леса на обширное сумеречное пространство, которое очень хотелось назвать полигоном.

— Мы приехали, — объявила Инари-сан. — Здесь находится центральный офис Московской Управы драконов.

И, не дожидаясь мужчин, первой выбралась из лимузина.

— Где здесь офис?! — поеживаясь от северного ветра, спросил Авдей, неловко топтавшийся возле машины. Он уже и не рад был свалившимся на голову приключениям, вспоминал, что дочери остались, по сути, одни с бабушкой, а это чревато *непредсказуемыми последствиями*. И тот морок, которого оставил Баронет на кухне вместо Авдея, — надолго ли его хватит? Писателю казалось, что прошла целая вечность с того момента, как они с тестем покинули квартиру. Баронет же, не подозревая о тягостных раздумьях Авдея, обменивался с Инари несколькими быстрыми фразами на японском и, разумеется, вопроса зятя не услышал.

Авдей огляделся. Не считая их машины и чернеющего вдаль леса, на поле не было ничего, кроме взвихренного снега, перемешанного с палой листвой. Сплошной уют и отсутствие моральной поддержки. И холодно, черт побери, в одном-то наколдованном смокинге! Дубленку или хоть пальтецо завалившее тестя наколдовать не удосужился, совсем ни во что Авдея не ставит...

Тут поднялся совсем уж inferнальный какой-то ветер, столбом взметая в темное небо снеговую пыль. Авдей зажмурился, хотел было подойти к Инари — обнять, защитить от ужасного ветра, но, когда он через мгновение смог открыть глаза, Инари и Баронета рядом не было. Они находились метрах в десяти от лимузина, стоя возле неизвестно откуда взявшегося белоснежного двухэтажного здания офисного типа.

— Господин Аудэу! — махнула писателю рукой Инари-сан. — Скорее идите сюда, иначе вы простудитесь.

Авдей не заставил себя ждать, и вскоре все трое входили под облицованные мрамором своды центрального офиса Московской Управы драконов. Вестибюль был пуст, и его тишину нарушал только звук шагов неожиданных гостей да журчание воды в окаймленном цветущими примулами небольшом фонтанчике.

— Нам навстречу, — указала Инари-сан на крытую бордовым ковром лестницу, позолоченные перила которой украшали канделябры в виде драконов.

— А лифт не предусмотрен? — деловито спросил Баронет, словно ему не впервой было

находиться в здании, появившемся ниоткуда.

— Лифт здесь предусмотрен только подземный, — ответила Инари. — Для персонала. Насколько мне известно. Я ведь здесь не хозяйка, а тоже только гость...

— Дорогая Инари, вы преуменьшаете свое значение для нашей организации! — раздался громкий голос откуда-то сверху.

Произнесший эти слова мужчина дожидался гостей на верху лестницы, сразу возле белых элегантных дверей, украшенных скромной, чистого золота, табличкой:

МОСКОВСКАЯ УПРАВА ДРАКОНОВ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

— Прощу вас! — мужчина широким жестом распахнул двери.

За дверями оказался зал, по красоте сравнимый разве что с приемной президента какой-нибудь сверхдержавы. Меж высоких узких окон стены были зеркальными, вдоль стен в элегантном беспорядке стояли мягкие кресла, обитые золотисто блестящей кожей. Возле кресел на тонких ножках примостились сервировочные столики с вазами, полными фруктов или каких-то экзотических, сладко пахнущих цветов. Все это изящное великолепие освещалось несколькими люстрами от Тиффани, свисавшими с потолка на тонких золотых цепочках.

— Располагайтесь, — кивнул на кресла мужчина. — Чай, кофе, коктейли? Я распоряжусь, все принесут. Да, прошу прощения за то, что сразу не представился. Сергей Павлов.

— А, очень приятно! — улыбнулся Баронет светской улыбкой, но руки не подал. — Госпожа Инари нам о вас рассказывала. А я, знаете ли...

— Знаю, знаю! — не менее широко заулыбался русский дракон-бизнесмен. — Вы тот самый знаменитый маг, уполномоченный Трибунала...

— Не надо титулов, — отмахнулся Баронет. — Просто Калистрат Иосифович Бальзамов. К вашим услугам.

— А?.. — Сергей Павлов с вопросом в золотистых глазах оборачивается и смотрит на Авдея.

— Авдей Белинский, — отрекомендовал тот и тут же получил порцию восторга:

— Как же, как же, ведь я читал ваши романы! Это потрясающе! Романтика мечей, средневековых баталий, рыцарских понятий о любви и чести...

— Вы? Читали мои романы? — осторожно спрашивает Авдей. У него как-то не укладывается в голове, что этот жизнерадостный, пышущий здоровьем и энергией джентльмен мало того, что является драконом (что само по себе круче всякой книжной фэнтези), но еще и читает книги Авдея!...

— А почему вас это удивляет? — как бы даже обижается дракон-бизнесмен. — По-вашему, мы какие-то неполноценные существа, недостойные всего светлого и возвышенного? По-вашему, нам чужда литература?! Да если хотите знать, я в детстве вообще... Крапивина читал! Ходил в юношескую спортивную секцию фехтования, строил модели парусников и стихи писал про дальние странствия и отважных моряков... Не понимаю, не понимаю, откуда этот тривиальный

негативизм в человеческом сознании, этот нивелирующий тотальный штамп: если дракон — значит, ужасный, недоразвитый и отвратительный!

— Нет, помилуйте, я вовсе так не думаю, — тихо сказал Авдей. — Как я могу так думать, если моя законная жена — дракон?

Сергей Павлов очень внимательно посмотрел на Авдея.

— Ваша супруга, — вкрадчиво как-то спросил он, — знает о существовании нашей организации?

— Безусловно. Кроме того, я полагаю, что именно ваши МУДРАКи не дают моей жене вернуться в человеческий облик.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь...

— Вы не ошибаетесь, — встрял Баронет, сверкнув змеиным своим оком. — Вика Белинская. Природная ведьма Вика. Ставшая драконом. Она его жена.

... С лицом человека-дракона Сергея Павлова что-то сделалось: вся приветливость испарилась, осталось только холодно-официальное выражение, присущее чиновникам всяких вышестоящих инстанций да еще крутым бизнесменам, пришедшим вытряхивать долг из разорившейся фирмы.

— Наследница — жена простого смертного... — почти беззвучно проговорил Павлов. — Это удар.

— Вы что-то сказали? — снова встрял Баронет, и нечеловеческий глаз его при этом засветился как изумруд.

— Нет-нет, — оказалось, дракон-бизнесмен отлично умеет скрывать свои эмоции. Вот только взгляд, которым он с головы до пят окинул Авдея, был абсолютно лишен предыдущего восхищения. Скорее, наоборот. Если бы писатель и человек Белинский был хоть чуть-чуть более внимателен, он бы заметил, что Павлов смотрит на него как соперник. Ревнивый, упрямый соперник, умело скрывший свое угрюмое настроение под маской деловитости и светскости. Павлов умело и ненавязчиво перевел разговор в другое русло, спросил у Инари, как продвигаются вопросы с подписанием договора у ее босса, позвонил по мобильнику, приказав подать в зал дайкири для дамы и двойной бурбон со льдом для джентльменов, словом, изобразил бурную деятельность.

Однако гостей эта учтивость отчего-то не вдохновила. Они не притронулись к принесенным коктейлям, Инари-сан даже как-то брезгливо передернула плечами, глядя на хайболл с дайкири, и сказала Павлову.

— Сергэу-сан, я привела сюда этих людей не для того, чтобы отдыхать. У них важные дела. Мы можем видеть господина премьерера?

— Госпожа Инари, — в голосе Павлова звучал лед. — Не считаете ли вы и ваши... приятели, что господин премьер появляется в офисе Управы исключительно в соответствии с вашими желаниями?! Поверьте, у него тоже есть дела, и весьма важного свойства.

— Сударыня, — добродушно, точь-в-точь как бог Дайкоку, улыбнулся Инари Баронет. — А нужен ли нам какой-то премьер?

— Но... Информация о деятельности Управы, целях, планах и задачах... Об этом может полностью рассказать только господин премьер, и я надеялась, что все для вас прояснится, что вы не встретите такого приема, — бледнея от гнева, проговорила прекрасная Инари и глянула на Павлова так, что другой на его месте просто бы испепелился.

— Информация? — продолжал улыбаться Баронет. — Вот уж мелочишка-то... Сергей Борисыч, — неожиданно обратился он к Павлову, — код доступа в основную базу 20 21 10 10?

Дракон-бизнесмен стал нехорош лицом.

— Как вы могли узнать?! — прошипел он.

— Делов-то! — беспечно сказал Баронет. — Для старого солдата Трибунала Семи Великих Матерей Введь сконнектиться с какой-нибудь локальной системкой и выкопать все значимые файлы — работа нехитрая. Да что вы так бледнеете, это нехорошо! Во-первых, судя по изученным мною файлам (да, да, пока вы коктейли заказывали, я тридцать два мегабайта оперативки в своей седой голове прокрутил), особо секретной и значимой информацией ваш МУДРАК не располагает. Подумаешь, численность поголовья драконов! Анкетные данные! Не дергайтесь. Мы не за тем пришли. Э-э, а вот это уж совсем лишнее!

Павлов трясущимися руками навел на Баронета длинноствольный пистолет с глушителем. Инари взвизгнула, Авдей чертыхнулся, Калистрат Иосифович зевнул.

— Между нами, драконами, говоря, — сказал он со странным пришепетыванием и облизнул стремительно зарастающие чешуей губы длинным, раздвоенным языком, — использование человеческих видов оружия представителями нашего вида является дурным тоном. *Брос-с-ьте пис-с-с-толет!*

Павлов, глядя зачарованно на преобразившегося Баронета, отшвырнул оружие.

— Разве вы тоже... наш? Но я не увидел у вас драконьего знака...

— И не увидите. — Баронет спокойно преобразился обратно и дуновением уст превратил валявшийся на полу пистолет в горстку ржавой пыли. — Но между драконами и змеями существует такое же сходство, как между львом и тигром. Так что ведите себя достойно. Особенно при даме. И вот еще что, господин Павлов. Мы пришли не за информацией и не за тем, чтобы сдать членские взносы в ваш МУДРАК. Нам нужна Викка.

И вот тут Павлов совсем побледнел:

— Но...

— Никаких «но», Сергей Борисович! Я — приемный отец этой женщины, а сей сурово насупленный гражданин — ее законный супруг. Мне известна история с Викиным превращением. Известно, что в ее сознании сейчас доминирует все, что присуще дракону. Госпожа Инари в приватной переписке с моим зятем пояснила, что Вика забыла, как была человеком. Авдей заявил, что если она увидит его — возлюбленного и мужа, то память к ней вернется и она сможет превратиться обратно. У вас нет никаких прав отказывать нам в возможности увидеться с Викой. В каком бы состоянии она ни была...

— Мужайтесь, Аудэу-сан, — тихо прошептала Инари Такобо, едва касаясь руки Авдея. Тот благодарно глянул на нее.

— Что ж, хорошо, — решил Павлов. — Но я должен сразу предупредить вас: мы не держим Наследницу в плену, наоборот! Наследница — наша единственная надежда, наш герб и флаг, если хотите!

— Почему вы называете Вику Наследницей? — спросил Авдей.

— Я все объясню. Идемте к лифту. Нам нужно опуститься вниз на восемнадцать этажей.

— Ах, вот зачем здесь подземный лифт... — бормотнул Баронет.

— Да. Глубоко под землей находится Обиталище Наследницы...

Они уже ехали в лифте. И хотя зеркальная кабинка двигалась абсолютно бесшумно, Авдея не покидало ощущение, что на его барабанные перепонки давит многотонная толща земли. «Клаустрофобия, так это, кажется, называется», — подумал он. Его, как пишут в романах, снадало волнение. Как-никак, он сейчас впервые, после почти месячной разлуки увидится с женой! Хотя, конечно, теперь у жены весьма оригинальный имидж... И кроме того (Авдей краем уха вслушивался в то, о чем вещает этот Павлов), его Вика, кажется, оказалась важной персоной и среди драконов. Нет, ну что за женщина! Мало того, что еще до замужества она ухитрилась стать сильной ведьмой и вляпаться в борьбу за переделку мира, которую вела ее тетка, уральская колдунья Анастасия Либенкнехт. Так теперь еще из рассказа дракона-бизнесмена явствует, что в Вике течет благородная, беспримесная кровь древних русских драконов, тех самых, которых былинные витязи по незнанию путали со Змеями Горынычами и безжалостно репрессировали. Оказывается, Викин прапрапрапрадед и был легендарным Горынычем (только драконом, а не змеем, не сильны были былинные сказители в точных определениях, да и откуда им быть сильными, ежели о фундаментальном труде Чарлза Дарвина «Происхождение видов» слыхом в те времена не слыхивали)...

Словом, в Вике проснулась генетическая память. Вообще-то, согласно последним исследованиям, как сказал Павлов, признаки такого мощного, как Вика, дракона в человеческом геноме объявлены рецессивными и не передающимися по женской линии. Викин случай — уникальный. Все русскоязычные члены МУДРАКа — драконы, скорее, по воспитанию, чем по рождению. Никакой чистоты расы. И вдруг появилась такая вот... чистопородная. Это же настоящее сокровище!

Авдей мысленно отметил-таки, что Павлов говорит о его жене-драконе в слишком восторженных тонах и глаза при этом заводит, как первый раз дорвавшийся до обнаженного женского тела подросток. Авдея это злило, и писатель уж не чаял, когда наконец остановится этот лифт и он увидит свою чистокровную жену. Чтобы высказать в ее драконью морду все, что он думает по поводу их ненормальной семейной жизни. Жалко, Машки с Дашкой тут нет, они бы из Вики моментально сделали человека!...

Наконец лифт остановился, бесшумно разъехались в стороны зеркальные двери, открывая взорам гостей довольно длинный коридор, освещенный и отделанный наподобие перехода между станциями в столичном метрополитене. У Авдея даже возникло ощущение, что он слышит гул подкатывающих к перронам электричек, невнятный гомон спешащей толпы, но это было только плодом его разыгравшегося воображения. Через минуту он понял, что в коридоре стоит просто ненарушаемая тишина, как в запертом на ночь кафедральном соборе (хотя Авдей никогда не бывал в кафедральном соборе, да тем более ночью).

— Идти нам недолго, не волнуйтесь, — предупредил бизнесмен-дракон, хотя никто особенно и не волновался.

«Странно, — размышлял Авдей, пока они шагали по коридору. — наших шагов не слышно. Даже несмотря на то, что у Инари туфли на высоком каблуке-шпильке и по всем законам акустики они должны цокать по каменному полу, ведь никаких ковровых покрытий здесь не предусмотрено... Наверняка все это очередные магические штучки...»

— Баронет, — внезапно решил спросить он. — А разве драконы владеют магией?

— Смотря какой, — быстро отозвался Баронет. — В основном это некоторые виды разрешенной прикладной магии. Согласно статье восьмой Законодательства Трибунала Семи Великих Матерей Ведьм, оккультные расы нечеловеческого происхождения и сферы обитания, как то: гномы, эльфы, тролли, а также драконы, — не имеют права использовать высшую магию стратегического назначения...

— Спасибо, я все понял, — Авдей постарался устранить из голоса всю иронию. Однако, когда он глянул на шагающего рядом Павлова, иронизировать ему расхотелось. Бизнесмен-дракон, слушая разглагольствования Баронета, все больше и больше мрачнел лицом, словно его напрямую касалось запрещение Трибунала использовать драконам непонятную «стратегическую магию».

— А какой магией обладает моя жена? — спросил Авдей и вдруг наткнулся на невидимую стену. Точнее, ударился об нее лбом. Поэтому, может, и не обратил внимания на тихо прозвучавший ответ тестя:

— Потенциально — *всей*.

— Мы пришли, — объявил Сергей Павлов и стукнул ладонью по пустоте перед своим лицом. Ладонь и пустота встретились, о чем свидетельствовал тихий звук, похожий на тот, который и получается, если хлопнуть одной ладонью.

... Потенциальная обладательница всех видов магии, она же ведьма Викка, она же законная жена Авдея Белинского, она же потомственный чистопородный дракон, находилась за незримой и прочной перегородкой. И в данный момент спала, завалившись на бок, прикрыв поджатые к брюху внушительные задние лапы тускло блестящим сиреневым крылом. Ее морда, по блеску напоминавшая серебряный кофейный сервиз на девяносто шесть предметов, сонно уткнулась в нагромождение картонных коробок с яркими надписями «GOLDEN BANANAS» и «BANANAS EQUADOR». Из ноздрей тоненькими струйками шел светлый пар, инеем оседая на валявшихся кругом полусгнивших банановых, шкурках.

Авдей потрясенно смотрел на это масштабное существо, пытаясь отыскать в его внешности хоть какие-то признаки былого очарования и изящества любимой жены. Но вместо этого в голову лезли бестактные мысли о том, что шкура у дракона какая-то немытая, поцарапанная, неухоженная, да и кругом так намусорено... Да, вот что интересно, в этом Викином обиталище предусмотрено, кх-м, отхожее место? И (другой вопрос), будучи драконом, Вика соблюдает принятые в человеческом обществе санитарно-гигиенические нормы или *как?*..

Видно, те же вопросы заинтересовали и тестя, только среагировал он на запущенный вид своей приемной дочери совершенно иначе.

— Эт-то что же?! — приглушенно взревел он. — Она, значит, у вас герб и флаг, а дерьмо за ней никто подобрать не удосужился! Драконы, мать вашу! Во что вы порядочную женщину превратили! В бомжиху! А ну, наряд уборщиц сюда, МУДРАКи паршивые! Маникюрушу, парикмахера, массажисток!

Баронет рывкнул какое-то заклинание, сметая со своего пути незримый экран магической защиты. Стены не стало, и пришедшие получили возможность не только подойти ближе к спящему дракону, но и ощутить весь тот, мягко говоря, запах...

— Мрамором стены облицовываете, — уже тише рычал маг, — а на кондиционер для моей девочки покупились! Хоть бы освежитель воздуха держали для таких случаев.

Авдей был полностью согласен с этой репликой Баронета. Сергея же Павлова происшедшее повергло в неопишное замешательство, если не сказать больше. Что касается Инари Такобо, то она вообще стояла ни жива ни мертва.

— Что вы натворили?! — шепотом принялся ругать Баронета дракон-бизнесмен. — Зачем сняли защитный экран?!

— А в чем дело?!

— А в том, что Наследница *никого в человеческом обличье* к себе не подпускает! Маникюрши, уборщицы... Да вы рехнулись, она испепелит их на месте!

— Вика не так воспитана, чтоб кого попало испепелять, — высокомерно заявил Баронет.

— Это вы так считаете! — отрезал Сергей Павлов. — А у нас уже были... прецеденты.

— Как?! — ужаснулся Авдей. — Вика кого-то... *того*?

— Ну, вообще-то, не Вика, — подала голос доселе мертво молчавшая Инари Такобо. — И не *того*. Но поскольку ее драконье сознание неустойчиво, мы боимся представить, как она среагирует именно на людей. Потому что на драконов, то есть на нас, когда мы становимся драконами, она реагирует вполне дружелюбно...

Видимо, они все-таки слишком громко разговаривали. Потому что веки спящего дракона дрогнули и медленно поднялись, являя миру глаза, похожие на два небольших блюдца, до краев наполненных ртутью. И, кроме ртути, в этих глазах ничего больше не было.

— Она проснулась, — с благоговейным ужасом прошептал Сергей Павлов.

И теперь Авдей увидел, что этот... бизнесмен откровенно любит его женой. ЕГО ЗАКОННОЙ ЖЕНОЙ! Пусть даже эта жена сейчас выглядит как катастрофа на фабрике по изготовлению медицинских термометров, и амбре от ее драконьей туши такое, что аж глаза слезятся. Однако это не повод смотреть на его Вику... так. С возделением!

— Она проснулась, — обреченно подтвердила госпожа Инари и почему-то отошла от своих спутников метра на три в сторонку. И как-то странно встала: навтыжку, руки по швам, голова запрокинута вверх, словно госпожа Такобо присутствует при поднятии государственного флага родной страны...

— Проснулась, моя девочка?! — ласково сюсюкнул Баронет и двинулся поближе к драконихе. Под каблуками его ботинок неприятно зачавкала гнилая кожура от бананов. — А тут к тебе пришли го-О-О-О!!!

Вика, то есть дракон, раскрыв пасть, выпустила мощную струю раскаленного пара. Прямо в Баронета. Тот едва спасся, подпрыгнув к потолку, и заодно спас ошалевшего от ужаса Авдея, крепко прихватив его за шиворот.

— Это *так* она на людей реагирует?! — завопил с потолка Баронет. — Павлов, я беру свои слова обратно, я был не прав насчет экрана и уборщиц!

— Поздно. Она все равно проснулась, — с нечеловеческим спокойствием сказал Павлов и встал в точно такую же позу, как и Инари. — Приветствую тебя, о Наследница!

Зависшие под самым потолком Баронет и Авдей увидели, как Наследница приподнялась, расправила крылья, в полутьме ее лежбища казавшиеся лиловыми, и снова шуранула паром из пасти, как из раскаленной парной.

Но напротив нее стояли уже не бизнесмен и референт. Точнее, стояли не люди. Во всяком случае, Авдей теперь получил достаточно наглядное представление о том, как человек превращается в дракона. И понял, что об этом он точно ничего писать не будет.

На месте Инари стоял ярко-алый дракон с позолоченным подбрюшьем и свисающими из пасти длинными клыками. Бизнесмен Павлов выглядел поскромнее, но его окрас маренго говорил об исключительном достатке и респектабельности.

Наследница зарычала, два других дракона ответили ей тем же, но их рычание звучало в какой-то успокаивающей тональности. Вскоре рычание перешло в непонятный свист, вперемешку с шипом и пощелкиванием, как у дельфинов. Драконы явно общались, и Вике явно нравилось их общество. Она встала на задние лапы, передними неловко расшвыряла пустую тару из-под бананов, и, что-то просвистев, колупнула когтем непочатую коробку.

Однако драконы бананы есть не стали. Они настойчиво насвистывали что-то Наследнице в уши. Баронет не выдержал.

— Так больше не может продолжаться. Я, конечно, понимаю, что они ей свистят. К тебе, мол, гости, и все такое... Но я ей сам лучше скажу!

— Вы что, хотите спуститься туда?! — отчаянно возопил Авдей. — Там теперь три дракона! Они же... испепелят!

— Чушь. Не забывай, что я тоже... не только человек.

— Хорошо, а как же я?! Мне так и висеть под потолком, как новогодней гирлянде?!

— Повисишь пока, — с отеческой строгостью изрек Баронет. — А я спущусь и попытаюсь растолковать Вике, кто она и кто ты. А потом предъявлю ей тебя.

И Баронет начал медленно и эффектно сползать вниз по отвесной стене. Его тело при этом изменилось, напоминая больше тело гигантского питона, если, конечно, в природе существуют питоны, окраской чешуи похожие на известную во всем мире хохломскую роспись. Сознание самого Авдея, похоже, тоже принялось двоиться. С одной стороны, он не без волнения и интереса наблюдал за трансформацией тестя, понимая, что в его жизни вряд ли еще выпадет возможность увидеть непосредственного родственника в таком обличье. А с другой — здравый смысл писателя Белинского вопил, что после таких зрелищ ему, писателю Белинскому, стоит полежать в клинике неврозов и по выходе из клиники сочинять исключительно реалистические повести из жизни мексиканской глубинки.

Меж тем Баронет подполз к активно болтающим на своем драконьем языке драконам и зашипел, как останавливающийся локомотив. Алый и цвета маренго драконы дружелюбно закивали змею головами, а вот Наследница...

Она просто завизжала. Так визжит пятидесятилетняя девственница, когда в ее ванной наконец-таки обнаруживается маньяк-насильник. Дракон-Вика в два прыжка преодолела расстояние меж собой и змеем-Баронетом, передними лапами нежно приподняла морду мага и принялась ее облизывать своим драконьим языком. Причем делала это так интенсивно, что внушительное тулово Баронета моталось из стороны в сторону с легкостью первомайского флага. Наконец Баронет ухитрился-таки деликатно высвободиться из объятий приемной дочери, отполз на безопасное расстояние и принялся ей что-то шипеть. Как надеялся Авдей, таким манером Баронет старался озвучить для Вики мысль, что у нее есть любимый муж и этот муж сейчас здесь, ждет не дождется, когда Вика обратит на него ласковый взор и, кроме того, вернется в привычном человеческом облике домой, в семью, в коллектив...

Все-таки Авдей за пять лет семейной жизни неплохо изучил мимику своей супруги. И даже несмотря на то, что в данный момент у супруги было не милое личико, а драконья морда, Авдей понял выражение этой морды. В общих чертах. Недоумение и легкое раздражение, вроде такого: скажите, пожалуйста, и на фига мне сдался этот муж, который вообще не дракон?! И вообще я такого не помню! Вот дракона цвета маренго помню хорошо: он каждый день по несколько раз исполняет вокруг моей персоны брачные танцы, приглашая к спариванию...

Возможно, Авдей это и нафантазировал. Однако Баронет продолжал упрямо шипеть что-то Вике в оттопыренное, похожее на серебристый наконечник копья ухо, и Вика подняла голову к потолку. Взгляд ее ртутных блюдец остановился на писателе Белинском.

— Привет, дорогая. Хорошо выглядишь, — Авдей улыбнулся кривой ухмылкой Харрисона Форда и помахал рукой, чувствуя себя законченным кретином. Дракониха внимательно глядела на него, прижимая при этом к чешуйчатой груди голову змея Баронета. Тот опять что-то зашипел. Вика выпустила его из объятий, и великий маг шлепнулся на пол наподобие резинового шланга. А дракониха все смотрела на Авдея, и в ее мозгу шел очередной немислимый диалог двух сознаний.

— *Кто он?*

— *Неясно, неясно вспоминается, неотчетливо... А кто я?*

— *Я дракон. Он не похож на дракона.*

— *Это еще ничего не значит. Он милый.*

— *Можно его съесть. Бананы тоже милые... Мы их едим.*

— *Он не похож на банан! На кого он похож?! Да кто же я?!!*

Авдей увидел, как блестящие глаза-блюдца внезапно подернулись пленкой. Дракон-Вика с негромким стоном повалилась на пол. Алый и маренговый драконы захопотали вокруг нее, а змей быстро пополз к Авдею, на ходу возвращаясь в человеческое обличье.

— Что с ней случилось? — взволнованно спросил Авдей, придерживаясь рукой за лепнину потолка.

— Потеряла сознание, — хмуро ответил Баронет. — Как объясняет Инари, это происходит всегда, если Вика пытается вспомнить о том, кем была до своего драконьего существования.

— А как об этом догадалась Инари?

— Да просто, — махнул рукой Баронет и вместе с зятем спустился с потолка наземь. — Внутривидовые сенситивные связи хорошо отлажены. К тому же не забывай: Инари — тоже чистопородный дракон. Только японский. Ей ли нашу Вику не понять...

— Я хочу знать только одно, — тихо сказал Авдей, глядя прямо в глаза Баронета. — Вика вернется?

— Ты имеешь в виду, как человек?

— Я же сказал — *Вика*...

— Нет. Во всяком случае, сегодня — нет.

— И сколько тогда будет продолжаться ее драконье существование?! Ведь это же невозможно! Она должна вернуться! Слышите, должна!!!

— Ты мне в глотку-то не вцепляйся, — хмуро буркнул Баронет. — А то я сам не понимаю, что Вика должна, а чего — нет... Между прочим, меня она узнала. Но именно как змея. Обрадовалась очень... Хотя раньше, то есть когда была человеком, терпеть моего змеиного облика не могла... Ладно, пойдем отсюда.

— Как пойдем?! А Вика? Мы ее оставим здесь?

— А у тебя есть вариант, как разместить дракона в твоей квартире? И что ты при этом детям скажешь? Маша и Даша, вот это теперь ваша мама, можете играть с ней в шоу «Русский экстрим»?! Успокойся, Авдей. Здесь нам больше делать нечего. Во всяком случае, пока.

Баронет первым решительно зашагал по коридору. Авдей постоял-постоял и двинулся следом, поминутно оглядываясь не неподвижно лежащего сиреневого дракона...

Уже возле лифта их нагнали принявшие человеческий облик Сергей Павлов и Инари Такобо. Инари почему-то выглядела подавленной и виноватой, а бизнесмен вид имел весьма самодовольный и даже торжествующий.

— Ну-с, каково вам это зрелище? — ядовито спросил Павлов и первым вошел в лифт.

— Прекратите, Сергэу-сан! — нахмурилась госпожа Инари. — Злорадство недостойно мужчины. У господина Аудэу горе, и мы ничем, увы, не смогли помочь ему. Я сочувствую вам, Аудэу-сан. Я надеялась, — тут у Инари Такобо перехватило дыхание и по нежной щеке скатилась крупная сверкающая слеза, — я верила, что увидев вас, Вика сможет восстановить человеческое сознание и ради любви к вам снова станет женщиной, а не драконом... Не получилось.

— Это еще ничего не значит! — воскликнул Павлов. — Возможно, именно пребывание в облике дракона — и есть истинное лицо нашей Вики.

— Уверяю вас, — с ласковой улыбкой карточного шулера обратился Баронет к Павлову, — у Викки совершенно иное Истинное Лицо. И я очень не советую вам когда-нибудь его увидеть.

— Сударь, — вспыхнул бизнесмен, — у вас дурная привычка пугать и поучать окружающих, словно вы — знаток всех истин и последняя инстанция во вселенской иерархии... Только вот с превращением Вики у вас ничего не вышло, как вы ни старались!

— Сергэу-сан, как не совестно! — это Инари.

— Павлов, вы просто хам, хоть и дракон! — это уже Авдей.

— Кхе-кхе, что уж взять с меня, убогого... — это юродствует Баронет, и оба глаза его при этом горят inferнальным зеленым пламенем. — Какая уж из меня высшая инстанция... Всего-то третью сотню лет живу... Стреляю плохо — в яблочко попадаю только с закрытыми глазами да с десятка метров. Почитай, лет полста не фехтовал — все умельцы на тот свет отправились, драться не с кем стало...

— Вы намекаете на дуэль?! — напыжился Павлов.

— Нет. Не намекаю, — вмиг посерьезнел Баронет. — Милый мальчик, если вы мне всерьез надоедите своей наглостью и глупостью, я вас сразу убью. Голыми руками и безо всякой дуэли.

— О боже Амиду, какой стыд! Сергэу-сан, вы ссоритесь с гостями, вместо того чтобы проявлять любезность и вежливость! Господин маг, я вас умоляю о снисхождении! Господин Сочинитель, простите!

Из глаз деликатной госпожи Инари градом посыпались слезы. И со стеклянным звоном раскатились по полу лифта. Все мужчины замерли, глядя то на Инари, то себе под ноги. На полу, переливаясь в неярком свете, блестели маленькие алмазы. Авдей первым наклонился и поднял сверкающий кристаллик. Посмотрел на госпожу Такобо.

— Вы плачете, и ваши слезы превращаются в драгоценные камни, Инари... — тихо сказал Авдей.

— Да... Но это только тогда, когда я очень сильно расстроена, — со всхлипом вздохнула Инари и отерла платком свои дивные глаза.

— Да тут алмазов на полмиллиона баксов! — восхищенно воскликнул бизнесмен Павлов и принялся суетливо подбирать с пола камешки. — Что ж вы раньше нам так не поплакали, Инари-сан. Мы бы такой офис отгрохали! И рэкет бы на наших сотрудников не наезжал...

Баронет только презрительно поджал губы, наблюдая за бизнесменом. А Авдей не мог отвести взгляда от Инари.

— Вы... удивительная женщина, — только и смог сказать он и протянул ей на ладони сверкающий кристаллик.

— Нет-нет, — покачала она головой. — Я совсем обычная. А этот алмаз пусть останется вам на память.

Авдею показалось, что они с Инари стоят в лифте слишком близко друг к другу, почти соприкасаясь телами. Видимо, их столкнул с места ползающий по полу в поисках оставшихся алмазов Павлов.

— Бизнесмен тоже наберет... себе на память? — шепотом спросил Авдей, почти касаясь губами мягкого завитка темных волос над ухом госпожи Такобо.

— Нет, — как-то очень интимно улыбнулась Инари. Ее ладонь накрыла ладонь Авдея, пряча камень. — У него они всерастают. Я вольна распоряжаться своими слезами, как захочу. Но я прошу вас, Аудэу: храните этот камешек... на своем теле. Мне будет приятно думать, что вы

помните обо мне.

— Да, конечно. Но только почему вы так печально говорите, Инари-сан? Мы ведь еще встретимся?

Инари виновато пожала плечами:

— Это зависит не от меня...

— Значит, встретимся, — решительно сказал Авдей.

— Если бы вы знали, Аудэу-сан, что я натворила... — опустив голову, едва слышно прошептала Инари.

Но тут лифт остановился, Павлов вскочил с коленок, подобрав все алмазы, Баронет отчего-то засуетился и громко начал твердить, что они с зятем загостились, а их дома ждут, и Авдей так больше не услышал от Инари ни слова.

... Когда они, холодно попрощавшись с Павловым, вышли из офиса Московской Управы драконов, оказалось, что с темного неба сыплет по-настоящему зимний обильный снег.

— Скоро зима, — задумчиво сказала Инари.

— До официальной зимы еще больше месяца, — клацнул зубами Авдей. — Идемте в машину, стоять холодно.

— Да, действительно, — очнулся от каких-то своих вселенских размышлений Баронет. — Идемте, Инари. Скажите, куда вас отвезти. Снова на Библиотечную улицу, в архив?

— О нет, не нужно, — улыбнулась Инари. — Там я просто назначила вам встречу. Хотя я по долгу работы часто просматриваю архивные материалы. Сейчас же мне необходимо быть при господине Синдзене, иначе я рискую пренебречь своими обязанностями.

— Так...

— Нет-нет, — снова улыбнулась Инари. — Я хочу подышать свежим воздухом и поэтому доберусь, как это говорится по-русски, своим ходом. Ступайте, пожалуйста, к машине. Всего вам доброго.

— Но Инари...

— Аудэу-сан, я свяжусь с вами по e-mail. Ну, ступайте же! — и эти слова прозвучали уже как приказ.

Баронет потащил Авдея к запорошенному снегом лимузину. Авдей покорно шел, но смотрел только на Инари. Превращающуюся в ало-золотого дракона. Дракон расправил крылья и взмыл ввысь, навстречу сыплющемуся снегу, словно рождественская ракета-шутиха...

— Впечатляющее зрелище, — проворчал Баронет, открывая дверь машины и вставляя ключ в замок зажигания.

— Что? А, да... Впечатляюще... Она не боится, что ее кто-нибудь заметит и поднимет панику? — Авдей наконец пришел в себя и уселся в машину.

— Не заметят. А и заметят — не поверят, — сказал, как отрезал, Баронет, вырубив с полигона в лес. Авдей оглянулся: никакого офиса уже не было и в помине.

— А чего ж ты хотел? — услышал он сварливый голос тестя. — Они же крутые! Драконы! И к ним не придерешься — официальное разрешение на применение прикладной магии имеется, я по их документам проверял.

— Вы что, действительно каким-то образом взломали их базу данных?

— А то, — кивнул Баронет, разгоняя лимузин до неприличной скорости. — Но это не важно. Важно другое: Вику мы пока вернуть не можем...

— Да, — как-то очень рассеянно согласился Авдей и сунул руку в карман брюк. Там, заботливо завернутый в носовой платок, лежал алмаз Инари.

— Но мы ее все равно вернем, — продолжал Баронет. — На этот счет есть у меня кое-какие идеи...

Какие именно это идеи, Баронет пояснить не удосужился, и минут двадцать мужчины сидели в полном молчании. Потом Баронет кашлянул и сказал:

— Новости, что ль, послушать... Какую погоду передают и курс доллара... — и принялся крутить верньер настройки.

Сквозь треск эфира и гомон радиостанций прорвалась странная мелодия: печальная, завораживающая и волшебная. Женский голос и скрипка выводили ее, но порой казалось, что играет лишь скрипка, а порой — что женщина поет в одиночестве. Авдею даже дышать стало трудно: до того хороша была эта музыка, раньше он ничего подобного не слышал...

Но музыка оборвалась, и довольно противный голос выдал в эфир:

— Вы только что прослушали новый сингл восходящей звезды вампирского этнического рока, уроженки местечка Малые Дракулы, Христины Отбрыкайте. Ее новый альбом «Вздых в пустой комнате» продолжает лидировать во всех музыкальных рейтингах нашего канала...

— Погодите, — Авдей не верил своим ушам. — Вампирского рока?! Что это за радио?

— В эфире ваше любимое «Еж-радио», и если вы сумели настроиться на нашу волну, значит, вы из тех, кто любит бывать по ту сторону...

— Это радиоканал, на котором работает твоя жена. Точнее, работала, пока не стала драконом. Его можно услышать только при наличии определенного магического потенциала. Неплохой, кстати, канал. Только ведущий там какой-то пошловатый.

Авдей тут вспомнил о визите демона:

— Я забыл сказать. Ко мне приходил Викин коллега. Он демон. Требовал, чтоб Вика немедленно появилась на работе...

— Ну, мало ли кто чего требует. Ты объяснил ситуацию?

— Да.

— Вот и ладненько. А теперь дай новости послушать.

Авдей особенно не вслушивался в то, что нес ведущий оккультного канала. Казалось, что в среде ведьм и нелюдей существовали те же проблемы, интриги и сплетни, что были присущи обычному людскому роду. Но вдруг Баронет повернул ручку громкости до отказа, и в салоне машины загремел противный нечеловеческий голос:

— Необъяснимая эпидемия распространилась среди заключенных и персонала одной из женских колоний строгого режима. Из достоверных источников нам стало известно, что в результате этой эпидемии обитатели колонии превратились в полуоборотней-полузомби. Местное население и власти об этом не подозревают, колония находится в карантинной зоне, но есть предположение, что появление нерегулируемой популяции оборотней повлечет за собой нарушение экологического баланса данного региона...

— Странно, — сказал Баронет и убрал громкость. — Обратни в женской колонии... А, чепуха. Скорее всего, очередная сплетня.

(Следует заметить, что это был единственный раз, когда Баронет ошибся в оценке услышанной им информации.)

Лимузин бесшумно подкатил к подъезду дома, где жили Белинские. Баронет подмигнул Авдею изумрудным глазом:

— Все, зятек. Приехали.

* * *

Я всего лишь рядовой боец, но рядовой боец великой армии.

Р. Стивенсон

— Приехали! — громовой голос разорвал непрочный сон как ветхую тряпку. — Кирпичный, на выход! Руки за голову!

Заросший бомж, он же полковник Дрон Петрович Кирпичный, охая от боли в затекшем, измотанном холодом, голодом и моральными потрясениями теле, торопливо подымался с грязного пола вагонной подсобки и как крот щурился от яркого света фонарика, бьющего прямо в глаза.

— Руки за голову! Выходи! Живо! — опять рявкнул голос. Голос, хоть и громовой, принадлежал все-таки человеку и, как успел разглядеть полковник, человеку в камуфляже. Форма, какой бы она ни была, с давних времен внушала полковнику доверие.

— Командир, — хрипло выдавил Кирпичный, сцепляя пальцы замком на затылке. — Мне в Москву надо, слышь...

— Куда тебе надо, ты уже добрался, — уверил его тип в камуфляже и маске-чулке на голове и ткнул полковника стволом автомата под ребра. — Выходи, кому сказано!

Только тут окончательно проснувшийся от тяжелого неровного сна полковник понял, что поезд стоит. Дрон Петрович под конвоем вышел в тамбур и взгляделся в затуманенное дверное окошко. Но за окном никакой Москвы не наблюдалось, была там сплошная чернота глубокой ночи.

Конвоир каким-то кривым гвоздем ковырнул запор на тамбурной двери, толкнул ее, открывая, перехватил поудобней автомат и скомандовал Кирпичному:

— Прыгай!

С человеком в форме да еще и при оружии спорить особо не получается. Кирпичный это хорошо знал по своей прошлой, теперь уже казавшейся страшным сном, жизни. Он прыгнул, ударился коленями о подмерзшую, но довольно рыхлую землю, кое-как встал и увидел, что его конвоир уже стоит рядом. И что поезд с дерганьем и натужным скрипом движется дальше, оставляя полковника Кирпичного один на один с неизвестностью.

— Руки можешь опустить, — как-то не по уставу сказал тип в камуфляже. — Но если вздумаешь дурить — пристрелю. Пошли к машине.

И они двинулись к чернеющему на фоне неба перелеску. Тут как раз из-за облака ненадолго появился узенький серпик луны, освещая мертвенным скупым светом местность, которую полковник не узнавал, да и не пытался узнать. Он покорно дошел до зарослей, в которых, как оказалось, скрывался темный джип с тонированными стеклами, уселся в этот самый джип на заднее сиденье (рядом пристроился конвоир) и даже не удивился тому, что за рулем сидит солидных размеров крыса в малиновом пиджачке.

— Поехали, — приказал конвоир уже не громовым голосом, стащил с головы маску-чулок и оказался пышноволоосой блондинкой стервозно-голливудского типа.

«Баба! — горестно охнул про себя Кирпичный. — И тут баба! Ну тогда добра не жди...»

Джип рванул с места, но, как ни силился полковник Кирпичный разглядеть, в каком направлении они едут, ничего не было видно за темными стеклами. В этих стеклах отражалась только физиономия самого Дрона Петровича: опухшая, давно небритая и порядком озадаченная. Мало что осталось в этой физиономии от былой нестигаемости и внутренней силы полковника, позволявшей ему поддерживать железную дисциплину во вверенной ему колонии. Только где теперь та колония и где дисциплина...

Ехать молча было тоскливо, поэтому полковник отважился на разговор с блондинкой.

— Это... в общем... Мы в Москве когда будем? — выдавил из себя полковник, разминая кисть левой руки. Кисть повиновалась плохо — мешал втянувшийся под кожу диск с именем человека, которого предстояло полковнику убить.

Услышав вопрос Дрона Петровича, блондинка глянула на него чересчур голубыми глазами и, едва приоткрыв пухлые сексапильные губки, интимно посоветовала:

— Заткнись и больше вопросов не задавай. А то пристрелю.

При этом лицо красотки было приветливым, как вывеска «Макдоналдс». Но полковнику не это сравнение пришло на ум, поскольку в «Макдоналдсах» он сроду не бывал. Дрону Петровичу эта красотка очень уж напомнила ту пластиковую грудастую золотоволосую куклу, которую его, полковника, сестра подарила своей дочке на именины (что ж, и у нестигаемого полковника имелись вполне нормальные родственники в лице сестры и племянницы, к которым он изредка приезжал на большие праздники). Племянницу куклу звали то ли Барби, то ли Синди, сама племянница по малолетству и глупости была от нее в восторге, а Дрон Петрович поглядел на яркую игрушку с презрением: уж больно смахивала эта Барби на дешевую придорожную шлюху...

Полковник постарался отогнать эти пустые мысли и методом предельной концентрации сознания заставил себя задуматься о более важных и серьезных вещах. Это только снаружи он казался таким покорным и пугливо шарахающимся от каждого движения автоматного ствола, как запойный пьяница — от нарколога. Нет уж, дудки! Внутри полковник был сосредоточен, рассудителен и деловит. Первым делом он проанализировал происшедшие в колонии события, утвердился в мнении, что его пьяным бредом они никак быть не могли, и потому счел единственно правильной мыслью о том, что ему пришлось иметь дело с силами сверхъестественными и при этом весьма могущественными. Он безоговорочно поверил в существование оборотней, а также в то, что этими оборотнями (кстати, очень непохожими на привычных русскому сознанию оборотней-волков, перекидывающихся через пни) преследуются некие весьма важные, чуть ли не государственные цели. И вот здесь-то полковник принялся ворочать мозгами из последних сил.

Он послан в Москву с миссией убить некоего человека, судя по имени, явного япошку. При этом надо вспомнить, что «японок», устроивших весь сыр-бор в его колонии, финансировал японский же благотворительный фонд «Тэнгу». Но чем на самом деле этот фонд занимается, одному псу известно.

«Уж не готовится ли в России государственный переворот при помощи иностранных инвестиций?!» — поразила мозг полковника мысль государственного масштаба, и его от такой мысли прошиб холодный пот. Теперь полковнику стало предельно ясно: кругом враги, интервенты, готовые разграбить Россию-матушку, причем в особо грубой оккультной форме! И первая пособница темных сил — Анастасия, вредоносная старуха!

Однако полковник ничем не выдал своих размышлений. Он специально изобразил на физиономии тупое выражение необратимого дауна (кстати, это было совсем нетрудно), а сам тем временем мысленно рассматривал стратегию своего будущего поведения в тылу врага. Ибо он не сомневался, что именно туда, в тыл врага, его, полковника, и везут...

Внутренне ощущать себя разведчиком, неуловимым мстителем и патриотом, однако, мешал усиливающийся острый голод, а также жажда. Полковник неожиданно отчетливо припомнил, что последний раз он ел пару суток назад: сердобольная проводница накормила его чипсами и дала глотнуть прокисшего теплого пива.

«Надо терпеть, — мысленно убеждал себя полковник. — Ты среди врагов. Твоя задача — не дать им дешево купить твою жизнь!»

Мысли, конечно, были возвышенные и гордые, как полет Буревестника над седой равниной моря. Однако не особо искушенному в литературе полковнику почему-то (видимо, из-за сильного голода) представился какой-то глупый пингвин, самодовольно прятавший тело жирное в утесах... Дрон Петрович подумал, что пингвина этого он бы за полчаса уел. Сырого, с черным хлебушком и парой головок репчатого лука. Да, и посолить как следует, конечно. А потом пивка...

Полковник сглотнул слюну и незаметно посмотрел на свою Барби-конвоиршу. Лицо той оставалось абсолютно безучастным. Да, такая не то что пожрать, понюхать не даст...

Но всему в этом суетном мире приходит конец. Пришел конец и изматывающему путешествию Дрона Петровича на темном джипе. Машина затормозила, и в наступившей тишине Кирпичный отчетливо услышал волчий вой.

— Вперед. Выходи, — приказала Барби и, нажав на какую-то панельку, открыла бронированную

дверь джипа.

Полковник покорно (а как иначе-то?) выбрался на свет божий и беззвучно ахнул.

Чертова кукла привезла его вовсе ни в какую не в столицу. Машина стояла перед глухим, высотой метров пять, железным забором без всяких признаков калитки. И что самое страшное: вдоль забора бродили и завывали волки, посверкивая сумасшедшими глазами.

— Объект доставлен. Дальнейшие указания? — Барби уже наговаривала в портативную рацию, тогда как полковник высчитывал свои шансы быть: а) съеденным волками, б) растерзанным и съеденным волками.

Рация что-то прошипела кукле в ответ.

— Идем, — подчиняясь рации, толкнула Барби полковника.

«Куда?!»

Но тут полковник увидел куда.

Часть забора отъехала вбок, обнаруживая небольшой проход. Волки взвыли и, что удивительно, отбежали подальше. Это придало бодрости полковнику, он снова вспомнил о том, что он разведчик в тылу врага, и потому смело шагнул в проход, тем более что за спиной у него все еще шагала эта Барби.

За железным забором не скрывался, а скорее, гордо возвышался двухэтажный особняк в модном стиле «готический замок нового русского» — с узкими окнами, крытой стеклянной галереей-балконом вдоль всего второго этажа, шикарным парадным крыльцом и припорошенным снегом овальным флигелем. Все это полковник, конечно, толком и рассмотреть не успел, поскольку был невежливо препровожден в переднюю. Передняя, или, как это нынче принято называть, холл, обрушила на промерзшего до последней нитки Дрона Петровича волны уютного тепла, исходившего от большого, занимавшего почти целую стену, камина. В камине горел настоящий огонь, потрескивали поленья, а рядом, поигрывая кочергой, стоял крепкий, бритый наголо парнишка в черном цивильном костюме.

— Объект сдан, — сухо отрапортовала Барби этому бритоголовому со скучающими коровьими глазами.

— Объект принят, — миг оживился парнишка и отбросил кочергу. — Проблемы были?

— Нет. Все. Я сваливаю, — быстро сказала Барби и, даже не послав полковнику прощального взгляда, исчезла за входной дверью.

Парень оценивающе поглядел на Кирпичного, скривился, видно сравнив свой отутюженный костюмчик с вонючими и затертыми лохмотьями, в которые превратилась одежда Дрона Петровича, и достал мобильник.

— Але, да, он в прихожей, мэм. Проводить в Малахитовый кабинет, мэм?! Но этот тип выглядит как мусорный бачок в негритянском квартале... Да, мэм. Простите, мэм. Больше не повторится, мэм!

Парень убрал свой сотовый и уже по-другому глянул на полковника. Видно, что ему нелегко дается подчиниться отданному по мобильнику приказу, но ничего не поделаешь...

— Велено проводить... вас. Наверх по этой лестнице, пожалуйста.

Полковник действительно увидел небольшую, покрытую зеленым сукном лестницу, до этого момента скрытую от Дрона Петровича темной бахромчатой портьерой. В нем вдруг шевельнулся какой-то детский ужас; впервые за все время его злоключений полковник, как малолетний персонаж какого-нибудь голливудского триллера, испугался неизвестности, прячущейся за красивой обстановкой и кажущейся тишиной.

Дрон Петрович стиснул зубы и зашагал вверх по лестнице вслед за своим бритоголовым проводником. Они миновали неосвещенную галерею второго этажа, и полковник подумал было, что сейчас ему представляется возможность напасть на своего спутника, оглушить его ударом и бежать. Но это было бессмысленно. Во-первых, такого парнишку и кувалдой не оглушишь, во-вторых, куда бежать? Полковник вспомнил про кружащих возле забора волков, про жестокие кукольные глаза своей конвоирши и решил, что отступать ему некуда. Впереди Москва.

... Однако пока впереди оказалась не Москва, а небольшая комната, выдержанная исключительно в изумрудно-зеленых тонах благородного камня малахита. Бритоголовый парень шепотом приказал полковнику стоять — не двигаться возле небольшой резной колонны, украшенной золотой статуэткой крысы, опирающейся передними лапками на непонятный диск с дыркой посередине.

«Богатая жизнь, куда ни плюнь, сплошные драгметаллы и камушки», — с внезапным уважением к неизвестному хозяину этой красивой комнаты подумал полковник. Было тихо, бритоголовый ушел, а полковник как первоклассник в Эрмитаже стоял и рассматривал комнату. Потолок, стены, пол, даже подоконники — все было малахитовое; полковник робко потер грязным пальцем стену и убедился — малахит, чистый камень, не обои какие-нибудь самоклеящиеся! На полу лежал пушистый темно-зеленый ковер с изображением желтой крысы, плывущей на лодке. Мебели в комнате было немного — несколько низеньких пуфиков с пухлыми золотыми кистями по бокам, блестящий овальный столик (на нем стояла лампа в виде ветки с золотыми лилиями — из этих цветов и шел свет, достаточно яркий для того, чтобы увидеть всю красоту), небольшой шкафчик, вроде комода, только тоже весь по виду из золота, а ручки блестят так, словно в них и впрямь вставлены бриллианты. Самым скромным предметом было темное кожаное кресло, сделанное под старину, с высокой спинкой. Поскольку оно повернуто было к полковнику этой самой спинкой, он не мог разглядеть, сидит там кто-нибудь или нет... Да и стояло это кресло в самом дальнем и неосвещенном углу комнаты, поэтому внимания полковника не привлекло. Кирпичного страшно волновали два вопроса: настоящие ли тут камушки и есть ли поблизости сортир.

— Бриллианты настоящие, — услышал полковник мелодичный женский голос и увидел, как темное кресло развернулось, являя Кирпичному сидящую в нем даму в длинном зеленом же одеянии. Дама издали казалась просто красавицей, и поэтому, когда она поманила полковника рукой, он послушно подошел, стараясь не думать про насущные проблемы своего мочевого пузыря.

— Дрон Петрович, — с улыбкой сказала дама, величественная как почетный караул у Кремлевской стены, — вы меня не узнаете?

Тот вгляделся попристальнее и охнул. Красивое лицо, хоть и казалось живым, привлекательным и свежим, было лицом старухи Анастасии Либенкнехт, заключенной под номером 1837.

— Бывшей заключенной, — поправила Анастасия, не переставая любезно улыбаться. — Карты легли по-другому. Теперь вы, Дрон Петрович, мой заключенный. Пожизненно.

Как ни странно, но на полковника эти мрачные слова не произвели должного впечатления. Видно, его совсем допекла насущная человеческая проблема, и он потому сказал то, чего, может, и не ожидала царственно сидящая Анастасия:

— Мне бы отлить... Где тут сортир?

Анастасия утратила царственность осанки и схватилась за широкий блестящий браслетик на своей морщинистой ручке.

— Никита, туалет и ванну для полковника, немедленно! — выкрикнула она в браслетик.

Тут же явился давешний бритоголовый и вежливо препроводил Дрона Петровича в означенные места. При этом, обновляя роскошный малахитовый писсуар, полковник мысленно отметил два факта: бритоголового зовут Никитой, и, что самое интересное, эта «оборотниха» назвала его полковником. Мелочь, а приятно.

Приятных мелочей явилось еще предостаточно. Оказавшись в ванной (большой, круглой, с пузырящейся и пенящейся ароматной водой, видно, это и есть та самая джакузи, решил Дрон Петрович), полковник долго и с наслаждением терся щеткой на длинной ручке, мочалкой величиной с облако, наконец, выбрился отличным станком, по виду — из чистой платины. Перепробовал на запах, а какие смог — и на вкус — выстроившиеся в длинный хрустальный ряд одеколоны, лосьоны и прочие духи. В дверь ванной постучали, но не для того, чтобы выпроводить из нее замывшегося полковника. Чья-то услужливая рука просунулась в проем и протянула Дрону Петровичу благоухающий свежестью полный комплект формы вместе с бельем. Другая рука опустила на коврик ванной начищенные ботинки.

— Однако... — только и выговорил прикрывавшийся полотенцем полковник и принялся одеваться. Форма была как по нему сшита, только вот все знаки отличия аккуратно с нее спороты. А еще в кармане брюк полковник обнаружил целый блистер дорогих презервативов «Innotex», и эта находка совсем подняла у него настроение, хотя он пока, кроме Анастасии, ни одной женщины в этом особняке не видел. Ну да это ничего. Главное, живем!

— Госпожа приказала проводить вас в столовую, — сообщил полковнику Никита, едва вымытый и пахнувший, как грядка пионов, Дрон Петрович вышел, наконец, из ванной комнаты. — Вы ведь будете ужинать?

— Буду. И обедать, и завтракать тоже.

Бритоголовый вышколенный Никита полковничьего юмора не понял и посмотрел на Дрона Петровича с некоторым испугом.

— Не дрожи, парень, — снисходительно посоветовал Никите оживший и оттого вновь ощутивший в себе свою легендарную негибаемость полковник Кирпичный, — а то вспотеешь.

Никита на это ничего не сказал, а только повел, набычившись, полковника узким коридорчиком в столовую.

Столовая, как отметил наблюдательный взгляд вымывшегося полковника, была отделана поскромнее, чем Малахитовый кабинет, куда его поначалу привели. Однако и тут во всем чувствовался запах больших денег, дуриком вбуханных в ковры, обшивку стен (натуральный

дуб. Или кедр, решил Кирпичный) и высокие резные старинные буфеты, в которых остро поблескивал хрусталь вперемешку с серебром и золотом. В простенках между буфетами висели яркие расписные веера, вид которых напомнил Дрону Петровичу об ужасной комнате Просветления и Обретения Гармонии... Нет, если б дали в руки полковника такие деньги, он бы их, конечно, на хрустали да ковры с веерами не потратил. Он бы купил себе какой-нибудь необитаемый островок в районе Атлантики и вертолет, чтоб до этого островка долететь. И не достали б полковника там ни тюремное начальство, ни родственники с их вечными финансовыми проблемами, ни даже эта непонятная старуха Анастасия...

От этих размышлений полковника отвлек большой овальный стол, накрытый снеговой белизны скатертью и уставленный таким количеством таинственно прикрытых крышками серебряных судочков, горшочков и мисок, что у Дрона Петровича немедленно засосало под ложечкой. «Отставить! — сурово одернул он себя самого. — А ежели вся эта еда — гадость какая-нибудь, вроде лягушек и бананов жареных? Или вообще отравлена!» Тут припомнил Дрон Петрович все свои мысли насчет того, что он собирается стать разведчиком в тылу врага, тайным агентом, в обязанности коего входит неусыпая бдительность при нахождении в стане противника. Насчет противника полковник не был окончательно уверен, но знал, что осторожность никогда не бывает лишней. Однако взор полковника, вопреки всем внутренним приказам, возбужденно скользил по сервировке стола, задерживаясь на утопленных в блестящих ведерках со льдом высокогорлых бутылках, на длинных тарелках, содержимое коих покуда было заботливо прикрыто чистыми салфетками.

— Я что, один буду ужинать? — спросил полковник у маявшегo рядом Никиты.

— С вашего позволения, Дрон Петрович, я составлю вам компанию, — раздался уже знакомый полковнику женский голос, и в столовую, раздвинув панель дубовой стены, шагнула Анастасия, заставив тем самым полковника снова слегка ошалеть и разинуть рот. Как ни крути, а эта баба действовала на Кирпичного пугающе. Зато Никита при виде хозяйки оживился, достал свой мобильник, принялся отдавать распоряжения, видно, кухаркам или официантам...

— Я полагаю, вы не против, — продолжала ухмыляться Анастасия и с той же ухмылочкой подошла к столу. Тут же к ней бросился Никита, поспешно подставил стул с высокой резной спинкой. Анастасия села, выдернула из салфеточного кольца большую салфетку, аккуратно расстелила поверх платья. — Прошу вас, полковник, присаживайтесь.

Дрон Петрович занял второй стоящий у стола стул. Тут же в столовой материализовался лощеный хрупкий человечек, напоминавший повадками и видом побритую крысу. Он подал приборы: Анастасии из чистого золота, а полковнику — фарфоровый. Ножи и вилки, впрочем отметил, Дрон Петрович, пока не решаясь взять ни того ни другого в руки, были серебряные. Волшебным образом исчезли крышки с судков и чашек, соскользнули куда-то укрывавшие яства салфетки, и полковник узрел на столе неописуемое изобилие блюд, о которых разве что слышал или читал в газетах в разделе «Светская хроника»...

— Что вы будете пить, Дрон Петрович? — спросила Анастасия, меж тем как крысинообразный лакей наливал ей шампанского в высокий сияющий фужер.

— Водку. — В своих пристрастиях полковник был удручающе однообразен.

— Фу, — поморщилась его сотрапезница. — Я бы порекомендовала вам перейти на херес.

Перед полковником вмиг материализовался бокал, лакей подсуетился и наполнил его янтарной благородной жидкостью.

— Херес настоящий нынче дорог, — зачем-то пробормотал, смущаясь, полковник. — Да и подделывают его часто.

— Не беспокойтесь, — опять усмехнулась Анастасия. — Подделок здесь нет. И средств у меня пока предостаточно. Выпьем, полковник!

— За что? — спросил Дрон Петрович, беря бокал. Ноздри приятно щекотнул аромат крепкого вина-настоящего, беспримесного и оттого весьма соблазнительного.

— Как за что? — изобразила удивление женщина без возраста. — За успех нашего общего дела. Пейте, пейте!

Полковник не сдержался и выпил. Потом еще не сдержался и еще. Его охватило тепло и приятное чувство довольства жизнью. А тут еще лакей подкладывал на тарелку закуски, поясняя шепотком:

— Тартинки с икоркой и мозгами горячими, судачок заливной-с, шафруа из дичи с трюфелями-с, откушайте...

Дрон Петрович слегка даже протрезвел от такой роскоши и поглядел на Анастасию: чего ради она на него такое добро переводит? Та заметила озадаченный полковничий взгляд, перестала кушать фазана в рейнском вине и успокаивающе сказала:

— Что вы, Дрон Петрович, все сидите, как неродной? Бросьте ваши глупые мысли и ужинайте, коль голодны. Мне вас травить вовсе не резон.

Полковник прожевал тартинку с икрой, на трюфели посмотрел с подозрением и брякнул:

— Зачем я вам нужен?

Анастасия посмотрела на него сквозь фужер с играющим шампанским:

— Узнаете в свое время. В самое ближайшее. А пока — наслаждайтесь жизнью, полковник. Настоящий полковник!

И настоящий полковник принялся наслаждаться. За шафруа последовали какие-то непонятные, но вкусные волованы огратен, крокеты с цыпленком, потом опять икра, херес сменился коньяком, коньяк...

Дрон Петрович сыто и слегка осоловело смотрел на стол, где по мановению руки лакея все судки и тарелки исчезли, освободив место для канделябра с ароматизированными свечами, кофе и ящика с сигарами. От сигар полковник отказался, поскольку не курил вообще, зато кофе выпил с удовольствием.

Анастасия хлопнула в ладоши:

— Никита, музыкантов сюда.

«Танцы, что ли? — испугался полковник, поскольку танцевать умел так же, как газонокосилка — вышивать крестиком. — Только этого не хватало!»

Но танцев не намечалось. Пришедшие музыканты тоже были крысами (ростом этак с хорошего добермана), это изобилие крыс полковника уже не пугало и не удивляло. Крысы чинно расселись в уголку, достали кто скрипку, кто флейту и заиграли простенькую мелодию.

Анастасия закурила папироску в длинном дамском мундштуке, картинно выпуская дым в сумрачный потолок, и спросила Кирпичного:

— Вы довольны? Туалет, ванная, питание — все доброкачественно?

— Да, — чуть удивился вопросу полковник и прихлебнул коньячку. — Все просто отлично. — И добавил: — Госпожа.

Анастасия снова улыбнулась:

— Я рада.

Они посидели за столом еще с полчаса, слушая музыку, потом Анастасия резко поднялась.

— Никита, отведи полковника в спальню, — бросила она, исчезая за раздвинувшейся стеной.

Полковник торопливо допил остывший кофе и двинулся за Никитой. Выйдя из дверей столовой, Дрон Петрович почему-то захотел оглянуться. Оглянулся. Но никаких дверей не увидел. На их месте висело большое зеркало в бронзовой витой раме, и, что самое странное, ни полковник, ни тем более Никита в этом зеркале не отражались.

— Идемте, — поторопил Кирпичного бритоголовый спутник.

... Спальня была как из запрещенного эротического фильма про похождения каких-нибудь маньяков-нуворишей: зеркальный потолок, зеркальные же стены, в центре комнаты — громадная кровать с кучей подушек и покрывал, возле кровати — статуи, недвусмысленно намекающие на то, что их позы взяты явно из знаменитой «Камасутры». Полковник, конечно, ни о какой «Камасутре» не слышал, но статуи направили поток его мыслей в пикантное русло. Хлопнула дверь — это вышел Никита, оставляя полковника наедине со срамными статуями, бесчисленно отражавшимися в полумраке зеркал.

Полковник постарался не смотреть на это буйство мраморного секса, отогнал от себя похотливые мысли и решительно направился к кровати, намереваясь спать и только спать. Но, видимо, удовольствиям в сей насыщенный событиями день не суждено было окончиться. Потому что в постели, раскинувшись в сногшибательной наготе, ждала полковника женщина. Не статуя.

— Вот, блин, — только и сказал полковник и больше ничего не успел сказать, потому что времени на разговоры ему просто не дали.

Такого ошеломляющего секса полковник не имел даже в лучшие свои годы, когда еще не был начальником охраны в женской колонии, а был молодым, полным вожделения и сил мужиком, не пропускавшим ни одной мимоходящей юбки. Тогда его хватало надолго и на многих. Сейчас ему казалось, что он выжат просто без остатка, а постельная незнакомка снова и снова ухитрялась доводить его до умопомрачения, вытворяя такие вещи, от которых даже в принципе нестыдливый Кирпичный слегка смущался. Однако как ни был он занят и ошарашен, потрясло его другое. Те самые статуи, мускулистые мраморные мужчины и высокогрудые крутобедрые женщины, оживали и принимались творить друг с другом натуральное непотребство, наполняя при этом комнату такими неистовыми криками и стонами страсти, от которых дрожал пол и вибрировал зеркальный потолок, грозя рухнуть на это скопище блудников.

Однако потолок не рухнул. Рухнул с кровати сам полковник, вконец обессиленный и, даже можно сказать, изнасилованный. И хотя его пылкая партнерша мигом оказалась рядом и

принялась зазывно дрожать грудью, тереться распаленными влажными бедрами о чресла Дрона Петровича и взбадривать игривыми пальчиками то, что ни за какие оргазмы в мире больше не хотело взбадриваться, полковник смежил веки и сразу провалился в глубокий сон, похожий на обморок. Словно накрыло его черным глухим покрывалом, гасящим все эмоции, страсти и желания. И если бы полковник Кирпичный умел и любил изъясняться метафорически, он бы сказал, что этот сон был похож на смерть.

... С тою только разницей, что после смерти человек не просыпается на узкой и жесткой койке армейского образца в комнатенке, похожей на послетуберкулезный бокс.

Полковник, открыв глаза, несколько минут лежал, бездумно созерцая лампочку в белом железном плафоне. Потом сел и огляделся. Взору его предстала комнатенка размером примерно два на три метра с голыми белыми стенами и унитазом в углу. Полковник сразу сообразил, что ему эта комнатка напоминает. Камеру. Только вот непонятно, каким образом из роскошной спальни-сексодрома Дрон Петрович перенесся в это неприятное местечко. Хотя почему «перенесся»? Могли и перенести. Только зачем? Вообще зачем это все?! Сначала обслуга и кормежка по первому разряду, а потом — такое вот...

Кирпичный поразмышлял еще чуток, а потом встал и шагнул к унитазу, отметив при этом, что тело у него не болит, голова не раскалывается и вообще во всем организме ощущается бодрость, несмотря на вчерашнее. Когда же рядом с унитазом обнаружилась встроенная в незаметную нишу раковина с мылом душистым и полотенцем пушистым, Дрон Петрович взбодрился окончательно. Единственное, что его смущало, — это отсутствие на нем одежды. Холодно в камере не было, но, как известно, человек — существо, скованное социальными стереотипами и поэтому без одежды сразу чувствующее себя незащищенным и слабым.

Дрон Петрович умылся, растерся докрасна полотенцем и... снова уселся на кровать. А что еще оставалось делать? Хотя у полковника возникло стойкое ощущение, что долго он тут не просидит. За ним придут. С вещами.

И точно. В одной из стен вдруг обнаружилась дверь. Она отъехала в сторону, и в камеру Кирпичного шагнул незнакомый тип. Он протянул полковнику сверток с жестким приказом:

— Подъем! Одеваться быстро!

Что-то было в тоне этого типа такое, что спорить не хотелось. Полковник вскочил, оделся за сорок пять секунд, как армия учила, и тут увидел, что его одежду составляет кимоно из плотной хлопковой ткани, вроде тех, в которых занимаются на татами каратисты. Обуви босому Дрону Петровичу предложено не было.

— За мной, — скомандовал тип, и полковник подчинился.

Тип привел его в комнату, которую иначе как спортивным залом назвать было трудно. Вдоль стен стояли тренажеры, турникеты и даже манекены вроде тех, на которых спецназовцы отрабатывают свои знаменитые приемчики. Но не это было главное. В центре зала на матах стояла Анастасия в строгом черном костюме и переговаривалась на непонятном, похожем на японский, языке с сухоньким тщедушным старичком, едва доходившим ей до плеча. У старичка были узкие как щелки глаза.

«Японец», — подумал полковник.

Это действительно оказался японец.

— Подойдите сюда, — холодно приказала полковнику Анастасия. От ее вчерашней светскости, любезности и игривости не осталось и следа. Просто старая худющая злыдня с холодным блеском в глазах. Полковник подумал, что вчерашнее ему просто приснилось. Он подошел, как приказано.

— Вот этот человек, сэнсэй, — по-японски сказала Анастасия тщедушному старичку. — Научите его тому, о чем мы договаривались.

— Будет ли он мягок, как глина, чтобы потом стать твердым, как камень, — задумчиво ответил Анастасии старичок, кольнув полковника острым изучающим взглядом из-под нависших бровей.

— Будет, — успокоила госпожа Либенкнехт. — Если он задумает сопротивляться, его жизнь в моих руках.

Старичок поцокал языком и ничего не сказал.

— Полковник, — обратилась Анастасия к Дрону Петровичу. — Это ваш наставник, господин Бусидо. Вы должны обращаться к нему «сэнсэй» и выполнять все его требования. С сегодняшнего дня вы подчиняетесь только ему. И, разумеется, мне. Если вы вздумаете проявить непослушание, бежать или натворить каких-нибудь иных глупостей вместо подготовки к выполнению возложенной на вас миссии, то вспомните, что у вас есть сестра, а у сестры — юная невинная дочь, которая легко может оказаться жертвой какого-нибудь убийцы или насильника. Девочку ведь зовут Юля, не так ли?

— Так, — тяжело сказал полковник.

— Вы все поняли?

— Да.

— В таком случае, я не буду мешать вашим занятиям с господином Бусидо.

И Анастасия вышла из зала. За ней вышел охранник.

— Прошу вас, — с сильным акцентом сказал старичок полковнику и указал рукой на тренажеры.

С этого момента жизнь полковника Кирпичного стала походить на бесконечный сериал о трудовых буднях американских спецагентов, русских десантников, шаолиньских монахов и немецких овчарок. Каждое утро (полковник о смене дня и ночи судил по ощущениям собственного организма, ставшего за долгие годы побудок и отбоев в колонии пунктуальным как будильник «Янтарь») Дрон Петрович, справив естественные потребности, отправлялся в сопровождении бессловесного, сурового видом охранника на беговую дорожку, растянутую в сером коридоре без окон. Гудевший где-то вентилятор нагонял в коридор холодный, даже морозный воздух, и полковник, чью одежду составляло все то же кимоно, вынужден был бежать изо всех сил, ненавидя пружинящий под ногами каучук, охранника, который безмолвно созерцал борьбу Дрона Петровича со скользящей лентой дорожки, а заодно и весь белый свет.

Побежав так примерно с полчаса, полковник, сопя, как тюлень, с мрачным видом отправлялся в спортивный зал, где поначалу (недели этак три, а то и поболее месяца, по его собственным подсчетам) дрябловатые бицепсы и трицепсы Дрона Петровича наливались стальной крепостью. Японский дед Бусидо-сан смотрел на тренажерные муки полковника без

одобрения, словно накачку мышц считал делом неразумным и лишь мешающим основному занятию. Основное же занятие начиналось тогда, когда Кирпичному казалось, что его грешная, но все-таки не окончательно пропащая душа уже растает с измотанным телом. Недаром узкоглазого старичка почтительно именовали сэнсэем. Потому что учил он полковника таким боевым искусствам, демонстрировал такие навыки разбивания пальцем кирпичной кладки либо дубовых досок, что все обладатели черных поясов повесились бы на этих своих поясах от стыда за собственное неумение. И Дрон Петрович волей-неволей проникался уважением к японцу, поскольку не уважать человека, без ущерба для здоровья разгрызающего подключенную к сети стоваттную лампочку, было просто невозможно.

Однако разгрызание лампочек и разбивание кирпичей было только иллюстрацией к тому, что внушал Бусидо-сан полковнику во время медитаций. К процессу медитации старик относился трепетно, того же требовал и от бывшего начальника охраны женской колонии. Например, перед началом медитации Дрон Петрович, изрядно попотевший на тренажерах и при выполнении различных боевых стоек, должен был обязательно принять душ с особыми травами, от запаха которых голова становилась ясной и бездумно-пустой, как вестибюль загса во время майских праздников.

Очищенный телесно полковник, сменив кимоно, являлся в маленькую полутемную комнатку с медным изваянием какого-то голопузого божка, сосредоточенно созерцающего свой пупок. Возле статуи стоял треножник с курящимися ароматами. Сэнсэй уже ждал, сидя на жесткой циновке и полуприкрыв глаза сморщенными темными веками. Когда полковник усаживался напротив, тоже скрестив ноги, сэнсэй открывал глаза и начинал, мерно покачиваясь, распевно говорить что-то на непонятном языке. Ароматы вперемешку со словами проникали в мозг Дрона Петровича, он чувствовал, что его сознание странно раздваивается: одна часть полковника Кирпичного с неослабевающим удивлением следила за тем, что вытворяет другая часть. И поглядеть было на что. Введя полковника в транс, Бусидо-сан брал из маленькой жаровни голыми руками раскаленные угольки и давал их подержать полковнику до тех пор, пока они не остывали, причем на ладонях Дрона Петровича не наблюдалось абсолютно никаких физиологических последствий этого ужаса. Но углями дело не ограничивалось: Бусидо-сан принимался за иглы. Напевая что-то вроде гимна, он аккуратно прошивал плечи своего ученика насквозь, при этом кровь не заливала белоснежного кимоно, да и сам ученик не выказывал признаков болевого шока.

Пока полковник пребывал в транс, раздвигалась в медитационной комнатке ширма со спящим драконом и к обществу двух мужчин присоединялась женщина, чьи глаза горели, как два зеленых светофора. Бывшая черная ведьма Анастасия Либенкнехт глядела этими жуткими глазами прямо в душу полковника и приказывала, приказывала, приказывала... Убить. Уничтожить. Захватить. Выпытать государственные тайны. Отомстить. Звучали незнакомые имена: Авдей и Виктория Белинские, Калистрат Бальзамов, Инари Такобо... Впрочем, одно имя было уже знакомо и, видимо, потому повторялось чаще других, звеня, как бронзовый гонг: Синдзен, Синдзен.

Полковник механически кивал головой, безжизненным голосом повторяя за Анастасией имена, адреса и приказы. Потом старуха уходила, спящий на ширме дракон благополучно продолжал дремать, а Бусидо-сан выводил полковника из состояния транса и с вежливой японской полуулыбкой говорил, что Кирпичного ждет завтрак.

После завтрака (почти всегда состоявшего из вареного риса, сои, рыбы и какой-то распаренной зелени, которую полковник презирал) у Дрона Петровича было полтора часа отдыха. Именно столько времени длился очередной фильм из научно-познавательной серии «Страны и континенты». Видеокассет с другими записями в комнате отдыха просто не было, и полковнику

от нечего делать пришлось пялиться на экран, где разворачивались панорамные виды Борнео, Таити, Монблана и Курильской гряды. В комнате отдыха был и стеллаж с книгами, но, посмотрев названия, полковник решил, что видео лучше. В самом деле, странно было бы ждать от Кирпичного, что он примется изучать «Закат Европы» Шпенглера или кантовскую «Критику чистого разума». Тем более что в таких книгах даже картинок не было. А полковник с детства любил исключительно книжки с картинками. Или хотя бы с обнаженными женщинами.

Кстати, о женщинах. С той самой безумной ночи, когда полковник был участником разнузданной фантастической оргии, Дрона Петровича не посещали не только пикантные мысли, но и желания. Оно и немудрено, поскольку физподготовка вкупе с медитациями и скудной пищей отнимала у Кирпичного все силы. Мало того. Полковник не то что о женщинах — о своей собственной судьбе не мог помыслить связно. Слово его мозг был заблокирован в этом направлении. Слово отныне Дрону Петровичу разрешалось мыслить только о покушении на врагов госпожи Анастасии, подготовке террористических актов, боевых искусствах и опять — об уничтожении врагов. Имена врагов назойливо кружились в сознании, как комары над свечкой. Поначалу полковника это бесило. Потом пугало — как же так, его просто программируют, как в зарубежных фильмах про спецагентов. А потом... Полковник просто перестал беспокоиться. И хорошо, что, бредясь, он не особенно разглядывал себя в зеркале. Иначе бы он испугался своих глаз — пустых и прозрачных, как целлулоидные шарики.

После отдыха полковника снова отправляли на тренировку, но теперь уже в тир. Здесь молчаливый тренер вручал ему когда пистолет, когда снайперскую винтовку, надевал наушники и смотрел, какие Дрон Петрович показывает результаты. Кирпичный стрелял неплохо, но, как оказалось, от него требовался просто мастер-класс. Поэтому снова и снова в глубине тира вставляли черные силуэты простреленных мишеней, и полковник стрелял, стараясь попасть в самый центр белого круга размером с мушиный глаз...

Стрельба сменялась спаррингом — под контролем Бусидо полковник боролся с крепкими, верткими парнями, которые, сходясь рукопашную, в отличие от полковника вооружены были то нунчаками, то шипастыми перчатками, то работающей бензопилой. Задачей Дрона Петровича было одолеть всех противников и остаться при всех своих членах. После этой борьбы вконец измотанный полковник вновь шел в душ, а потом принимался за поздний обед. Или ранний ужин. Часов у Дрона Петровича не было, окон в комнатах его пребывания — тоже, поэтому точного времени он никогда не знал. Иногда полковнику начинало казаться, что его жизнь растянулась в один сплошной день, состоящий из драк, стрельбы, свинцовой штанги и страшной бабы с ярко-зелеными глазами...

Кирпичный засыпал сразу, едва охранник подводил его к дверям комнаты-камеры. Жесткая постель пахла хлорамином и неволей, но полковник не замечал этого. Сон его был глубок и глух, как заброшенный деревенский колодец. И полковник не знал, что его, спящего, каждую ночь посещает женщина, которую он так боится, и, подсвечивая себе своими пылающими глазами, колет полковника маленьким шприцем-пистолетом с прозрачной красноватой жидкостью. А потом, когда инъекция действует и полковник начинает метаться во сне и бессвязно говорить о том, как ему плохо, как его мучают и как раньше его жизнь была проста, и если бы не крысы, он бы не сдался, женщина достает из кармана диктофон и с видом зоолога, наблюдающего за редкостной морской свинкой, записывает все откровения бывшего начальника охраны.

Полковник продолжает спать, женщина уходит. Она идет из своего роскошного особняка в парк, уже засыпанный снегом. Там она бродит среди деревьев, не боясь ни холода, ни волков, постоянно кружащих вокруг ее дома. Она поднимает лицо к небу и беззвучно шепчет:

— Силы, бывшие со мной когда-то, придите снова! Могущество, утраченное по воле врагов, вернись, чтобы я отомстила!

Она потрясает худыми кулаками, а глаза ее горят так, что волки предпочитают убраться подальше. Слишком уж грозно даже на волчий взгляд выглядит эта извозившаяся в снегу костлявая старуха. Волков можно понять. У них нет чувства юмора. Иначе бы они обязательно отметили, что эта грозящая всему миру фигура выглядит скорее смешно, чем страшно.

* * *

Show must go on!

Queen

— Скорее смешно, чем страшно. Вот как это выглядит, — ответил хмурый Авдей и принялся протирать кафель.

Татьяна Алексеевна только вздохнула. И это называется семья?..

С тех пор, как Авдей в сопровождении тестя, прекрасной японки и дракона-бизнесмена впервые навестил свою супругу, обзаведшуюся чешуей и парой внушительных крыльев, прошел целый месяц. Трижды в неделю, по понедельникам, средам и пятницам Авдей с достойным для любящего мужа постоянством отправлялся на далекий полигон, где среди сугробов в вечерней полумгле постепенно обретали материальность стены офиса Московской Управы драконов. Авдей (и Инари-сан с ним) спускались в Обиталище Наследницы, и писатель-фантаст получал уникальную возможность созерцать, как его жена-дракон поглощает бананы, рычит, изрыгает раскаленный пар (пламя у Вики почему-то не получалось) или спит, тревожно подрагивая кончиком зазубренного, как пила, хвоста.

В состоянии бодрствования Вика очень часто видела перед собой человеческую фигуру, подпрыгивающую и кричащую: «Это же я! Прекрати шипеть! Возвращайся домой!» Однако вид этой фигуры не вызывал в драконихе ничего, кроме кошмарной головной боли. Поэтому едва фигура появлялась у прозрачной магической стены Обиталища, Вика с ревом и разверстой пастью, в которой свободно поместился бы приличный копировальный аппарат формата А3 или компьютер со всей периферией, кидалась на стену, стремясь произвести своим видом самое отталкивающее впечатление. После каждого такого посещения Вике было тоскливо и тревожно. Она чувствовала себя неуютно, отказывалась есть бананы и теряла в весе.

Авдей же все-таки не терял надежды на возвращение жене человеческого облика. Тем более что эти его чаяния горячо поддерживала Инари. Она утешала Авдея, уговаривала его быть стойким в несчастье, цитировала Сайге и Конфуция. Кроме того, благодаря Инари Авдей перезнакомился со многими важными драконами и стал запросто вхож в круги правления МУДРАКа. Как оказалось, большинство драконов были весьма состоятельными людьми (как ни парадоксально это звучит): бизнесменами, владельцами акционерных обществ и даже правительственными чиновниками. Правда, положением своим и богатством они вовсе не кичились, в разговоре были просты и демократичны, сочувствовали Авдею, а некоторые из укрывающихся от налоговой полиции олигархов даже купили в магазинах его книги и смущенно попросили автограф... Словом, со всеми людьми-драконами Авдей нашел общий язык. Со всеми, кроме своей жены. Которую, кстати сказать, остальные драконы уважали как чистопородную и побаивались как ведьму. Одним словом, ситуация с Викой выглядела скорее смешно, чем страшно, как указывалось ранее. Но от этого писателю Белинскому легче не

было. А самое досадное — Баронет вдруг подхватился и умчался куда-то в неизвестном направлении, кратко бросив родственникам: «Проблемы. Срочно вызывают», оставив зятя и Татьяну Алексеевну в полном неведении — строить версии и заниматься воспитанием Марьи и Дарьи.

Девочки изводили папу и бабушку ежедневными вопросами о том, куда пропала мама. Сказкам о том, что мама гостит у больной подруги, они справедливо не верили. При этом прагматичная Марья сказала так:

— За это время можно уже целую больницу подруг вылечить или даже похоронить. Где мама?

Дарья же вдруг потрясла отца тем, что втихомолку принялась набивать свой маленький пестрый рюкзачок трусиками, таблетками аспирина и пачками крекеров. Рюкзачок был при уборке обнаружен под кроватью, там же Авдей нашел свой старый карманный фонарик и завернутый в банное полотенце меч, врученный писателю в качестве литературной премии одним из престижнейших издательств. На вопрос: «Зачем тебе все это, Дарья?!» — дочь сначала по-партизански отказывалась отвечать, а потом, разревевшись, заявила, что она хочет идти искать маму, а меч ей нужен, чтобы защищаться от врагов, как бесстрашный горец Макдауэлл...

«Дети! Чего же ты хотел — чтобы они о матери родной забыли?!» — справедливо заметила тогда теща. Авдей, конечно, ни в коем случае не желал, чтобы дочки забыли Вику, но их постоянно похоронный вид и чересчур бесшумное хождение по квартире наводили писателя на грустные мысли. Хуже того. Собственные дети стали казаться ему какими-то ирреальными, как в фильмах про привидения и вампиров. В полнолуние он ненароком заглянул в детскую — проверить, спокойно ли девочки спят. И остановился на пороге, похолодев от вцепившегося в ребра ужаса. Марья и Дарья, облитые серебристым молоком лунного света, проникавшего сквозь незашторенные окна, с закрытыми глазами кружились посреди комнаты в сомнамбулическом трансе. Авдей попытался переступить порог детской — и не смог, как в страшном сне наблюдая за этим действием и не в силах остановить его. Девочки потанцевали и все так же, не открывая глаз, держась за руки, прошли сквозь стоявшего в дверях папу. И благополучно рассыпались серебристой пылью, едва Авдей с придушенным воплем глянул им вслед... На грохот упавшего мужского тела прибежала полусонная Татьяна Алексеевна. Она включила свет, привела зятя в чувство и с пониманием выслушала его спутанный рассказ о том, что он видел. После чего они вместе подошли к девчоночьим кроваткам. Машка и Дашка безмятежно спали, прижимая к себе любовно замусоленных плюшевых медведей...

— Не понимаю... — прошептал Авдей.

— Водки выпей — все пройдет, — в ответ прошептала теща и заботливо отвела зятя на кухню.

— Чего тут непонятного? Это наверняка мороки были. Полнолуние, вот они и бродят...

— А вы откуда знаете?

— Ну... Знаю, и все, — уклонилась от ответа полковничиха в отставке и тоже хлопнула рюмашку «Лужковской-люкс».

Наутро Авдей вместо того, чтобы вести девочек в сад, а самому ехать на киностудию (по одному из его романов собрались снимать эротический боевик «Девять с половиной мечей»), остался дома и принялся бесстрашно штудировать принадлежащую Вике книгу с заманчивым названием «Как отличить морока». Первые пять прочитанных страниц повергли его в уныние — судя по перечисленным признакам, мороком был не только он сам, но и теща, и Баронет, и

даже пара знакомых писателей-фантастов...

Словом, жизнь превратилась в тихий повседневный кошмар. Если бы не Инари.

Однажды, после того, как они в очередной раз вместе навещали Вику, Инари вдруг сказала Авдею, что хотела бы увидеть его дочерей и тещу. И едва прекрасная японка переступила порог жилища Белинских, она словно зачаровала всех! Девчонки прилипли к ней, как мухи к меду, упрашивали, чтобы тетя Инари поиграла с ними и сделала из их косичек такие же, как у нее, прически. Татьяна Алексеевна же была в восторге от того, что Инари тоже любит есть тофу (соевый творог) и прекрасно готовит сасамакидзуси, хотя Авдей не понимал, что такого вкусного в колобках из вареного риса с уксусом и кусочками сырой рыбы. Впрочем, то, что приготовила госпожа Такобо, он готов был есть без возражений, будь то хоть копченая саранча...

Вместе с Инари в дом проникла атмосфера легкой влюбленности, от которой хотелось совершать приятные глупости вроде дарения подарков, выращивания орхидей и грибов-вешенок, сочинения лирических стихов и собственноручной починки протекающего на кухне крана... Марья и Дарья проявляли свою любовь в том, что воодушевленно изрисовывали для тети Инари целые альбомы, хотя раньше ни Авдей, ни Вика не видели у них интереса к художеству. Татьяна Алексеевна заказала по каталогу и, гордясь собой, вручила японке полный набор модной кислородной косметики «Фаберлик», что, по мысли Авдея, являлось несомненным признаком истинно женской солидарности.

Инари тоже не оставалась в долгу. Недаром японцы славятся самым деликатным, вежливым и любезным народом. Инари каким-то образом узнала, что Татьяна Алексеевна мечтает приобрести собрание сочинений Ясусари Кавабата, раздобыла-таки его и, смущенно улыбаясь, преподнесла теще книги, завернутые в фуросики с тысячекрылым журавлем. Девочкам она подарила по кимоно с поясами, ткаными вручную, и сама же их в эти кимоно нарядила, объясняя, что именно так одеваются японские девочки во время традиционного весеннего праздника кукол...

Авдей втихомолку любовался Инари, восхищаясь и страдая одновременно. Он самому себе боялся признаться в том, что его отношение к прекрасной японке давно вышло за приемлемые границы целомудренной дружбы. Безупречная и в то же время удивительно трогательная красота Инари довела писателя до бессонницы и трех скоропалительно испорченных венков сонетов. Эта женщина словно была всюду. Падающий снег напоминал о совершенной белизне ее кожи, стелющиеся над землей ветви плакучих ив — о ее хрупкости и грации, а ослепительные в морозном ночном небе звезды были столь же недоступны. И если раньше Авдею, как честному супругу, снились сны исключительно с участием Вики, то теперь в его воспаленных сновидениях царил Инари. Да еще как царил! Она приходила к нему в алом, с золотым широким поясом, кимоно; с грацией, достойной стихов Сайге, распускала пояс, и складки ее одежд струились на пол, подобно алому водопаду. Инари поднимала тонкие невесомые руки, вынимала нефритовые заколки из строгой прически, и блестящие черные волосы окутывали всю ее фарфоровую фигурку. Дивное созданье, сияя очами, принимало к истомленным желанием губам писателя Белинского, но вместо того, чтобы одарить эти губы бесконечным сладостным поцелуем, Инари шептала:

— Пожалуйста, не забудьте купить Вике еще бананов.

Тут сон окончательно портился. Потому что в него (то есть в сон) врвался сиренево-серебристый дракон и, полыхая как взорванная бензозаправка, принимался вопить:

— Изменник коварный! Я отдала тебе лучшие свои бананы, тьфу, то есть годы! Да я тебя знаешь во что превращу?! В унитаз общественного туалета на Курском вокзале! И быть тебе унитазом до конца дней своих! И пусть твой сливной бачок постоянно ломается!

Понятно, что после подобных сновидений человек просыпается в холодном поту и судорожно пересчитывает свои конечности. И романтические мысли не посещают его голову примерно несколько часов.

Но когда приходила Инари, все страхи и сомнения казались Авдею смешными. Главным становилось то, что он мог коснуться узкой нежной ладони, слушать голос, любоваться посадкой головы и плавной линией бедра... Благо еще то, что Татьяна Алексеевна тоже как бы ослепла в своей очарованности прекрасной японкой и не замечала явных симптомов влюбленности своего непутевого зятя. А то Авдею кошмарные сны точно показались бы явью.

Более того, Татьяна Алексеевна отнюдь не препятствовала весьма частым совместным прогулкам Инари и Авдея то в Третьяковку, то на Воробьевы горы, безропотно оставаясь дежурить с Машкой и Дашкой. А влюбленный и оттого полный вдохновения писатель отправлялся со своей пассией на дачу в Переделкино — любоваться снегом.

Снега для начала зимы действительно выпало много. Авдей и Инари бродили по узким тропинкам сонного парка, любовались деревьями, похожими на девочек-католичек, одетых к конфирмации...

— В Японии, — говорила Инари, — есть праздник снега. Мы очень любим это время. Также уезжаем в парки или в дальние горные монастыри, где снег лежит, как нетронутое полотно... Там прекрасно!

— Я не позволю вам уйти в монастырь, Инари, — улыбался Авдей. — На кого вы меня оставляете?

Инари смотрела на него с непониманием. А потом — с пониманием и испугом в темных глазах.

— Не следует этого говорить, Аудэу-сан...

— Почему? — дыхание Авдея смешивалось с дыханием Инари.

— Вы женатый человек. У вас есть дети.

— Да. И что из этого, если я люблю вас?

— Аудэу-сан...

Хлопья снега падают на целующихся мужчину и женщину. Тишина стыдливо обходит их стороной.

— О Амаэрасу! Я чувствую себя преступницей...

— Скорее, это я преступник. Инари, сокровище мое, ну перестань плакать.

— Ах, Аудэу! Ведь я стала сестрой Вики! Мы принесли друг другу обещания вечной дружбы. А я предала ее, посягнув на того, чье сердце должно принадлежать только ей одной! Будь на моем месте даже дешевая гейша из веселого квартала, и то не сотворила бы того, что сотворила я!

— У нашего преступления есть смягчающие обстоятельства. Мы полюбили друг друга.

Авдей вновь целует мокрое от слез и снега лицо Инари, но та вырывается из его объятий и отходит, отрицательно качая головой.

— Нет. Прошу вас, Аудэу-сан, выслушайте меня! Вы полюбили меня не по своей воле!

— Что за чепуха, Инари...

— Это правда. Неужели вы забыли, что я — тоже дракон, как и ваша супруга?

— А это что-то означает?

— Да. Дело в том, что природные драконы имеют свойство возбуждать любовь к себе, очаровывать людей. И я очаровала вас, потому что...

— Что?

— Полюбила. Я увидела вас давно, случайно... Вы выступали по телевидению в каком-то шоу, и я... Ваш образ будто нарисовали тушью в глубине моего сердца. Потом я встретила с русскими драконами, а потом познакомилась с Викой. Но поверьте, сначала я не знала, что Вика — ваша жена! Лишь когда мы обменялись душами...

— Что?!

— Это сложный обряд у природных драконов, при котором решившие породниться узнают все о жизни и мыслях друг друга. Так я узнала, что мой возлюбленный уже несвободен и принадлежит моей подруге.

— А что о тебе узнала Вика?

— Что я страдаю от неразделенной любви, — слабо улыбнулась Инари. — К некоему неизвестному.

— Инари, милая... Моя любовь к тебе...

— Молчите, умоляю вас! Это были только чары. И еще, — Инари решительно пошла по тропинке прочь из леса; лицо ее светилось неестественной бледностью. — Это моя вина в том, что вас не узнаёт Вика. Помните тот раз, когда вы пришли с господином магом и господин маг превратился в змея? Я солгала Вике, что господин маг — ее супруг, поэтому она так и обрадовалась ему...

— Боже мой... Но почему она потеряла сознание, когда увидела меня?

— Простите, Аудэу...

— Говорите же!

— Я сказала ей, что вы зубной врач, пришедший ее осмотреть. Я же знаю, что Вика смертельно боится стоматологов,

Авдей чуть в сугроб не сел.

— Теперь понятно, — после тяжелого молчания сказал он, — почему Вика всегда встречает

меня таким ревом...

Инари опустила глаза.

— Простите меня, — прошептала она. — Это все из-за любви к вам. Мне хотелось, чтобы вы подольше побыли со мной. Я преступница. Вы вправе меня презирать.

Авдей неловко обнял Инари:

— Успокойся. Пожалуйста. Что ж теперь делать...

Инари только вздохнула.

Они встречались почти каждый день. Авдей говорил теще, что едет снова навестить Вику, а сам, чувствуя себя полным негодяем, покупал букет белых камелий и шел на свидание с Инари. Японка встречала его в своей маленькой квартирке, снятой для нее корпорацией «Новый путь». Инари улыбалась, устраивала чайную церемонию, но за ее грациозностью, улыбкой и нежной речью угадывалась печаль.

— Нет, нет, Аудэу, — качала она головой, когда Авдей, изнемогая от страсти, принимался развязывать пояс ее кимоно. — Я не позволю вам этого.

— Но почему?!

— Как я посмотрю в глаза вашей жене? Нет. Все что угодно, но только не это...

Авдей отступал перед такой твердостью. Иногда японка представлялась ему изысканно-недоступной и холодной, как вода из горного родника. О Вике он никогда не думал подобным образом. Вика была огненной женщиной. Во всех смыслах.

Раздираемый между страстью и долгом, Авдей и не заметил, как читающая общественность принялась всю трубить о десятилетии его литературной деятельности. Он вспомнил о том, что является не просто писателем, но еще и почетным членом элитарных ПЕН-клубов, председателем жюри ежегодной литературной премии «Сателлит», присуждаемой молодым авторам. Вспомнил потому, что ему принялись звонить из всех этих организаций и учреждений, выясняя, каким образом писатель Белинский, краса и гордость российской фэнтези, собирается отметить столь значимую дату. Авдей растерялся: ему сейчас только помпезных торжеств и не хватало, особенно если учесть, что дома дети смотрят на папу как на врага всех покемонов, а теща недвусмысленно намекает на то, что она в гувернантки не нанималась...

Так что все вопросы, связанные с юбилеем, Авдей сбросил на своего промоутера, поставив только два условия: чтобы все было скромно и тихо. И не более ста приглашенных.

За день до торжества Авдей позвонил Инари.

— Удобно ли будет, если я приду, — засомневалась японка.

— Если ты не придешь, я оставлю всю эту братву пьянствовать и есть икру, а сам приеду к тебе, — грозно пообещал Авдей, и Инари согласилась присутствовать на вечере.

(Если быть предельно откровенными, то детям и теще Авдей о вечере в свою честь даже не заикнулся).

Мероприятие прошло благопристойно и чинно. Было много речей (официально-хвалебных и хвалебных с юморком), актеры любительского театра-студии при Союзе писателей России, неловко махая мечами, изобразили батальную сцену из авдеевского романа, потом Белинскому вручили очередную премию, причем очень оригинальную: яшмовую фигурку крысы, сидящей на друзе горного хрусталя. Лицо женщины, вручавшей статуэтку, было полускрыто вуалью.

— Какую организацию вы представляете? — негромко спросил Авдей, принимая премию.

— Те, кто придет, — загадочно ответила женщина, и непонятно было: то ли это название организации, то ли еще какая чертовщина.

После всех поздравлений Авдей, чувствуя себя невыносимо усталым, выдавил из себя благодарственную речь. И начался банкет. Авдей усадил Инари рядом с собой, избегая отвечать на вопросы типа: «Авдей Игоревич, а где ваша супруга?»

— Инари, нам надо бежать отсюда, — прошептал Авдей японке.

— Почему? Ведь эти люди собрались здесь ради вас.

— Я думаю, моего отсутствия уже не заметят... И действительно, банкет находился уже в том градусе, при котором отсутствие виновника торжества воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

— Инари, пожалуйста, поедем к тебе, — принялся упрашивать Авдей, едва они сели в такси. — Уверяю, я сейчас абсолютно безопасен и годен лишь на то, чтобы пить аналгин с нарзаном. Я у тебя просто посижу в тишине, остыну от всей этой болтовни...

— Хорошо.

Машина тронулась, Инари внимательно поглядела на Авдея.

— У вас болит голова? — внезапно спросила она.

— Что голова, она кость! Такое впечатление, что у меня болит все до последней нитки в носках.

— Это странно, — в глазах японки появилась какая-то нечеловеческая глубина. — Такое бывает, если навести на человека порчу или дать ему заклятый предмет.

— Чепуха, — поморщился Авдей. — Да и не давали мне ничего... Стоп! Яшмовая крыса!

Он раскрыл свой дипломат, где лежала статуэтка, и скорчился от новой волны боли.

— Перепил мужик... — сочувственно покачал головой водитель.

Инари во все глаза глядела на крысу.

— О милостивый Амиду, — прошептала она помертвелыми губами. — Неужели они теперь и здесь?!

Не обращая внимания на вопросы Авдея, она положила дипломат к себе на колени и уставилась на статуэтку долгим немигающим взглядом. Глаза ее при этом стали переливчато-золотыми, как бумага для упаковки подарков. Под взглядом Инари фигурка претерпела разительные перемены: вместо яшмы и хрусталя в дипломате Авдея теперь лежала полуразложившаяся, кишачая червями вонючая крыса, зажавшая в лапках остатки тряпки, в

которой Авдей опознал свой давно выброшенный на помойку галстук.

— Аудэу, вам дорог этот чемодан?

— Нет.

— В таком случае откройте окно.

Инари захлопнула дипломат и, едва они въехали на мост, швырнула его в Язу.

— Боже, Инари, да ведь теперь вода будет отравлена...

— Нет. Неужели вы не поняли — это было заклятье на вашу, исключительно вашу гибель. Какой ужас! Давно не было ничего подобного...

— Объясните же мне...

— Вас хотели уничтожить при помощи черного колдовства. У нас в Японии этим занимаются тэнгу — злые духи, оборотни, полулюди-полудемоны. Они подчиняют себе лисиц, барсуков и крыс и с их помощью творят злодеяния. Не думала, что встречу такое в России...

В квартире Инари Авдею стало легче.

— Я приготовлю для вас целебный чай, а пока греется вода, сделаю вам шиацу.

— Это не больно? — пошутил Авдей. Инари мягко улыбнулась:

— Это традиционный массаж. Он помогает снять усталость и боль.

Чуткие пальцы Инари творили просто чудеса. Авдей ожил настолько, что принялся целовать ладони прекрасной японки.

— Перестаньте, Аудэу, вы же обещали...

— Перестать — это выше моих сил.

— У меня выкипит вода для чая. Не троньте платья. Мне надобно на кухню.

— Так что ж ты не идешь?

Инари вздохнула:

— Ах, Аудэу... В моей душе совесть сражается с желанием, и я не знаю, кого мне хочется назвать победителем...

Авдей привлек к себе женщину, чье лицо отправило бы в путь тысячи искусственных спутников Земли, и прошептал:

— Пусть все сражения подождут до завтра...

Пьяный от счастья, окрыленный любовью и полный восторга от недавнего обладания дивной женщиной, Авдей вернулся к суровой реальности, то есть вернулся домой где-то около полуночи. Для любопытствующей тещи (если та еще не спит) у него была заготовлена правдоподобная ложь о том, как долго длился банкет, а потом одному упившемуся драматургу

пришлось вызывать бригаду «скорой помощи»... Но едва Авдей открыл дверь, как почувствовал, что в квартире что-то неладно.

Воздух был словно стеклянный, неподвижный и почему-то намекающий на близкое присутствие гипотетического склепа. Ни в одной комнате, кроме гостиной с кораблями, не горел свет. Да и за дверями гостиной свет был какой-то странный: дрожащий, неверный, словно горели свечи, которых Вика в доме старалась принципиально не держать.

Из гостиной доносился негромкий говор. Маша и Даша что-то увлеченно рассказывали, но голоса их звучали, словно во сне — стеклянно и неестественно. А потом зазвучал другой голос, и от этого счастливую беспечность Авдея мгновенно смыло холодной волной ужаса, как прорвавшаяся сквозь плотину река сносит детский бумажный кораблик.

Авдей, стараясь не дышать и уж тем более не топтать ногами, скользнул по стене и замер у полуоткрытой двери гостиной так, чтобы оставаться незамеченным для тех, кто там сидит, и при этом услышать, о чем идет разговор.

— Вы правду говорите, что наша мама ведьма? А откуда вы это знаете?

— Дяденька, если бы наша мама была ведьмой, она бы делала пальцами вот так — *щелк* — и у нас была бы куча игрушек и живая лошадка, и Ромка Федин не насовал бы мне песку за шиворот...

— Дяденька, а ведьмы — злые?! Но ведь наша мама не злая...

— Милые дети, — заговорил полночный гость, и Авдей опять похолодел. — То, что я вам сказал, — истинная правда. Ваша мама — ведьма, но вы не должны ее бояться или стыдиться ее призвания. Ведь ваша мама умеет такое, что не способны сделать лучшие маги мира.

— Почему же она от нас это скрывала?! — Марья, как всегда, сурова и прагматична.

— Потому, что среди ведьм принято сообщать такие сведения своим деткам лишь тогда, когда те достигнут совершеннолетия. Но в случае с вашей мамой обстоятельства изменились. Видите ли... Ваша мама сейчас...

— Пожалуйста, не говорите нам, что она гостит у подруги. В это мы уже не верим.

— Ваша мама допустила одну малюсенькую ошибку в заклинаниях и превратилась...

— В лягушку? — испуганный голос Дарьи.

— В «Мисс Вселенная»? — это Марья.

— Нет. В дракона.

— Ой!

— Класс!

Авдей стиснул зубы. Вся система секретности, возведенная вокруг Викиной профессии ради блага и психического спокойствия подрастающих дочерей, рушилась в одночасье усилиями некоего незнакомца, от одного звука голоса которого почему-то хотелось немедленно натереться чесноком и увешаться серебряными цепями.

«Где же теща? — отчаянно принялся размышлять Авдей. — Мертва? Без сознания? Кто он такой, как проник в дом? Почему здесь все так странно? Уж не тот ли это, кто охотится в ночи...»

— Авдей Игоревич, — донесся из гостиной исполненный холодной вежливости голос, — полноте стоять в коридоре и терзаться догадками. Что ж вы не заходите? Мне, как гостю, право, неловко.

Авдей шагнул в гостиную, словно под гипнозом. В голове его вдруг зазвучал тонкий неживой голос, напевающий что-то вроде: «О вампирах много песен сложено. Я спою тебе, спою еще одну». Он огляделся.

В гостиной действительно горело множество свечей, но воздух был холодным и безжизненным. А на диване, элегантно положив ногу на ногу, в окружении Машки и Дашки сидел самый настоящий вампир. Завидев Авдея, он встал и неуловимо переместился, оказавшись прямо рядом с писателем.

— Успокою вас сразу относительно почтеннейшей Татьяны Алексеевны, — сказал он, чуть обнажая матово блеснувшие клыки. — С нею все в порядке. Просто она на кухне, готовит овсянку для девочек. По моему совету.

— Как вы смогли пройти в дом? — мрачно спросил Авдей.

— Вы имеете в виду ту легенду, согласно которой вампир не смеет переступить порог человеческого жилища, пока не получит приглашения? К счастью, у меня несколько иная ситуация. Я имею персональный допуск в ваш дом, данный ведьмой Виккой, поскольку являюсь генеральным директором радиоканала, на котором работает ваша прелестная супруга. — С этими словами вампир протянул Авдею визитку.

— Пальцев Петр Николаевич? — прочел Авдей готическую надпись. — Что ж вы сразу не объяснили, что вы с Викиной работы. Я такое подумал...

— Понимаю вас, — худой, изможденного вида вампир мягко улыбнулся, хотя лицо его при этом оставалось подобным мраморной надгробной маске. — Вряд ли в повседневной жизни вы часто встречаетесь с детьми Тьмы.

— Папа, — подала голос Марья, — почему ты нам никогда не рассказывал про то, что мама — ведьма и дракон?

Авдей окончательно пришел в себя и сурово глянул на вампира:

— Зачем вы выдали нашу семейную тайну девочкам? Вика была противницей подобных разговоров!

Глаза вампира замерцали, как льдинки под лунным светом.

— Вы не правы, — ответил он. — От детей все равно ничего не скроешь, поверьте моему опыту. Вы думаете, мне легко было сознаться собственной жене в том, что в одну прекрасную ночь образ моей, гм-м, жизни претерпел радикальные изменения?! Благодарение Тьме, Марго оказалась понимающей женщиной, и после того, как я инициировал ее, сама *сотворила* из наших детей вампиров. А что делать? Такова жизнь. Кто художник, кто писатель, а кто вампир — и всем нужно место под этим негостеприимным небом...

— Бытовая философия... — сквозь зубы процедил писатель Белинский.

— Возможно, — мягко согласился вампир. — Однако я появился в вашем доме не для того, чтобы философствовать. Думаю, это вы поняли. Позвольте мне снова присесть?

— Да. — Авдей и сам устроился в кресле, избегая вглядываться в ртутный блеск глаз ночного гостя. — Кстати, мне было бы спокойнее, если б девочки отправились спать и не присутствовали при нашем разговоре.

— Ну, пап, — тут же заняли дети. — Дяденька вампир еще не рассказал нам, как это — спать в гробу и не кушать баранину с чесноком!

— Девочки, вам еще рано это знать, — посуровел Авдей. — Немедленно в детскую, и чтоб я не слышал ни звука!

— Если угодно, я могу навести на них особый сон, — любезно предложил вампир. — Они проснутся, ничего не будут помнить...

— Нет, благодарю вас. Пусть засыпают естественным образом. Марья и Дарья, я что сказал?

— Пап, ты вредный. У тебя ан-ти-гу-ман-ное поведение, вот. Ну, погоди. Вот мы вырастем, тоже станем сильными-пресильными ведьмами, как мама, и тогда ты нас ФИГ СПАТЬ УЛОЖИШЬ!

С этими словами девочки гордо удалились в детскую, на прощанье улыбнувшись вампиру и скорчив гримаску папе.

— Ох уж эти современные дети, — сочувственно покачал головой вампир Петр Николаевич. — Никакого почтения к старшим. Знаете, Авдей Игоревич, с тех пор, как я инициировал своего младшенького (на момент *сотворения* Митя был тринадцатилетним подростком), он вот уже восемьдесят лет попрекает меня тем, что я сделал его бессмертным с бессмертными прыщами и постоянным желанием охотиться за девочками на танцах. А что в этом плохого, я вас спрашиваю?.. Впрочем, мы отвлеклись.

Авдей разглядывал вампира. На первый взгляд они были почти ровесниками, если не учитывать тот незначительный факт, что на визитке вампира стояли даты 1782-1803, 1803... — Авдей быстренько припомнил все, что когда-то читал или сам писал о вампирах. Помимо возраста, злоупотребления человеческой кровью и спанья в гробах, вампиры обладали даром чтения мыслей, мгновенного перемещения в пространстве и были практически неуязвимы, если не считать серебра и солнечного света. И еще. Вампиры всегда были знатоками и ценителями хорошего костюма, недаром многие из них стояли у истоков возникновения различных модельных агентств и элитных ателье. Гость Авдея был одет с безукоризненным вкусом. Темно-серый костюм сидел на нем без единой морщинки, сорочка светилась снеговой белизной, а неброский, но наверняка созданный в единственном экземпляре галстук был заколот булавкой, выточенной из цельного раух-топаза. Авдей ни на минуту не сомневался, что башмаки, а также и носки любителя полночной охоты тоже созданы вручную по индивидуальному проекту.

— Полно вам разглядывать меня, Авдей Игоревич. Я ведь не за этим пришел.

— А за чем? Поправьте меня, если ошибусь: коль вы, Петр Николаевич, являетесь начальником моей жены, которая вот уже больше месяца не появляется на рабочем месте, вы пришли сюда в надежде на то, что застанете Вику и устроите ей крупный выговор с занесением в личное дело.

— Ошибка, — опять улыбнулся вампир. Было заметно, что улыбка дается ему нелегко — клыки мешают. — Хотя, разумеется, то, что Вика в данный момент не может вести новости на «Еж-радио», меня тоже волнует, как-никак это снижает престиж канала. Но важнее всего другое. Авдей Игоревич, вашей жене, а возможно, и всей вашей семье грозит смертельная опасность.

Авдей выслушал эту фразу, удивляясь собственному спокойствию. В конце концов, этого следовало ожидать. Жениться на ведьме — все равно что проживать в трансформаторной будке, под табличкой с черепом и скрещенными костями.

— Доказательства, — сухо сказал Белинский.

— Иметь с вами дело — сплошное удовольствие, — блеснул клыками вампир Пальцев. — Вот что мы, вампиры, ценим в настоящих людях — сосредоточенность и рациональность, безо всяких пошловатых сантиментов. Итак, для начала позвольте вам продемонстрировать вот это.

Вампир извлек откуда-то из-за спины книгу в темном переплете. «Парфюмер», — успел Авдей прочесть название и слегка подивился тому, что вампир читает Зюскинда. Впрочем, читай вампир Августина Аврелия, было бы еще удивительнее.

Петр Николаевич раскрыл «Парфюмера» где-то на середине и достал оттуда несколько желтоватых листков бумаги. Протянул их Авдею. Тот взял, отметив попутно, какая странная эта бумага — тонкая, полупрозрачная и на ощупь как...

— Кожа. Совершенно верно, человеческая кожа, — без тени эмоций подтвердил вампир. — Погодите, не бросайте! Я понимаю вашу естественную человеческую брезгливость, но попробуйте абстрагироваться и взглянуть на эти лоскутки как на анонимные письма, угрожающие расправой вашей жене. Взгляните сквозь листок на пламя свечи.

Авдей поступил, как велено. И увидел, как на желтоватом фоне проступили черные корявые буквы: «АТАЛПСАР ТЕДЖ ЯБЕТ АККИВ».

— Это что, заклинание? — недоуменно посмотрел писатель на вампира.

Тот глянул на бумажку и досадливо поморщился:

— Вы ее держите неправильно. Нужно вот так... «ВИККА ТЕБЯ ЖДЕТ РАСПЛАТА». На остальных лоскутках сообщалось, что Вику ждет смерть, месть, гибель и позор.

— Эти письма стали появляться не так давно, — пояснил вампир, бережно укладывая анонимки в «Парфюмера». — Их находили на пульте, за которым работала Вика, те, кто приходил вести передачи после полуночи. До полуночи в помещение компании невозможно проникнуть — наложено сильное охранное заклятье.

— И все-таки кто-то проник.

— Да. И это меня больше всего настораживает.

— А может быть, среди ваших сотрудников...

— Исключено, — отрезал вампир. — Я в этом уверен. Тем более что не далее как вчера ночью на одну из ведущих новостного канала было совершено покушение.

— Она погибла?

— Привидение в силу своей морфической структуры не может погибнуть. Но потрясение ее было велико. Дело в том, что эта сотрудница по нашей просьбе приняла облик Вики, имитировала ее голос, чтобы слушатели не задавали вопросов, куда подевалась Белинская. И что же вы думаете? Едва наше привидение село за пульт, как раздался взрыв. Студию разнесло в клочья, дем-джей и привидение отделались ментальным шоком... Но согласитесь, это уже говорит о серьезности намерений Викиного врага.

— Да уж... Но кому это нужно? У Вики давно не было не то что врагов, а даже завистниц. Мы жили тихо, она не летала на шабаши, может, только если порчу на кого навела, и то вряд ли... Правда, то, что она оказалась потомственным драконом, явилось для меня полной неожиданностью... О боже!

— Что?!

— До меня только сейчас дошло! Если на Вику покушались в студии, не исключено, что ее убийцы разнюхают о том, где она сейчас находится! И прикончат ее в таком беззащитном состоянии...

— Не думаю, что дракон так уж беззащитен...

— Вы не знаете Вику! Она может часами жевать бананы и не чувствовать, что со спины к ней крадется враг! Ох, надо предупредить Инари, чтоб с Вики не спускали глаз и удвоили защитный барьер!

— Кстати, — шевельнул носком лакированного ботинка господин Пальцев. — А в каком месте сейчас находится Вика?

Авдей открыл было рот, но передумал и подозрительно воззрился на вампира.

— Bravo, Авдей Игоревич! — изящно хлопнул в ладоши тот. — Вы становитесь осторожным. И правильно делаете. Хотя для меня не составит труда войти в ваш разум и выяснить все, что мне нужно, делать я этого не буду. Мы с вами представители одного лагеря, и, поверьте, у нас с вами общий враг. Поэтому будьте предельно внимательны и старайтесь не открывать душу первому встречному. Даже мне.

Вампир встал, давая понять, что его визит закончен.

— Я предупредил вас об опасности, грозящей Вике и вашей семье. Пожалуй, больше я в данный момент ничем не смогу вам помочь... — Он переместился было к двери, но тут в гостиную вошла, сомнамбулически посверкивая глазами, Татьяна Алексеевна.

— Авдюша, — сказала она неестественно высоким голосом, — а что же ты не предложишь гостю покушать?

Авдей поперхнулся от неожиданности.

— Наш гость уже уходит, Татьяна Алексеевна, — выдавил он.

— О да, — еще одно сверканье клыков и ледяных глаз. — Я действительно ухожу. И к тому же, любезнейшая Татьяна Алексеевна, я поужинал буквально перед визитом к вам. Так что благодарю за заботу...

Легкий порыв ледяного ветра в коридоре — и о посещении полночного гостя напоминал лишь

плотный квадрат визитной карточки, лежащей возле заплывающего воском старинного подсвечника.

«Пожалуй, на сегодня приключений хватит», — решил Авдей, проследил за тем, спокойно ли спят дочери и ушла ли в гостевую спальню теща, а потом и сам, погасив свечи, улегся в гостиной на маленькой софе. Ему казалось, что он заснет мгновенно, но коварный сон не шел. Вместо сна пришла Вика — такой, какой он впервые увидел ее давным-давно, когда выступал в библиотеке Викиного родного городка. Вика присела на краешек кресла, и вид у нее при этом был как у подбитого из рогатки воробушка: печальный, обреченный и взъерошенный. Авдея затопила волна нежности и жалости к этой тихой беззащитной девушке, совсем не похожей на замужнюю Вику — чересчур энергичную, ироничную, вечно занятую и раздражительную...

— Ты меня разлюбил, Белинский, да? — шмыгнув носом, жалобно спрашивает Вика. Сквозь ее пушистые волосы просвечивают паруса клипера «Катти Сарк».

— Нет, что ты... Дурочка, ерунду всякую выдумываешь: разлюбил...

— Не выдумываю, — голос Вики звучит не громче шелеста страниц. Она поднимает руку, и Авдей видит, как сквозь Викину ладонь просачивается лунный луч. — Я же все чувствую. Инари — она очень красивая...

Авдей понимает, что краснеет.

— Инари — это Инари, а ты — это ты, — как-то не очень убедительно говорит он. — И вообще... Ну кто тебя просил превращаться в этого дракона, а?! Когда ты вернешься?

Вика опускает голову:

— *А стоит ли мне возвращаться?*

— Как это? Глупости говоришь... У тебя же дети! Они знают как по тебе скучают!

— *А ты?..*

— Что?

— *Ты как по мне скучаешь? Лю-би-мый. Единственный...*

Бесплотная Вика соскальзывает со стула и приникает губами к уху Авдея:

— *Скучаешь ли ты по мне, сокол мой ясный?*

Авдей хочет сказать, что он, безусловно, скучает, но язык его не слушается. Так и не дождавшись ответа, грустная, тоненькая, как лунный луч, Вика идет к окну, становясь с каждым шагом все туманней и бесплотней.

— Вика, стой! — хочет крикнуть Авдей. — Тебе грозит опасность!

Но Вика уже не слышит его, растворившись в законном снегопаде.

А Авдей понимает, что все-таки он заснул, ибо к реальности его возвращает настойчивый телефонный звонок.

— Да! — он берет трубку и мельком смотрит на часы: половина десятого утра. Ничего себе,

вздремнул.

— Авдей, это я, — окончательно пробуждает писателя голос Татьяны Алексеевны. — Детей отвела в сад, сама пошла по магазинам, потому что в доме до неприличия нечего есть. Вернусь не раньше трех. А ты не забудь, что у тебя сегодня в полдень встреча в клубе любителей фантастики «Лощман». Кстати, с твоей стороны невежливо было не пригласить меня и девочек на твой юбилейный вечер.

— Извините, — давит из себя раба Авдей. От тещиноного голоса у него принимается болеть голова и ныть зубы.

— Ладно, ладно. Завтрак в холодильнике. Прежде чем его (я имею в виду завтрак) разогреть, вынь из микроволновки хомяка. Я его туда спрятала, потому что девчонки бедную зверушку окончательно замучили и затискали.

— Все понял. Иду спасать хомяка. — Авдей положил трубку.

Фуфуня мирно дремала под спиралью гриля. Авдей извлек зверушку на свет божий и отправил ее, сонно помаргивающую, в вольерчик со свежими яблоками и пшеном.

— Счастливый ты человек, Фуфуня, — сказал Авдей, глядя на то, как хомячиха сосредоточенно набивает зерном защечные мешки. — Не надо тебе ходить на встречи с поклонниками фантастики, и вообще...

Что «вообще», Авдей додумать не успел, потому что в пустой квартире раздался еще один телефонный звонок.

— Если это из клуба «Лощман», я их убью, — пообещал хомячихе Авдей. — Я хоть позавтракать имею право?!

— Да! — рявкнул в трубку Авдей и тут же пожалел о своей несдержанности. Потому что голос, ради которого хотелось писать поэмы пятистопным ямбом, робко и нежно произнес:

— Доброе утро, Аудэу-сан. Я не помешала?

— Инари, сокровище мое... Какое счастье тебя слышать! У тебя все в порядке?

— Да... Аудэу, послушайте, у меня всего три минуты, пока господин Синдзен проводит селекторное совещание с руководителями корпорации. Поэтому я буду говорить только о деле. Вы знаете, что в Москву приехал на гастроли театр Но?

— Нет. А это так важно?

— Конечно! Это один из древнейших национальных японских театров. Они играют всего один день и одну пьесу. Уверю вас, это незабываемое зрелище!

— Что ж, тогда я иду покупать билеты.

Инари рассмеялась. В телефонной трубке ее смех звенел как хрустальный колокольчик.

— Какие билеты, Аудэу! Они были распроданы еще за три месяца до гастролей.

— Ну тогда...

— Слушайте меня, — в голосе японки звучало счастливое торжество. — Господин Синдзен обязательно будет присутствовать на спектакле и берет с собой меня как своего референта. А я попрошу его выписать личные приглашения для вас, ваших детей и вашей уважаемой тещи.

— Инари, мне, право, неудобно затруднять тебя...

— Прошу вас, ни слова! Это лишь ничтожная часть того, что я могла бы сделать для вас, Аудэу...

— Инари, милая, до спектакля ли мне... Я хочу тебя видеть!

— Вот и увидимся. Я еще позвоню вам! — и Инари положила трубку.

Скучаешь ли ты по мне, сокол мой ясный?

Авдей тряхнул головой, отгоняя наваждение, и пошел на кухню разогревать завтрак, готовый ко встрече с фанатами фэнтези, японскими актерами и даже таинственным господином Синдзеном. Так что извини, Вика. Некогда скучать. Просто некогда.

И разумеется, совершенно некогда вспомнить о том, что говорил ночью вежливый вампир Пальцев. Об опасности, грозящей Вике. О том, что кто-то весьма жаждет свести счеты с первоклассной и в данный момент очень уязвимой ведьмой.

... Инари сдержала слово относительно билетов. Когда Авдей вернулся из клуба «Лоцман», Татьяна Алексеевна продемонстрировала зятю четыре плотных позолоченных картонки с замысловатыми черными иероглифами.

— Приезжала госпожа Такобо, привезла нам эти приглашения. Они подписаны самим господином Синдзеном!

— Татьяна Алексеевна, вы так торжественно говорите, словно господин Синдзен ни больше ни меньше, как микадо Японии.

— Микадо не снилась такая власть, какая сосредоточена в руках этого господина, — Татьяна Алексеевна бережно спрятала приглашения в секретер. — Мы с мужем ведь не один год прожили в Японии и потому знаем, кто там правит бал. Корпорация «Новый путь», возглавляемая Синдзеном, оказывает решающее влияние на всю мировую политику и экономику...

— О, я прошу, можно без этих лекций... Поесть в доме ничего нет? А то за девчонками бежать скоро, заодно заскочу в издательство «Ad astra», подпишу договор на собрание сочинений...

— Все-то ты бегаешь, — критически поджала губы теща. — Смотри, добегаешься. Обещал меня к Вике свозить, и вот уж какую неделю везешь...

— Как только, так сразу! — заверил Авдей. — И потом, это все-таки тяжелое зрелище: дочь в облике дракона.

— Ничего, я выдержу, — заверила зятя полковничиха, предпочитавшая выполнять супружеский долг тогда, когда ее супруг превращался в змея, и накрыла на стол. — Борщ будешь? А на второе — зразы.

— Все, что угодно, лишь бы не эти ваши японские... сакаки.

Татьяна Алексеевна расхохоталась:

— Сакаки — это не еда, а священное дерево синтоистов! Беда с тобой, а еще писатель. Ешь уж лучше зразы...

Авдей принялся за обед. Настроение у него было такое лучезарное, какого давно не наблюдалось. Однако если бы на него в этот момент посмотрела гадалка-хиромантка Зося Хрустальная, она бы ужаснулась тому, что ожидает Авдея и дорогих ему людей в самое ближайшее время...

Да ведь поначалу все так прекрасно шло...

Театр Но давал свой единственный в Москве, нашумевший на весь мир музыкальный спектакль «Тринадцатый проспект к храму Аматаэрасу». Поэтому зрительный зал был переполнен, публика в нем блистала бриллиантами и общественным положением, так что Авдей поначалу даже почувствовал себя неуютно, особенно когда разглядел в правительственной ложе некоего олигарха, благополучно укрывающегося от ФСБ вот уже несколько лет... Однако олигарх был не важен. Важна была Инари, эскортирующая господина Синдзена. Авдей увидел ее в переливчатом праздничном кимоно, прекрасную, ослепительную, желанную, и весьма рассеянно поклонился, когда его представили главе корпорации «Новый путь». Господин Синдзен выглядел как скромный пожилой клерк фирмы «Сони», хотя его безукоризненный европейский костюм наверняка стоил целое состояние. Обмахиваясь веером, господин Синдзен завел любезную беседу с Татьяной Алексеевной, улыбнулся Марье-тян и Дарье-тян, которые восторженно глазели вокруг и даже забыли выпросить мороженое. Авдей меж тем подсел к Инари. Та посмотрела на него с обычной приветливой улыбкой, но в ее глазах Авдей заметил тревогу и какую-то напряженность.

— Чем ты обеспокоена?

Инари слегка щелкнула пальцами.

— Ах, Аудэу-сан, вам, верно, не понять... Есть в воздухе что-то, что заставляет меня тревожиться. Какая-то опасность, но не пойму — откуда она исходит... Однако знаю, кому грозит.

— И кому же?

— Господину Синдзену. — Инари наклонилась и прошептала в ухо Авдею: — Не далее как вчера к моему боссу явились представители некой фирмы и потребовали от него подписать некий документ. Им в этом было отказано. Я слышала только одно: они пообещали, что господин Синдзен скоро встретится с Кагуя-химэ...

— А что это означает?

— Смерть, — тихо сказала Инари. — Мне надо быть начеку.

— Но разве у вашего босса нет охраны?

— Есть, — просто сказала Инари. — Я — его охрана.

— ...?

— Впрочем, мои опасения могут быть пустыми, — Инари раскрыла веер, разрисованный

цветами сливы. — Давайте лучше любоваться пьесой. Посмотрите, с каким восторгом ваши дети смотрят на сцену. Вышел кокэн. Он объявляет о начале спектакля...

— Картина первая! — громко объявил кокэн-прислужник на сцене.

На задней части сцены была изображена раскидистая сосна с пышными иглами цвета темного изумруда, символизирующая долголетие Императорского Дома. На переднем плане перед зрителями предстал небольшой скромный садик из персиковых деревьев. Рядом стояло несколько раздвинутых ширм, символически изображавших небогатое жилище. На створках ширм были начертаны иероглифы, просящие Небо о милости к падшим. Из-за ширм появился первый актер.

Первый актер. О, какая холодная весна в этом году! Боюсь, для того, чтобы участвовать в процессии по случаю дня Белого Зайца, мне потребуются новые теплые хакама. Эй, младший брат!

На сцене появился еще актер, всем своим видом показывавший смирение и послушание.

Второй актер. Да, господин старший брат?

Первый актер (изображает хохот). Ты правильно назвал меня! Мне уже надоело, что все соседи в округе Киёмори называют меня просто Брат!

Второй актер (робко). Как же они называют меня, недостойного?

Первый актер. Конечно, Двойной Удар! Потому что я всегда бью тебя дважды: до и после завтрака! *(Недовольно.)* Какой ты глупый!

Второй актер. Да, господин старший брат.

Первый актер. Я тебя звал за тем, чтоб узнать, не износил ли ты еще свои новые теплые хакама, которые подарила тебе приемная родительница на день Праздника мальвы.

Второй актер. О нет. Я не смел их надевать. Да и куда они мне...

Первый актер. Ты верно поступил. Все равно ты целыми днями копаешься в золе и саже — одно слово: Сажасан! *(Хохочет.)* Отдай-ка мне свои хакама. Я буду участвовать в процессии ко дню Белого Зайца и не желаю замерзнуть.

Второй актер. О, господин, конечно отдам, я почту это за честь!

Первый актер (самодовольно). Еще бы.

Второй актер. Скажите, господин, а в процессии будет участвовать принцесса Огути-химэ из Главных северных покоев?

Первый актер. Разумеется! И я ее увижу, и, главное, она увидит меня! В новом кимоно и новых хакама! *(Раскрывает веер и, обмахиваясь им, ходит по сцене)* Она обратит на меня внимание и, может быть, даже напишет мне хайку. Или любовное послание. Ступай, принеси хакама да прочисти очаг!

Второй актер. Конечно, господин старший брат. *(Робко.)* А нельзя ли мне издали, хоть одним глазком увидеть, как будет проезжать в серебряном паланкине принцесса Огути-химэ?

Первый актер. Да ты с ума сошел! Тебе ли, измазанному в саже, смотреть на торжественные церемонии! Ты бы еще на бал к самому дайнагону попросился! Видно, нет у тебя никаких дел по дому, раз в голову твою приходят такие бредни!

Дальнейшее развитие сюжета было обычным для старинных легенд и преданий. Старший брат отобрал у младшего всю его приличную одежду, вырядился как дайнагон из округа Суми-Харуко и отправился на торжество полюбоваться прекрасной принцессой. Младший же брат, изливая в горестных стихах свои страдания, принялся выгребать золу из каменного очага. При этом он стонал:

Целый день тружусь, тружусь!

Постылая сажка очернила руки.

Одежда изнасилась, протерлись гэта.

Но знают боги и не знают люди,

Как светел восход и чиста душа.

Поэтические излияния приняты были восторженными восклицаниями зрителей, и тут на сцене появился актер, изображавший доброго духа-ками. Он покровительствовал бедняге Саже еще с его рождения и теперь решил помочь ему. После полутора часов заклинаний и танцев с шелковыми веерами младший брат получил от волшебника полное облачение самурая Восточных покоев и, ликуя, вддел в богатую перевязь прекраснейший меч, а в руки взял драгоценную флейту из сикоморы. Тэта же новоявленного самурая были сделаны из чистейшего золота и украшены искусной филигранью. Разряженный таким образом, бывший бедняк еще получил в придачу роскошный паланкин, сотворенный из тыквы, и дюжину прислужников, в коих превратились обычные жабы. Теперь ему не совестно было отправляться посмотреть на принцессу Огути-химэ, которая направлялась во главе праздничного шествия для поклонения в храм Аматаэрасу по Тринадцатому проспекту.

Следующая картина представляла общенародное празднество в честь Белого Зайца. Зрители смеялись, видя, как старший брат Сажа, нелепый в своих нарядах, пытается обратить на себя внимание принцессы, но не умеет ни проделать замысловатые танцевальные па, ни запеть вместе со всеми благодарственные гимны. Красавица Огути-химэ с презрением закрывалась от него веером, а ее многочисленные служанки осмеивали напыщенного глупца. И тут появился принц Сажа. Он вышел из паланкина, приблизился к Огути-химэ и учтиво произнес:

Цвет бирюзы у моря,

Закат алого цвета.

Вижу я в цвете чая эти глаза напротив.

Разумеется, принцесса, сраженная красотой и учтивостью незнакомца, не осталась в долгу и тотчас написала на рукаве своего кимоно ответ:

Помню все трещинки на чаше,

Из которой выпил любимый...

Уходит мой корабль из гавани.

После этого принцесса призвала своего советника и просила узнать, знатный ли род у юноши, дабы могли они сочетаться браком. И тут, разумеется, вмешался старший брат. Он объявил, что этот красавец не стоит внимания принцессы и к тому же является вором, ибо украл одежду у него, старшего брата. Бедный Сажа бежал, в спешке оставив золотые тэта. Но здесь явился ками, покровительствующий ему, и в изящных стихах повествовал, какая прекрасная душа у юноши и как недостойно обходился с ним его родственник. Рассказ о самурае Сажа запал в душу не только благородной принцессе, но и еще двум женщинам: монахине-горбунье, прислуживающей при храме Аматаэрасу, и красавице-гейше, обучающей всем прелестям чайной церемонии. И следующая картина представляла собой цветущий вишневый сад, где эти три женщины в молитвах изливали душу богине Аматаэрасу, не в силах побороть чувство внезапной страсти...

Монахиня-горбунья (тихо напевает, перебирая четки):

Свет осиял святые своды храма.

Нет, ты прекрасен, словно Фудзияма.

Лет пройдет немало, чтоб сумела я забыть

того, кого греховно смела полюбить!

Горбунья бедная я сызмальства была.

В монастыре среди молений я росла.

Мгла безумной страсти мое сердце увлекла!

Я день свидания с тобою прокляла!

Из кельи скромной в небеса смотрю с тоской...

Я Сутры Лотоса отдам за ночь с тобой...

Гейша (поет, размешивая чай в чашке):

Чай с малых лет искусно я варила.

Май будет в сердце, если любила.

Дай мне хоть надежду, о бесстрашный самурай,

что в чайный домик ты придешь ко мне на чай!

Да, гейша я, и в этом нет моей вины.

В меня богач и бедный равно влюблены...

Сны мне снятся только о твоём большом мече,

хотела б я забыться на твоём плече...

Мне горек чай, коль в скорби сердца я такой.

И сад камней я отдала б за ночь с тобой!

Принцесса (поет, подписывая приказ о четвертовании брата Сажу):

Стон исторгает сердце, страстью тая.

Он не святой, и я ведь — не святая.

Тон приличий светских мне так трудно соблюсти.

О, кто б сумел меня от той любви спасти!

Высокородности крепчайшая печать

меня заставила о страсти не мечтать.

Часть своих сокровищ и дворцов могла б отдать за то,

чтоб став женой, sake ему подать!

И кимоно я орошаю вновь слезой...

Я целый Токио отдам за ночь с тобой...

Вместе:

Все помышления и грезы лишь о нем!

Горит душа любви сияющим огнем!

Днем мы притворяемся, что в строгости живем,

но лишь настанет ночь, любимого зовем!

Его объятий нам оковы так легки...

Ох, что же с нами вытворяют... самураи.

Этой песней закончилось первое действие. Народ повалил в фойе. Татьяна Алексеевна тоже поднялась, взявши внучек за руки, и двинулась с ними к выходу из зала.

— Пойду куплю девочкам фисташкового мороженого, — нарочито громко объявила она непутевому зятю, но тот даже не услышал этого, всецело поглощенный созерцанием Инари.

— Понятненько... — процедила сквозь зубы теща, и тут неожиданно подал реплику господин Синдзен:

— Позвольте мне сопровождать вас и этих милых детей, сударыня!

К несчастью, Инари Такобо все-таки в первую очередь была влюбленной женщиной, а уж потом — референтом и охранником руководителя корпорации «Новый путь». Поэтому она, глядя только в благородно-нефритовые глаза своего возлюбленного, сразу и не заметила, как ее босс покинул зал вместе с Татьяной Алексеевной и девочками.

— Инари, — шептал Авдей, осыпая поцелуями ее руку, прикрытую веером, — когда я снова

смогу быть у тебя? Тот вечер был таким прекрасным...

— Это только чары. Только чары! Не нужно нам было этого делать, Аудэу-сан... О Амиду! Как я могла так забыть, что не увидела... Господин Синдзен вышел! Аудэу, пустите меня, я должна быть рядом со своим господином!

Авдея кольнула ревность.

— Инари, ты ведешь себя прямо как самурай. Успокойся. Никуда твой босс не денется. Мороженое ест в буфете.

— Вы не понимаете! — Инари уже встала с кресла и решительно направилась к выходу. — По сути, я и есть самурай. Моя первая обязанность — быть рядом с сюзереном! А я постыдно пренебрегла ею!

Инари, а следом за ней и Авдей вышли в фойе, пройдя мимо одиноко стоявшей пожилой зеленоглазой женщины, одетой в строгое черное платье. На платье блестела изумрудная брошь в форме скарабея. Проследив взглядом за Авдеем и Инари, женщина негромко сказала в брошь:

— Внимание. Появились помехи.

Глаза ее жутковато блеснули в полутьме опустевшего зрительного зала.

По фойе бродила блистательная публика, сновали официанты с серебряными подносами, слышались смех и болтовня, напоминавшая гомон грачей, слетевшихся по весне на свежееоттаявшую помойку. Инари беспомощно оглядывалась, ища в толпе своего босса. Ее лицо было так тревожно и бледно, что Авдей, боясь, как бы она не упала в обморок, взял японку за руку.

— Идем в буфет. Наверняка они там, девчонки просили мороженого.

Буфет располагался за строем пушистых блестящих елок, уже украшенных к грядущим новогодним праздникам. Инари, облегченно вздохнув, бросилась было к столику, за которым чинно угощались мороженым господин Синдзен, Марья, Дарья и Татьяна Алексеевна, но тут совершенно как из-под земли на пути Инари возникла изящная официантка с подносом, на котором угрожающе звенели бокалы с красным вином.

— Извиняюсь, — сказала басом официантка и опрокинула поднос прямо на кимоно Инари.

И исчезла.

Инари страдальчески поглядела на безнадежно испорченное кимоно, потом глянула на растерянного Авдея.

— Инари, не волнуйся, — пролепетал тот, — здесь есть дамская комната, ты приведешь в порядок свое кимоно...

— Да-да... Но господин Синдзен...

— Да все с ним будет в порядке! — заверил японку Авдей.

И ошибся.

Сначала они с Инари услышали чересчур громкий и пьяный мужской голос, выяснявший: «Ты какого... на меня вылупился, япошка узкоглазый?!», — а затем, обернувшись, увидели сцену, которая сделала бы честь любому из гонконгских боевиков.

Мужчина в черном костюме и с лицом, напоминавшим трансформаторную будку, тихо-мирно поглощавший джин у стойки бара, ни с того ни с сего проорал вышеозначенную фразу и, раскрутив над головой тяжелый металлический стул, запустил им в господина Синдзена. Тот ловко уклонился, и стул влетел в аквариум с мирно плавающими экзотическими рыбками. Стекло лопнуло с пистолетным треском, вода вперемешку с рыбками хлынула на ковровый пол буфетной, заставив дам (в числе коих были мадам Бальзамова и внучки) истошно и вдохновенно завизжать. Мужчина-трансформатор же, отхлебнув джина, взревел дурным голосом:

— Порешу тебя, желтомордый! — и кинулся на хлипкого интеллигентного Синдзена.

Тот, однако, не растерялся и, неуловимо взмахнув руками, заставил нападавшего пошатнуться и впечататься лицом в вазочку с мороженым. Впрочем, мороженое противника не остановило. Он мгновенно поднялся, издал звериный рык (все пребывающие на данный момент в буфетной бросились оттуда врассыпную) и принялся демонстрировать великолепную технику рукопашного смертоубийства. Господин Синдзен тоже не остался в долгу, но чувствовалось, что долго он не продержится, поскольку в руках воняющего джином бандюги неожиданно оказался чугунно поблескивающий лом. А против лома, как известно, нет приема...

Авдей, в общей суматохе бросившийся на выручку своим дочерям и теще, не заметил, в какой момент Инари исчезла из его поля зрения. А когда он, препоручив скулящих от страха девочек заботам Татьяны Алексеевны и набежавших секьюрити, кинулся в буфет, то увидел незабываемое зрелище.

Господин Синдзен с набухающей на лбу шишкой рухнул на пол от мощного удара. Мужик-трансформатор занес было над ним лом, но тут...

Инари с пронзительным гортанным криком подпрыгнула в воздухе и блестяще исполнила знаменитый прием «пяткой в нос». От этого удара бандит пошатнулся, но устоял. Посмотрел на Инари налитыми ненавистью глазами и выдавил:

— Прочь... Я все равно его убью. Должен убить. — И махнул на японку ломом.

Но Инари и не думала уклоняться. Ее руки сплелись каким-то хитрым кольцом и выдернули лом из мощных пальцев мужлана. Кимоно на Инари уже не было. Облегающий гибкое тело женщины костюм блестел ало-золотой чешуей, а лицо изменялось, плавясь, словно пластилин на солнце, становясь мордой дракона.

Однако это не испугало ее противника. Он продолжал сражаться с нею, пробивая себе дорогу к бесчувственному телу Синдзена и упорством своим напоминая локомотив.

— Я должен, — невнятно бормотал он губами, на которых выступила кровавая пена. — Я призван...

Авдей не выдержал этого душераздирающего зрелища и бросился на подмогу любимой женщине. Инари вместо благодарности глянула на него нечеловеческим взглядом и прошипела:

— Убирайтесь! Уводите людей! Это не ваш бой! — и чтобы Авдей не вздумал спорить, влепила

ему пощечину, от которой писателя лихо вынесло из буфета в соответствии с законами инерции.

Авдей проехался по паркету, вскочил, помотал головой и огляделся. Перепуганная публика жалась к стенам. Люди из администрации театра метались среди зрителей, умоляя сохранять спокойствие и крича, что наряд милиции для усмирения пьяного хулигана уже вызван...

И тут из буфетной раздались два леденящих душу вопля: сначала женский, а потом мужской. Мужской вопль перешел в стон, затихший на какой-то жалостливой щенячьей ноте... После этого воцарилась тишина.

В этой напряженной тишине из буфета, ступая по лужам и осколкам, вышла японка в рваном и перепачканном кимоно. Она вела под руку пожилого японца, смущенно прикрывавшего веером шишку на лбу. Когда к ним подбежали охранники, японка вежливо сказала:

— Пожалуйста, не беспокойтесь о нас. Мы в порядке. Выясните, что можно сделать... для того человека.

Охранники (а затем и милиция) послушно ринулись в буфетную, где на полу лежал безо всяких признаков жизни мужчина, в котором некоторые признали бы полковника Кирпичного.

Его выволокли на носилках, закрыв простыней, уборщицы моментально ликвидировали разгром, а директор театра, поминутно извиняясь, спросила у господина Синдзена, желает ли он смотреть пьесу дальше.

— Да, да, конечно, — заявил господин Синдзен. — Пожалуйста, пусть никто не обращает внимания на этот маленький инцидент. Все прошло. Пусть дают звонок к началу представления.

Нервно разговаривая, публика вернулась в зал. Посреди опустевшего фойе стояли Синдзен, Инари, Татьяна Алексеевна, крепко прижимавшая к себе притихших Машку с Дашкой, и удрученный Авдей.

— Нам нужно уйти отсюда! — сказала Инари. — Я чувствую, что опасность еще не миновала...

— Глупости, девочка, — мягко прервал ее Синдзен. — Да и постыдно показывать врагу спину.

— Я отвечаю за вашу жизнь, господин! И за жизнь этих людей тоже!

— Поверь старику, дитя, все будет в порядке, — заверил Инари босс. — Там теперь полно охраны. Так что идемте смотреть спектакль. Ведь представление должно продолжаться, не так ли?

Они вернулись в зал на свои места. Только в полутьме они эти места немножко перепутали. И в кресло, которое ранее занимал господин Синдзен, уселась Марья Белинская. Мало того. Она ухитрилась выпросить веер у старичка-японца и теперь без конца им обмахивалась, вызывая приступ дикой зависти у сестры.

Меж тем на сцене разворачивалось удивительное по красоте зрелище. Три влюбленные в самурая Сажу женщины отправились искать его по всей Японии, каждая — своим путем. Монахиня возглавляла красочное религиозное шествие с веерами и резными изображениями будд. Гейша танцевала и музицировала, в каждом селении спрашивая, не появлялся ли ее возлюбленный. А принцесса, сопровождаемая эскортом придворных, везла в черепаховой

шкатулке золотые тэта, потерянные Сажа. По ее приказу эти тэта примерялись каждому встреченному по дороге мужчине...

И вот наступила кульминационная сцена. Все три женщины одновременно нашли самурая Сажа, скрывавшегося на вершине горы духов — Ютому. И все три потребовали от него ответа, с какой из них он желает переплести ноги.

— Пап, а что это значит «переплести ноги»? — шепотом спросила у Авдея Дашка.

Инари впервые со времени драки усмехнулась.

— Это значит «танцевать», — краснея, соврал Авдей.

Всезнайка Машка тихо хихикнула, прикрывая лицо веером господина Синдзена...

И тут Авдей услышал выстрел, а вслед за ним визг Маши:

— Папочка, веер!!!

В веере господина Синдзена, которым Марья прикрыла лицо, зияло аккуратное пулевое отверстие. А по волосам Машки текла кровь...

— Маша!!! — бросился Авдей к визжащей дочери, и тут прозвучал еще один выстрел. И еще.

И еще...

А потом на сцену, сгоняя актеров в пестрое перепуганное стадо, вышли люди в черном и с раскрашенными черной краской лицами. В руках у них было отнюдь не бутафорское оружие.

— Всем оставаться на своих местах! — приказали люди в черном и автоматной очередью в потолок заставили включиться аварийное освещение. — Нам нужен только один человек. Его имя Хидэо Синдзен. Если он выйдет к нам, мы никого не тронем. Если он откажется, мы расстреляем всех.

На сцену медленно поднялась пожилая женщина в черном платье. Ее изумрудная брошь в свете рампы блеснула маленькой зеленой молнией. Женщина встала напротив суфлерской будки, оглядела скованный ужасом зал и заговорила:

— Ведите себя смирно и не предпринимайте никаких попыток к сопротивлению. Зал окружен моими людьми, в ложах сидят снайперы, которые пресекут любое ваше движение... Господин Синдзен! Надеюсь, вы не хотите, чтобы из-за вас погибло такое количество людей, и выйдете- к нам добровольно.

— Маша, деточка моя, успокойся, — Авдей сполз с кресла, обнял дочку и, леденея душой, осторожно коснулся ее залитой кровью головы.

— Боже, она ранена! — у Татьяны Алексеевны тряслись руки.

Авдей внимательно осмотрел рану и перевел дух. Пуля пробила плотную бумагу веера и прошла по касательной, содрав с Машиной головы кусочек кожи и волос. Господин Синдзен достал большой батистовый платок и, подбравшись к девочке, ловко перевязал рану. Потом он глянул на своих друзей:

— Я должен идти, раз эти люди требуют моей жизни. Когда они заберут меня, возможно, что

все остальные будут целы. А Маше-тян нужен врач.

— Нет, господин! — вцепилась в него Инари. — Неужели вы не узнаете *ее*! Это же она требовала от вас договора с тэнгу! Она убьет вас!!!

— Она?! — тут Татьяна Алексеевна оторвалась от плачущей внучки и глянула наконец на женщину, стоявшую на сцене как грозный ангел смерти. — Господи! Да ведь это Анастасия!!!

— Что? — тут и Авдей оглянулся. — Та самая ваша ненормальная сестра?! Она же сидеть должна в местах лишения свободы...

— Как видишь, не сидит! Но каким образом она могла выбраться...

Новая автоматная очередь вспорола воздух и заставила наших героев умолкнуть.

— ГОСПОДИН СИНДЗЕН, НЕ ЗАСТАВЛЯЙТЕ МЕНЯ ЖДАТЬ! — голос Анастасии Либенкнехт разнесся над залом подобно штормовому предупреждению.

— Прощайте, — ласково улыбнулся своим друзьям Хидэо Синдзен. — Не следует заставлять ждать даже такую... даму.

— Нет, — Инари привскочила с места, но Синдзен остановил ее мановением руки:

— Приказываю вам оставаться здесь и заботиться вот об этих людях. Я больше не ваш сюзерен, Инари-сан.

... Весь зал, затаив дыхание, смотрел, как по проходу неторопливо идет к сцене невысокий щуплый японец в скромном костюмчике. Люди с автоматами держали его на прицеле до тех пор, пока он не пошел за кулисы. Авдей глянул на Инари. С нею творилось нечто странное: глаза остекленели, голова запрокинулась, а тело напряженно-неестественно вытянулось.

— Инари, что с тобой? — встревожился он. И получил в ответ едва слышное:

— Не мешайте... Я вызываю...

— Кого?

Но Инари мертво молчала и уже не смотрела на сцену, где по приказу бывшей Великой черной ведьмы Анастасии молодчики с оружием скрутили руки бедному японцу и поволокли его за кулисы.

— Что ж, операция прошла успешно, — подойдя к самому краю рампы, насмешливо сказала старуха в черном. — Вы все можете быть свободны. Если, конечно, сумеете спастись от выстрелов моих ребятишек...

Она уже было повернулась, чтобы величаво уйти за кулисы, как вдруг пронзительный детский крик заставил ее вздрогнуть и обернуться:

— Ты злая ведьма! Ты не имеешь права!

... Авдей даже не сразу понял, что это бежит к сцене и грозит кулачком его тихоня Дашенька. Автоматчик взял на прицел бегущего ребенка. Авдей, спотыкаясь о кресла, бросился за Дашей:

— Дочка, вернись!

Зал охнул.

— Расстрелять, — коротко приказала Анастасия.

И, хватая Дашу, падая с ней, прикрывая ее своим телом, Авдей услышал сухой треск очереди, понимая, что автоматчик не промахнется. И тут его ударило, вжало в землю мощной ало-золотой волной...

«Вот и смерть. Лишь бы Дашка выжила... Вику... так и не увидел...»

А потом он почувствовал, как по его шее течет горячая кровь. Не его кровь.

Госпожа Инари Такобо все-таки выполнила свой долг самурая. Она сделала то, что приказал ей сюзерен, — защитила вверенных ее попечению людей. В прыжке, на который не способен обычный человек, она взмыла наперерез автоматной очереди, принимая в собственное тело пулю за пулей. И рухнула, обливаясь кровью, на сжавшихся Авдея и Дашу.

Авдей выбрался из-под ставшего невероятно тяжелым тела Инари. Прекрасная японка хрипела, глядя в налитые ужасом глаза Авдея:

— Не бойтесь. Я все-таки успела ее вызвать. Она прилетит.

— Кто?

— Тетя Инари... — это Дашка. — Вы живы?

Японка устало закрыла глаза.

— Эй, вы! — подала голос со сцены Анастасия Либенкнехт. — У вас ко мне еще какие-нибудь претензии?

У меня к тебе претензии, старая ведьма!

... Громадное окно зрительного зала, занавешенное длинной шелковой портьерой, вдруг взорвалось осколками и щепками рамы. И, зацепив одним крылом портьеру, полыхая пламенем и пуская раскаленные струи пара, в зал влетел разъяренный серебристо-сиреневый дракон. Взгляд его ртутных глаз сфокусировался на Анастасии и ее автоматчиках. Издав громоподобный рык, дракон прицельно выпустил струю белого пламени, заставив террористов врассыпную кинуться со сцены. Анастасия же стояла, словно и пламя не причиняло ей вреда.

— Это ты, — только и прошептала она.

Следующая струя пламени все-таки заставила ее бежать.

В зале поднялась страшная суматоха. Люди бросились к аварийным выходам, вызванная охрана и спецназ металась, отлавливая ошалевших от вида дракона террористов-захватчиков, кто-то тащил огнетушители, заливал пеной вспыхнувшую сцену, а посреди всего этого кошмара над телом Инари стояли Авдей, Марья, Дарья и Татьяна Алексеевна. Стояли и смотрели на беснующегося дракона.

— Это и есть ваша мама, девочки, — слегка торжественно сказал Авдей.

Вот не вовремя он это сказал! Потому что к дракону, выкуривающему из-за кулис Анастасию, вдруг подбежали две перепачканные девочки и запрыгали перед пышущей пламенем мордой:

— Мама, мамочка! Ты вернулась! Это же мы, мамочка!!!

Дракон растерянно хлопнул пастью и присел на хвост, как с разбегу ткнувшийся в стену бульдог. А потом...

Произошло то, чего так долго ждало семейство Белинских.

Дракон словно съежился, его шкура провисла и начала сыпаться, как кукурузные хлопья — в миску с молоком. Жуткая морда с ртутными глазами подернулась дымкой, и через какое-то мгновение Вика, прежняя Вика, взлохмаченная, растерянная, в драном сиреневом халатике стиснула дочерей в объятиях и заревела в голос.

К маминому реву присоединились девочки, потом Татьяна Алексеевна, заливаясь слезами, бросилась обнимать вернувшуюся в человеческий облик дочь. Авдей, стискивая зубы, изо всех сил пытался не пустить скупую мужскую слезу, но в конце концов не выдержал и присоединился к семейству.

— Авдей...

— Вика...

— Мама!

— Мамочка!

— Извините, товарищи, что отвлекаю, — проговорил кто-то, и все семейство, расцепив объятия, взглянуло на перемазанного сажей спецназовца. — Тут, кажись, что-то вроде дракона было...

— Было! — радостно подтвердил Авдей.

— И сплыло! — добавила Маша, гордо придерживая свою повязку.

А Дашенька ничего не сказала, только теснее прижалась к теплой, человеческой маминой руке.

— Ни хрена не понимаю, извините, — развел руками спецназовец. — Да, кстати! А вот эта гражданка мертвая вам не знакома?

... Инари Такобо лежала на носилках. Лицо ее было белым и мраморно-холодным, а тело разворочено пулями. Подошедший врач с сожалением поглядел на японку, для порядка тронул пальцами артерию на шее и прикрыл лицо Инари простыней:

— Мертва. Ничего удивительного — при таких-то ранах... Уносите.

— Инари, — сдавленно прошептал Авдей.

— Погодите! — крикнула Вика и схватилась за бортик носилок. — Это же Инари Такобо, моя названная сестра! Она не должна, не может умереть!

— Медицина здесь бессильна... — выдал заученную фразу врач.

— На фига мне ваша медицина! Куда вы ее везете? В морг?! Не дам! Я отвезу ее к себе домой...

— Вика, — тронул ведьму за плечо Авдей, — я, конечно, все понимаю... Мы перед Инари в

неоплатном долгу — она нам жизнь спасла и тебя вызвала, но... Ведь ничего нельзя сделать!

— Можно! — полыхнула глазами Вика. — Это говорю я. А ты знаешь, кто я. Так что мы забираем эту женщину.

— Это невозможно...

— Я прошу прощения... — раздался тихий голосок.

— Господин Синдзен?!

Да, это был злосчастный японец, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор.

— А мы думали, вас уже... того, — неловко пробормотал Авдей.

— Я сумел избавиться от своих пленителей, — кратко пояснил Синдзен и наклонился над телом Инари. — Бедная девочка... Умерла как настоящий герой.

— Она не умерла! — опять вклинулась Вика. — Я докажу!

— Так, — посуровел спецназовец. — Давайте уже что-то решать с телом.

— Хорошо, — кивнул головой Хидэо Синдзен. — В таком случае, тело этой женщины забираю я, поскольку являюсь ее соплеменником и сюзереном. Похороны госпожи Такобо должны производиться в соответствии с традициями моей страны. У кого-нибудь есть мобильный телефон?

Ему протянули трубку.

— Я звоню в посольство Японии, — пояснил Синдзен и, набрав номер, быстро заговорил на японском.

— Сейчас прибудет машина за мной и госпожой Такобо. Я сообщу вам о времени траурной церемонии.

— Да послушайте же! — отчаянно воскликнула Вика. — Я могу ее оживить!

Господин Синдзен посмотрел на Вику долгим внимательным взглядом.

— А вы уверены, что госпожа Такобо желала бы этого?

С этими словами тщедушный старичок легко поднял с носилок тело Инари и в сопровождении охранников, которыми теперь театр был напичкан, как пасхальный кулич — изюмом, пошел к выходу.

К Белинским подбежала суетливая женщина:

— Служба экстренной психологической помощи. Как вы себя чувствуете? Вы можете описать свое состояние как шоковое?

— Можем, — мрачно заверил ее Авдей. — Мы все можем. Но лучше мы домой поедem.

— Но госпитализация...

Тут Вика и Татьяна Алексеевна одновременно глянули на даму таким взглядом, что она не посмела больше слова молвить.

... Их довезли до дома на машине «скорой помощи», хотя необходимости в этом не было, — после того как Вика пошептала что-то над Машиной ранкой, от вспухшей рваной кровавой полосы не осталось и следа.

Они вошли в квартиру с таким чувством, словно не были в ней несколько лет.

— Господи, — всхлипнула Татьяна Алексеевна. — Поверить не могу, что весь этот ужас кончился. У меня просто руки-ноги отнялись, когда я увидела, как тот тип стреляет в вас! А Анастасия-то! Старая мерзавка! Жива же еще, как только земля носит такую пакостницу...

Вика в этот момент как раз вышла из ванной, где после долгого пребывания в драконьем облике приводила себя в порядок.

— Что ты сказала, мам? Анастасия вернулась? Значит, мне это не померещилось...

— Тут у нас такое творится, ты не поверишь, — сказал жене Авдей и пошел умывать дочек.

— Ребята, — жалобно протянула Татьяна Алексеевна, — может, пообедаем наконец по-человечески, всей семьей? Ведь Вика вернулась!

Однако Вика напряженно смотрела в стену. Наконец, она сказала:

— Вы извините. Мне некогда. Я действительно могу оживить Инари. И поэтому я должна спешить. Понимаете?

Домашние ничего не ответили. Вика вздохнула и вышла через стену. Через некоторое время донесся ее глуховатый голос:

— Ничего вы не понимаете...

* * *

Существует бесконечное множество возможностей быть правым.

К. Воннегут

— Ничего вы не понимаете! Болваны! Идиоты! Тупоголовые клоны! — голос женщины в черном платье с изумрудным скарабеем поднялся до неприличного визга.

Анастасия, пылая яростью, ходила взад-вперед по ковру своего роскошного Малахитового кабинета. Перед нею навтыжку замерли те самые черные автоматчики (вернее, те, кому удалось сбежать от спецназа, когда началась заварушка с драконом) и ждали самого худшего. Их крысиные глазки мрачно поблескивали.

— Вам был дан приказ: любой ценой обеспечить захват Хидэо Синдзена. Любой ценой! И он уже почти был у нас в руках! Почему вы его упустили?!

— Так ведь дракон, Госпожа... — пискнул один из автоматчиков.

— И вы испугались дракона? Бесстрашные самураи... Убирайтесь прочь с моих глаз.

— Но, Госпожа...

— Идите и вспорите себе животы, — непреклонно приказала старуха.

Автоматчики молчаливо-покорно вышли...

— Дрянные игрушки, — процедила им вслед Анастасия.

Она подошла к столику с вином и фруктами, налила себе бокал и выпила его, не почувствовав вкуса. Ее трясло. Все было просчитано на десять ходов вперед, этот слишком много о себе возомнивший человечиска уже был в ее власти — и на тебе!

— Племянница! Опять эта чертова племянница! — прорычала Анастасия и швырнула бокал в чадающий камин. Бокал разлетелся на мелкие хрустальные брызги.

— Никита, — успокаиваясь, проговорила Анастасия Либенкнехт в браслет, — пусть придут мои женщины.

Она села в кресло и принялась ждать. Впрочем, ждать пришлось недолго. В Малахитовый кабинет чинно, хоть и с некоторым страхом вошли женщины, благодаря которым образцовая колония УЗИ 567-9000 превратилась в кромешный ад, кишачий оборотнями.

— Твои резные крысы показали себя плохими воинами, Тамахоси, — резко сказала Анастасия, едва женщины расселись.

— Простите, Госпожа, — вздрогнула та. — Если угодно, я сделаю новых...

— Нет! Не угодно! От них все равно нет никакого толку!

— Тогда что ты нам прикажешь еще сделать, Госпожа? — спросила ровным голосом красавица Ама-но кавара. — В нашем подчинении целая колония чудовищ, готовых по одному твоему приказу уничтожить кого угодно...

— Им еще не время... Ах, я сама виновата, что слишком повысила ставки на этого мужлана! Но ведь он прошел такую подготовку...

— Этот полковник убит? — спросила Фусими. Она держала на коленях ноутбук, спеша закончить срочное задание Анастасии: выявить все легальные, а лучше нелегальные связи корпорации «Новый путь».

— Да. Эта дрянная японская кошка переломила ему хребет. Если бы не она, полковник наверняка бы расправился с Синдзеном. Из него получился неплохой боец, но что ж теперь жалеть о трупе!

... Вот здесь бывшая черная ведьма как раз ошибалась. Кем-кем, а трупом полковник Кирпичный не был.

Впрочем, на тот самый момент, когда происходила вышеозначенная беседа в Малахитовом кабинете, полковник не был полковником и даже не был Кирпичным. Его в состоянии каталепсии привезли в один из спецгоспиталей ФСБ и принялись всеми имеющимися в арсенале современной медицины средствами возвращать к жизни.

Полковник к жизни-то вернулся, причем именно в тот момент, когда дежурная медсестра случайно перепутала капельницы и вместо гемодеза ввела больному 95-процентный раствор этилового спирта. Полковник открыл глаза, огляделся, увидел вокруг себя больничную обстановку, прошептал: «Где я?» — и снова отключился. В течение двух недель он, впрочем, полностью пришел в себя. С одной, однако, особенностью, что он абсолютно не помнил, кто он, что он натворил, и не понимал, о чем его так настойчиво расспрашивают люди в строгих костюмах.

Но пока пусть дальнейшая судьба Дрона Петровича Кирпичного читателя не волнует. Читателю предстоит возвратиться в Малахитовый кабинет и выслушивать узурпаторские бредни Анастасии Либенкнехт.

Та меж тем водила золотой указкой по висящей во всю стену великолепно выполненной из самоцветов и драгоценных металлов карте. Между яркой бирюзой Охотского моря и насыщенным изумрудными переливами клочком Тихого океана словно разорванные звенья золотой цепочки блестели Курильские острова. Анастасия говорила о них так, как руководство аукциона Сотби могло бы говорить о неожиданно найденном и выставленном на продажу еще одном яйце Фаберже. Бывшие зэчки с японскими именами внимательно слушали лекцию своей наставницы, изредка встречая с робкими вопросами...

— Два пролива делят острова на три группы: южную, среднюю и северную. Две последние группы островов не должны нас интересовать. — И указка скользнула по россыпи золотых капель на карте. — Впрочем, Большая Курильская гряда вообще не представляет для нас особого интереса.

— Почему? — спросила Кагами и украдкой пригубила коньячку.

— Да потому, что это не интересует тех, в чьих руках ваша и даже моя судьба! Вот, смотрите на эти бриллианты, на эти сокровища — Южные Курилы!...

— Эх, я б сейчас покурила, — едва слышно сказала Асунаро. — А то от такой жизни совсем скурвишься...

— Попрошу внимания, сестры! — Анастасия легонько постучала указкой по стене. — Вообще я в последнее время наблюдаю среди вас некоторую лень и нежелание служить общему делу. Смотрите, сестры...

— Ой, да мы смотрим, смотрим! — раздался гул испуганных голосов. Никому не хотелось стать тем, чем стала загрызенная Иринка, после того как, ожив, сыграла в колонии роль давно сбежавшей Анастасии. Когда чары спали, от Иринки даже костей не осталось, а только три мерзкого вида крысы...

— То-то же, — успокаиваясь, буркнула Анастасия и снова принялась вести урок наглядной географии. — Вот этот остров, в светских изданиях его называют Шикотан, представляет чрезвычайную ценность для наших... благодетелей. Если кто-нибудь из вас в школе хорошо учил историю, тот должен знать, что некоторое время Курильские острова принадлежали Японии и лишь после 1945 года были переданы Советскому Союзу.

— Ну, так это ж хорошо, — подала голос Кагами. — Что они наши.

— Ничего хорошего! — отрезала Анастасия. — Впрочем, нам нет дела до официальной политики Японии. Мы действуем только в интересах наших благодетелей, которые желают вернуть себе Курильскую гряду и особенно остров Шикотан для того, чтобы получить

великую силу и власть...

— А нам-то какая выгода с того, что какие-то неизвестные япошки получают эти острова? Если получают, конечно...

Этот вопрос скептическим тоном задала Ама-но кавара. В изящных, уже переставших быть тюремному грубыми, руках она вертела золотистый шелковый шнурок, пропуская его меж тонких пальцев с розовыми отполированными ноготками.

— Я удивлена твоему вопросу, Небесная река, — сказала Анастасия таким тоном, что, будь Ама-но кавара чуть проницательнее, она тут же удавилась бы на своем золотистом шелковом шнурке. — Разве не вы получили благодаря поддержке этих господ удивительную волшебную силу? Разве не вы получили свободу, которая грезилась вам в каждую вашу ночь, проведенную на тюремных нарах?! И разве говорила я вам хоть когда-нибудь, что поток их милостей для нас уже иссяк?! Говорила?!

— Нет, нет, — зашелестели испуганные голоса.

— Главное — чтобы вы были послушными и последовательными в исполнении тех приказов, которые даются вам! Тогда вам не грозит никакая опасность. Подчеркиваю: никакая. Но если вы задумаете нарушить данную вами еще в колонии кровавую клятву...

Анастасия прошлась вокруг стола, оглядывая женщин глазами, горящими, как два зеленых светофора.

— Лучше бы вам не родиться на свет, чем даже в мыслях предать это великое дело, — тихо закончила она.

После этого минут пять все подавленно молчали. Только бывшая хакерша Фусими, опустив голову, пощелкивала клавиатурой ноутбука. Неожиданно она пристально посмотрела на Анастасию.

— Госпожа, — негромко сказала она. — Я только что взломала один из секретных файлов корпорации «Новый путь». И теперь, кажется, понимаю, кем являются наши *благодетели* и зачем им нужен остров Шикотан. На языке духов-оборотней этот остров называется Дзий-ку-ицу, не так ли?

— Так, — тонко улыбнулась бывшая черная ведьма. — Но что из того, что ты это узнала?

Фусими заговорила таким голосом, словно находилась в трансе:

— Мы могли бы сами получить ту силу Незримого Сокровища, которое погребено в забытом подземелье на Дзий-ку-ицу. Незримое Сокровище сделало бы нас всеильными и бессмертными, как боги. Почему мы должны отдавать его каким-то лисам-оборотням? Воспользуемся им сами, сестры...

Речь Фусими была прервана появлением в комнате трех странного вида существ, которые словно соткались из темной свечной копоты. Эти существа были одеты в черные кимоно с широкими, похожими на крылья, рукавами, а вместо лиц у них были маски, подобные тем, в которых играют актеры японских театров. И выражение у этих масок было самое жуткое. Такое, словно художники-иллюстраторы знаменитого сериала «Покемон» переборщили с ЛСД и нарисовали такое, от чего сразу хотелось забиться в эпилептическом припадке.

Конечно, никто из сидящих в Малахитовом кабинете женщин в припадке не забился. Лишь Фусими молниеносно захлопнула ноутбук и втянула голову в плечи, словно уборщица, пришедшая помыть президентскую приемную и увидевшая в ней всех депутатов Государственной Думы. Анастасия же гордо выпрямилась и пристально смотрела на пришельцев.

— Неужели великие благодетели покинули свою обитель покоя ради нас, недостойных? — напыщенно спросила она на старояпонском языке. Что самое интересное, остальные женщины, не знающие этого языка, в целом поняли, что сказала их непосредственная начальница.

Существо, чья маска изображала гнев, заговорило. Точнее, это были не слова, а ледящий все вокруг порыв ветра, который пронизывал человеческие души насквозь, как булавка энтомолога — бабочку.

— МЫ НЕДОВОЛЬНЫ, — сказало существо.

— МЫ РАССЕРЖЕНЫ, — сказало второе существо в маске с позолоченными длинными клыками.

— МЫ РАЗОЧАРОВАНЫ, — добавило третье существо, чья маска была черной-пречерной, как таблетка активированного угля.

«Это и есть те самые благодетели? — подумала Тамахоси. — Больше на чертей из преисподней смахивают. Жуть-то какая».

«С кем я связалась, прости господи! Лучше б уж в колонии срок свой спокойно мотала! — ругала себя Катами. — Лучше б я парашу зубной щеткой чистила, чем сейчас с такими красавцами столкнулась».

— О владыки, — почтительно наклоняя корпус вперед, заговорила Анастасия, — чем вызвано ваше недовольство? Мы действуем по разработанному и утвержденному плану, согласно которому вы вскоре получите то, что вам требуется...

— ЛОЖЬ.

— ЧУШЬ.

— ГРУБОЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО.

— ПОЧЕМУ ХИДЭО СИНДЗЕН ЕЩЕ НЕ В НАШИХ РУКАХ?

Последний вопрос принадлежал неожиданно сгустившемуся посреди комнаты четвертому существу. Его одежда была пурпурно-красной, а маска выглядела так, как выглядит тарелка с политыми кетчупом спагетти, в гущу которых угодила пуля «дум-дум».

Вот его бесстрашная Анастасия явно испугалась. Но страха своего старалась не демонстрировать.

— Мы делаем все возможное... — начала она.

— НЕТ, — прервал ее пурпурный. — ВАША ЗАДАЧА — СДЕЛАТЬ ВСЕ НЕВОЗМОЖНОЕ.

— ИНАЧЕ ВАМ НЕ ЖИТЬ.

— ДА.

— ИМЕННО.

— Хорошо, хорошо, — заторопилась Анастасия. — Я заверяю вас, что уже к Новому году вы получите подпись Синдзена и станете полноправными владельцами обетованной земли тэнгу... Только... Мы тоже хотели бы получить некоторые заверения, гарантии... Что и вы выполните наши желания...

Голос ее угас. Четыре существа в безобразных масках, казалось, смотрели на нее. Хотя глаз у них не было. Как не было и всего остального, присущего органическому миру земной фауны.

— ТО, ЧТО ВЫ ПОКА ЖИВЫ — ВОТ НАША ГАРАНТИЯ.

— Да, да, — Анастасия сникла, как девочка, которую выпороли.

— СРЕДИ ТВОИХ ПОДЧИНЕННЫХ ЕСТЬ ТА, КОТОРАЯ СТРОИТ ЗАМЫСЕЛ ПРОТИВ НАС.

— Нет! Быть такого не может! — загомонили бывшие зэчки и тут же утихли, цепенея от ужаса, который наводили на них эти порождения дурных снов.

Фусими, до лишения свободы звавшаяся просто Лида Смелякова, почувствовала, как вокруг нее образуется тягостная пустота. И хотя все женщины сидели на своих местах, не вставая из-за стола, бывшая банковская программистка Лида ощутила себя одинокой и абсолютно беззащитной перед существами в уродливых масках.

— ТЫ ЗАМЫСЛИЛА САМА ПОЛУЧИТЬ СИЛУ НЕЗРИМОГО СОКРОВИЩА, — лишенным всяких эмоций голосом изрекло существо в маске гнева.

— ТЫ ПОСЯГНУЛА НА ТО, ЧТО НЕДОСТУПНО ТЕБЕ, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОТРОДЬЕ.

— ТЫ РАЗВОПЛОТИШЬСЯ.

— Пойдите! — воскликнула Анастасия. — Эта женщина ценный слуга...

Из прорезей в маске гнева ударили два ярко-синих луча. Прямо в грудь и голову Лиды Смеляковой. Та не успела даже вскрикнуть и просто исчезла. С глухим стуком свалился на пол ноутбук, который Лида держала на коленях...

Оставшиеся в живых едва слышно вздохнули.

— ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ ВАМ УРОКОМ.

— ВЫПОЛНЯЙТЕ НАШУ ВОЛЮ.

— ИНАЧЕ ВАС ЖДЕТ ТО ЖЕ САМОЕ.

— Может быть, и я не представляю для тэнгу никакой ценности? — сверкнув глазами, спросила бывшая Великая черная ведьма.

— ДЛЯ НАС НИКТО НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЦЕННОСТИ.

— КРОМЕ НАС САМИХ.

— ВЫПОЛНЯЙТЕ НАШУ ВОЛЮ.

— МЫ ЖДЕМ РЕЗУЛЬТАТОВ.

... И существа растаяли в воздухе, словно их и не было. О кошмаре их пребывания напоминал лишь неприятный аромат гниющего дерева да валяющийся на полу ноутбук Фусими, который никто не решился подобрать.

— Что ж, — выдержав тягостную паузу, заговорила Анастасия. — Теперь вы воочию убедились, что у вас нет другого выхода, как сделать то... что нужно сделать. Даже если вы передумаете, вы никуда не сумеете спрятаться. Не от меня. От них.

— Они — духи зла? — тихо спросила Кагами.

— Они — САМО ЗЛО!...

— *Благодетели...* — прошептала Ама-но кавара и в сердцах разорвала шелковый шнурок.

— Поймите и запомните это хорошенько! — Анастасия от волнения согнула в руках золотую указку так, словно это был стебель камыша. — Зло можно заставить служить себе. Только сначала надо самому послужить Злу.

— Это что же, мы заключили контракт с дьяволом? — громко, словно очнувшись ото сна, спросила Асунаро. — Ничего себе, обрели гармонию! Просветлились!

— А чего же ты хотела, милая? — ядовито усмехнулась Анастасия. — За удовольствия надо платить!

— Я что-то не испытала пока никаких удовольствий, — сумрачно ответила Асунаро и мельком глянула на потолок — не вывалятся ли оттуда опять эти уроды.

— Всему свое время, сестры. Вам же ясно дали понять: сначала мы должны выполнить возложенную на нас миссию, а уж потом...

— Ну да, ясно... Одного не пойму: а зачем мы всю колонию в оборотней превратили? — спросила Тамахоси, доставая нож и принимаясь вырезать очередную фигурку.

— А разве одним только тэнгу нужны рабы? — вопросом на вопрос ответила Анастасия. — Нам ведь они тоже понадобятся. Когда мы добьемся воплощения *наших* желаний.

При упоминании о желаниях лица женщин прояснились.

— А теперь перейдем к делу, которое нам предстоит выполнить. На сей раз никакого срыва быть не должно. Синдзена будем брать в его собственном офисе. Смотрите сюда...

Вместо драгоценной карты Курильской гряды на стене появился голографический план офиса корпорации «Новый путь». Анастасия распрямил указку и принялась отмечать точки размещения группы захвата.

— Сегодня для захвата Синдзена самая подходящая ночь. Умерла его сотрудница, и по традиции он должен бдеть над телом покойницы, читая Семь Сутр Лотоса. Тут-то мы его и возьмем. Получится лучше, чем в театре.

— Не пойму, — нахмурилась Тамахоси и поставила на стол свежевырезанную фигурку крысы.

— А что мы так церемонимся с этим япошкой? Перо ему в бок, и дело с концом. И не надо ничего подписывать. И тэнгу получают сами все, что хотят...

— Не все так просто, Тамарочка, — вздохнула Анастасия. — Этот Синдзен — не просто человек. Он — Мироку.

— Будда грядущих времен? — ахнула Ама-но кавара, больше всех читавшая японскую литературу. — Бог?!

— Ну да. В их понимании... Но это нас останавливать не должно.

— Ничего себе! — ахнула Асунаро. — Жизнь как в сказке — чем дальше, тем страшнее.

— А чего же ты хотела, сестра, — усмехнулась Анастасия.

... Ближе к ночи женщины засобирались в офис корпорации «Новый путь». Они надевали на себя костюмы-хамелеоны, вооружались сетями, инъекторами с сильнейшим снотворным, нунчаками и сюрикенами.

— Пусть общий осмотр здания сделают мои крыски, — просила Тамахоси.

Анастасия согласилась, хотя, как показало предыдущее нападение, толку от оживших деревянных солдат было мало.

— Едемте, сестры, — сказала она женщинам, запрыгивая в крытый военный грузовичок. — Мы должны сделать это.

— Мы сделаем это, — ответили женщины. Они опять были в трансе — каждой перед операцией захвата Анастасия лично вколола по пять кубиков спиртовой настойки мухомора крапчатого.

Грузовичок отъехал от затерянного в лесу коттеджа почти бесшумно и, распугав неизменно ошивавшихся вокруг волков, помчался к Москве.

— Вы сделаете это для меня, — шептала Анастасия. — Чтобы тэнгу вернули мне ту великую силу, которая была отнята у меня. Чтобы я снова восстала непобедимой Великой Черной Ведьмой, словно сновидение, ставшее явью!...

* * *

Нельзя допускать, чтобы бдение у гроба проходило кое-как.

Ж. Амаду

... словно сновидение, ставшее явью, снег сыпал мне на волосы, таял в моих ладонях, оставляя вместе с капельками воды ощущение того, что я будто родилась заново.

«Я Вика.

Я вернулась.

Чем вы все, черт возьми, занимались, пока меня не было?

Святая Вальпурга, этих родственников и на неделю-то нельзя без присмотра оставить,

обязательно вляпаются в какие-нибудь малоприятные приключения».

Так я говорила сама себе, при этом безумно радуясь тому, что обрела-таки человеческий облик (кстати, не утратив при этом способностей превращаться в дракона), и сама себя казня за легкомыслие: не превратись я тогда в дракона, не было бы неприятностей у моего милого семейства.

А с другой стороны... Не будь я драконом, не подружилась бы я с Инари.

И не шла бы сейчас на ее похороны.

Это только мужчины в силу их непрошибаемой самоуверенности считают, что женская дружба существует в виде совместных походов по модным магазинам и перемывания косточек своих любовников. К стыду своему, я тоже до последнего времени так считала, хотя в моей жизни никогда не было закадычных подруг. Таких, чтобы можно было довериться, как самой себе. Ведьмам не нужны подруги. Ведьмы — принципиальные одиночки (семья в счет не идет).

Но когда я, обрета свободу ото всех и почувствовав за спиной неутомимые крылья, кружила в пустом черном московском небе, бессмысленно закладывая виражи и исходя безмолвным криком от ощущения собственного драконьего одиночества и ненужности, вдруг во тьме возникла ало-золотая молния и утешающе полетела рядом.

Так я подружилась с Инари Такобо.

Это была отличная дружба двух гордых драконих, которым чужды были зависть, ревность и мелочные страдания по поводу того, что у подруги очередное новое платье и новый ухажер, а я пятый год донашиваю старые джинсы и сплю с одним и тем же мужем. Полет — вот был лейтмотив такой дружбы, и немудрено, что в конце концов мы с Инари назвали друг друга сестрами по духу и Силе.

И потому я сейчас иду на похороны Инари.

Чтобы вернуть ей жизнь.

Своей Силой и властью истинной ведьмы.

И не будь я Викка, если не сделаю этого!

Подругами так просто не разбрасываются.

Это ведь только врагов наживать легко. Враги, они как грипп, — не заметишь, как уже подхватила себе какого-нибудь лютого недруга. А вот друзья... И тем более подруги... Сколько пустого, никчемного человеческого песка просеивается сквозь твое сердце, пока не блеснет тебе истинное золото родственной души!

... Церемония прощания с телом проходила в конференц-зале офиса корпорации «Новый путь». По обе стороны от возвышения, на котором лежала обернутая в белые погребальные пелены, осыпанная крошечными кусочками розового шелка, словно лепестками вишни, Инари, висели длинные полотнища с иероглифами. Из маленьких динамиков на стене доносились медленные печальные звуки лютни и флейты. Пол был уставлен вазами с белыми и желтыми хризантемами. Кажется, эти цветы считаются в Японии траурными. Ничего. Погодите править тризну.

Я подошла к постаменту и пристально осмотрела лицо Инари. Хотя прошло уже более суток с того момента, как шальные пули изуродовали великолепную фигурку моей подруги, признаков *истинной смерти* на лице не было. Значит, еще не все потеряно. Инари *не ушла*.

Единственная проблема состоит в том, что я не могу предвидеть, в каком облике она вернется.

Человеком или драконом?

Впрочем, я ведь могу постараться и выпросить у нее, чего она сама желает. Так сказать, реинкарнационный образ в соответствии с требованиями заказчика.

Только возвращать Инари к жизни нужно, разумеется, в полночь. А мне, всего лишь скромной радиоведущей малопопулярного канала, вряд ли позволят устроить в офисе известной корпорации Японии полноценное бдение...

Что ж, придется ближе к времени X на себя чары невидимости напускать. Испытанный прием. А охрану — усыпить, чтобы не дергалась зря, заслышав подозрительные звуки из похоронного зала.

— Приветствую тебя, о светлый воин!

Я оглянулась удивленно, но оказалось, что приветствие относилось не ко мне. Пожилой, благородного вида японец, одетый в кимоно цвета увядшего ириса, преклонил колена перед телом Инари и коснулся ладонями пола. Когда он поднялся и посмотрел на меня, я узнала его. Это был тот человек, из-за которого моя безумная тетка чуть не взорвала театр.

— Господин Синдзен?

Он склонил голову, покрытую шапочкой с иероглифами:

— Здравствуйте, госпожа. Чем могу служить вам?

— Чем вы можете помочь... Я пришла отдать долг памяти и любви моей названной сестре и покаяться перед нею в том, что не сумела ее спасти.

— Разве вы были сестрами с Такобо-сан? Я не знал этого... Простите. Разговоры близ тела усопшей недопустимы, а нам все-таки необходимо поговорить.

— Я тоже так думаю.

— Прошу вас подняться в мой кабинет.

Кабинет руководителя корпорации «Новый путь» был обставлен с предельной скромностью. Кроме серого офисного стола с компьютером, нескольких кресел и большой вазы со стеблями сухого бамбука в углу, больше ничего в кабинете и не было. Даже вместо ковра просто поблескивал выложенный шашками паркет... Правда, из окна во всю стену открывался прекрасный вид на заснеженную столицу.

И сейчас снег сыпал снова.

— Инари так любила снег, — прошептала я, глядя в окно и чувствуя, что глаза щиплет от слез. Ну что я за дура! Зачем плакать, если сегодня в полночь я оживлю свою подругу!

Я ведь сумею это.

Я Викка!

О, первый снег на листьях хаги!

О, журавлиный плач!

Я провожаю друга.

— Красивые стихи, господин Синдзен. Но мне сейчас не до них. Вы позволите присесть?

— Да, разумеется. — Японец и сам уселся в кресло. — Как я понимаю, вы супруга господина Аудэу...

— Авдея?! Да... А каким образом вы познакомились с моей семьей?

— Благодаря Инари-сан. Она вела электронную переписку с вашим супругом, и, насколько я понимаю, они обсуждали вопрос вашего отсутствия. Кстати, а где вы встретились с госпожой Такобо?

Прежде чем дать ответ на этот вопрос, я пристально посмотрела на руку господина Синдзена. Нет. Нет никакого знака, указывающего на то, что он дракон. И ничего магического в этом человеке тоже не наблюдается. Значит, не следует говорить ему правду, которая может пошатнуть его восприятие реальности.

— Видите ли... Мы повстречались в одном московском клубе, занимающемся вопросами изучения эзотерических знаний, фольклорных традиций разных стран и народов.

— Вы не умеете лгать, Вика-сан, — тонко улыбается японец. — Скажите лучше, Инари тоже была драконом?

— А откуда вы знаете, что я... Ой, какие глупости говорю. Ведь вы же меня видели там, в театре.

— Да. Вы были ослепительны в своей мощи и ярости. Поначалу я не поверил своим глазам. Но глаза сказали мне: верь старик, ты еще и не такое увидишь... Итак?..

— Мы стали подругами, будучи в обличье драконов. Я не стану вам рассказывать, каким образом превратилась в дракона сама. Скажу лишь одно: вопреки всем легендам, истинные драконы не выносят одиночества, их полет на самом деле — призыв. Мой призыв услышала Инари. Она почувствовала, что я не могу превратиться обратно, слишком сильно драконье сознание подавило мое человеческое «я», и, вероятно, решила помочь мне. Помню, мне снились сны. В этих снах Инари предстала передо мной в человеческом обличье и приводила ко мне моих близких, чтобы я их вспомнила. Но ничего не получалось. До того момента, когда меня в театре позвали собственные дети.

— О, да. Я видел ваше превращение. Впечатляющее зрелище...

Возникла пауза, в течение которой я размышляла о том, что ничего впечатляющего в этом кошмаре не было. Разве что непонятно откуда взявшаяся моя тетка, с лютой ненавистью глядевшая в мои драконьи очи.

— Скажите, Синдзен-сан, — прервала я тишину. — Зачем вы понадобились Анастасии?

— Кому? Ах, это так зовут Повелительницу Крыс...

Повелительница Крыс?! Ничего себе, авторитет у моей тетки! Фея Мышильда, блин! Какую аферу она опять затеяла?! Мотала бы себе спокойненько срок в колонии, амнистии дожидалась, так ведь нет!

— Вы наверняка знаете, Вика-сан, что отношения между Россией и Японией далеко не всегда были гладкими. Не последнюю роль в напряженности этих отношений играл вопрос о территориальной принадлежности островов Курильской гряды...

Так, так. Это что же, мою тетку опять понесло в большую политику и в игры за передел мира? Вот что значит незамужняя женщина! Все ей глобальные проблемы подавай, ничем другим она свой сексуальный голод утолить не может...

— Простите, Синдзен-сан, я отвлеклась. Продолжайте, пожалуйста.

— Так вот. В Японии помимо официально известной якудзы с давних времен существует преступный клан тэнгу, куда входят все отбросы общества и морали: оборотни, неспящие мертвецы, духи злых помыслов, гейши-упырихи, ведьмы... Простите, я забыл, вы ведь тоже, кажется, ведьма.

— Да. Но вы меня не оскорбили. Я очень хорошо представляю свое место в социальной лестнице этого мира и не обольщаюсь на свой счет.

— Клан тэнгу стремится получить власть над моей родиной. Сначала — завоевывая и подчиняя себе души людей, а потом... Словом, Япония, судя по их замыслам, должна превратиться в средоточие зла. Будут осквернены старинные храмы, забыты изящные искусства, нарушены традиции, попрана нравственность. И вы понимаете, что от такой, в полном смысле слова, *империи зла* мир ничего хорошего ждать не может. Тэнгу ненасытны. Они все захотят подчинить своей непотребной власти.

— Понятно. Но при чем здесь вы? И несчастные Курильские острова, вокруг которых уже столько копий поломано?..

— Без владения этими островами тэнгу не имеют должной силы. Ведь по сути все тэнгу — лишь отражение человеческих страхов, грехов и дурных мыслей. Они непрочны и могут рассеяться как дурной сон с наступлением рассвета. Но то, что хранится в недрах Курильской гряды, даст им способность быть несокрушимыми.

— Что же это?

— Я боюсь вам сказать...

— Потому что я тоже ведьма? Ну что ж... Хотя зря вы боитесь. На аглицкий манер хлеб русский не родится, и российской ведьме ни к чему чужеродная сила... Однако я отвлеклась. Какие у фонда «Тэнгу» претензии к вам лично?

— Я отказался подписать договор, согласно которому Россия будет *вынуждена* передать Японии Курильские острова. Поэтому сорвал планы злодеев. Я стою у них на пути, и они пытаются убрать меня любой ценой...

— Неужели вы и ваша подпись так много значите? — Я смотрела на скромного самоуглубленного японца во все глаза. До сих пор мне был известен только один из моих хороших знакомых, чья личность была столь значительна в мировом масштабе, — Баронет.

Японец молчал и смотрел в окно на падающий снег. И было в его лице что-то, что заставило меня, прошедшую все виды магии ведьму, благоговейно вздрогнуть.

— Кто вы, господин? — тихо спросила я.

— Жители Страны восходящего солнца называют меня Мироку. Это все, что я могу сказать.

Я мысленно обругала себя за незнание японской культуры и философии. Я безнадежно отстала от жизни. Пока я в драконьем облике летала и поглощала бананы, в мире, кажется, закрутились оч-чень интересные события. Впрочем, мне сейчас не до мира.

— Вы знаете, что я хочу оживить Инари Такобо? — спросила я Синдзена.

— Да. Я бы не советовал вам этого. Уверены ли вы, что это в ваших силах?

— Уверена. И даже если вы поставите охрану на каждом квадратном сантиметре вашего офиса, я все равно проберусь к Инари и сделаю то, что задумала. Вы не понимаете, что такое — потерять родного человека...

— Почему же, — вздохнул господин Синдзен. — Понимаю. Госпожа Такобо — моя внебрачная дочь... И я не буду препятствовать вам, Вика-сан. Делайте все, что сочтете нужным. Но помните: за все содеянное вы будете держать ответ перед своей совестью.

— Да. Я знаю. Позвольте мне откланяться. Меня ждет трудная ночь, а я еще хотела бы побыть с родными...

Я снова спустилась в траурный зал, попрощавшись с Синдзеном. До полуночи еще оставалось немало времени, и я хотела заехать домой, объяснить с родственниками, которые, по-моему, считают меня бессердечной негодяйкой, снова бросившей их на произвол судьбы. Особенно, наверное, страдает Авдей. Как он жил месяц с лишним без моих ласк?

Однако, видимо, не судьба мне сегодня рано вернуться домой. Потому что на выходе из «Нового пути» меня окликает незнакомый, но весьма импозантный молодой человек. Он выбегает за мной, даже не застегнув модного кашемирового пальто и не надев шляпы.

— Вика! Вика, постойте, пожалуйста!

Пожалуйста. Стою. Только недолго, потому что весьма спешу.

— Что вам угодно, сударь?

— Вика, вы меня не узнаете?

— А должна?

Он протягивает руку ладонью вниз. И я истинным зрением вижу над его ладонью размытое золотистое свечение.

— Вы дракон?

— Ну разумеется!

И тут я вспоминаю...

Эффектный дракон-самец благородного цвета маренго. Частенько навещавший меня в моем недавнем обиталище...

— Позвольте, Вика, теперь представиться вам как человек. Сергей Павлов. Бизнесмен.

— Очень приятно. Но я действительно спешу...

Для бизнесмена он, пожалуй, даже чересчур привлекателен. Весь такой элегантный, с дыханием мяты и ароматом явно недешевого одеколona. Его серо-стальные глаза смотрят на меня как-то очень изучающе и в то же время... Эй, сударь, я замужняя женщина, мать двоих детей! Не надо на меня так смотреть!

— Вика, я вас умоляю. Нам нужно поговорить.

— Какой вы, однако, настырный. Вы специально сюда пришли, чтобы меня отловить?

Он робко улыбается:

— Не только. Я еще прощался... с Инари.

У меня опять перехватывает дыхание.

— Да, конечно. Сергей, с вашей стороны тем более бестактно просить меня сейчас о каких-то разговорах...

Однако современный бизнесмен отличается воистину непоколебимым упрямством.

— Простите, Вика. Но я настаиваю.

Он усаживает меня в свой серебристый «лексус» на заднее сиденье, устраивается рядом и приказывает шоферу:

— В ресторан «Купец Платов».

— В ресторан?! — ахаю я. — Сергей, да вы рехнулись! Я, кажется, не давала вам санкции...

— Вика, — чересчур интимно шепчет дракон-бизнесмен. — Ну не в библиотеке же нам беседовать, в самом деле... К тому же я давно об этом мечтал — пригласить вас в ресторан. В человеческом облике.

Так, так... Бизнесмен набивается в потенциальные поклонники? Я краем глаза смотрю на него. Ну, не будь Авдея и не будь мне почти двадцать девять лет...

— Сергей, сколько вам лет?

— Тридцать два.

— Лжете.

Он вздыхает:

— Ну, двадцать четыре, а что?

— Ничего. А какой у вас бизнес? Или весь этот шик, — я обвожу рукой салон «лексуса», —

достался вам от папы в ознаменование окончания финансовой академии?

— Напрасно вы так, Вика. У меня действительно серьезный бизнес. И на машину я сам заработал. И родителей обеспечиваю.

— И жену с детьми...

— Я не женат. Но, — пристальный взгляд на меня, — собираюсь.

— Похвально...

Давненько я не бывала в ресторанах! Пожалуй, с самого замужества.

Бизнесмен ухаживал за мной на полную катушку. Официанты, видя его рвение, тоже принялись порхать вокруг столика, как бабочки, сервируя парчовую скатерть умопомрачительными деликатесами.

— Шампанского? За встречу, — наполнил мой фужер Сергей.

— Хорошо.

Я выпила шампанского, съела дольку мандарина и вдруг почувствовала себя полной идиоткой. Зачем я поехала в ресторан с этим полужнакомым человеком? Больше других дел не нашлось?..

— Вика, — заискивающе улыбается бизнесмен. — У вас очень мрачный вид. Не нравится меню?

— Мне не до меню. Сергей, что вы хотели мне сказать? Давайте, не тяните.

Он побледнел, покраснел, отложил в сторону бутерброд с икрой, откашлялся и хрипловато проговорил:

— Вика, я прошу вашей руки.

— Ой, слава тебе, святая Вальпурга! — Я облегченно выдохнула и принялась обмахиваться салфеткой. — Я-то уж ожидала каких-нибудь дурных новостей...

Выражение глаз у бизнесмена было — словами не передать.

— Вика... — страдальчески выдавил он. — Я ведь серьезно.

При этом он полез в нагрудный карман пиджака и извлек на свет божий маленькую бархатную коробочку в форме сердечка.

— Вот, — он открыл коробочку.

Там лежало обручальное кольцо с крупным бриллиантом. Да, парнишка действительно серьезно готовился соблазнить меня. Не хухры-мухры.

— Серженька, — я заговорила тоном медсестры, вкалывающей галоперидол буйнопомешанному. — Уберите колечко. Вы разве не в курсе, что я уже шестой год как замужем?

— В курсе, — бизнесмен захлопнул коробочку и поставил ее меж тарелок с салатами. — Только это не меняет моего решения.

— Вот как?

— Да. Потому что я вас люблю. И я добьюсь того, чтобы вы стали моей и только моей!

Разумеется, как замужняя дама, не изменяющая мужу даже мысленно, я должна была возмутиться. Но меня почему-то разобрал легкомысленный, даже определенно глупый смех. Видимо, шампанское в голову ударило.

— Пос-с-слушайте, мальчик мой, — прохихикала я. — Вы что, с-собираетесь нанять киллера и грохнуть моего мужа, чтоб потом жениться на безутеш...шной вдове? А моих детей куда денете? Это такие дети, о-о, такие! С ними никто не справляется, даже я. Даже моя мама, которая настоящий полковник. Глупость вы затеяли, деточка!

— Нет, не глупость, — заупрямился бизнесмен. — Вы не понимаете, что с тех пор, как я впервые увидел вас, я потерял покой и сон...

— Я что, была та-ик! — кая страшная?! Ненакрашенная я, ненакрашенная...

— Да что вы! Вика, я всю жизнь мечтал о такой, как ты. Любимая! Единственная! Я добьюсь тебя, чего бы мне это ни стоило... Выпей шампанского.

— Шамп-ик!... Ой, у меня же еще дела на сегодня, а вы мне все наливаете. Так. Разве это шампанское?

— Оно самое.

— Фу. А на вкус — водка с пепси-колой. Гадость какая.

В голове у меня шумело, как в системном блоке со сломанным вентилятором, настроение вдруг стало грустно-лирическое, и глупый бизнесмен показался человеком, с которым можно поговорить по душам...

— Эх, Сер-режа... Мне уже не до любви. У меня семь-я. Де-ти. Какие тут, на фиг, романтические чувства. И вообще все плохо! Я даже близкую подругу не успела от смерти уберечь...

— Вика, это на самом деле не имеет никакого значения. Главное — ты сама. Ведь ты — наша надежда.

— Пщ-му?

— Потому. Давай выпьем за надежду!

— Ну ланно... Тока чуть-чуть. Я сегодня ночью иду на дело... На такое дело! У-у!

И тут голова моя окончательно и благополучно отключилась. Чудилось мне только в каком-то рваном, пестром сне, что везут меня в машине по заснеженным улицам, а потом кто-то несет меня куда-то на руках... И состояние липкого противного сна оплетает тело.

Но я же ведьма.

Я же могу себя выт... вытрез...

Что я могу?!

Очнулась я оттого, что чьи-то горячие ладони чересчур настойчиво тискали мои бедра.

— Авдей, ну... ну, не время сейчас... У меня голова болит...

И тут голова перестала болеть. А я, стремительно трезвея, села на кровати и увидела, что меня, голую и незащищенную, ласкает вовсе не законный муж!

— Ах ты, бизнесмен чертов! — шалея от гнева, прорычала я. — Ты что творишь, рожа паскудная!

От моего рыка Сергея Павлова воздушной волной снесло с кровати и припечатало к стене. Но он не растерялся, опустил на колени и таким манером пополз обратно к ложу греховной страсти.

— Вика, любимая, я тебе все объясню!

— Не надо объяснений! — Я, не стесняясь, встала в своей ослепительной наготе в полный рост. Бизнесмен просто прилип ко мне взглядом. — Ты, мерзавец, меня изнасиловал! Я тебя за это сейчас кастрирую без хирургического вмешательства!!!

— Не насиловал я!

— Да что ты говоришь?! Может, тогда ты своим инструментиком (кстати, он у тебя так себе, насколько я успела заметить) массаж мне делал?! Совратитель порядочных ведьм! Гад озабоченный! — Для того, чтобы окончательно не вскипеть от ярости, я выпустила из-под ногтей пару бело-голубых молний. Одна разнесла зеркало, а другая ударила в какую-то аппаратуру, кажется, в домашний кинотеатр. Запахло горелой пластмассой. — А ну натяни трусы, не заставляй меня превращаться в зверя!

— Не гневайся! Я сам не свой от любви к тебе!

— Иди ты знаешь куда со своей любовью, — я обессиленно уселась на подушку, посмотрела на скорчившегося у кровати голого бизнесмена, и весь мой безумный гнев исчез, уступив место истерическому хохоту. — Нет, моя жизнь — сплошная клиника неврозов!

Сергей Павлов, уловив перемену в моем настроении, робко присел на краешек кровати, осмотрительно прикрыв свое небогатое мужское достоинство одеялом. Видно, правда, поверил, что я его влегкую кастрировать могу.

— Пожалуйста, верь мне, — жалобно заныл он, а сам так и облизывал меня взглядом. Даже живот зачесался. — Я честный человек, я на тебе жениться хочу...

— Я за тебя замуж не хочу, — в тон ему проныла я и встала с кровати. — Куда одежду мою дел, нечестивец?

Одежда обнаружилась на полу возле розового пуфика. Я села на пуфик и принялась натягивать колготки. Попутно я еще и еще раз объяснила юному бизнесмену, что так с порядочными женщинами, а тем более — с ведьмами — не поступают. Уж на крайний случай, если хочешь стать любовником — выясни, требуется ли даме любовник на данный момент...

— Ты ведь, паршивец, мне чего-нибудь в шампанское подсыпал, да? — пронцательно заметила я, застегивая бюстгальтер. — Сидеть! Одно движение — и останешься без гениталий. Говори оттуда.

— Ну, подсыпал. Немножко снотворного. Оно безвредное, честно...

— Я могу так свой организм настроить, что мне даже цианистый калий вреден не будет, чтоб ты знал! Это я просто бдительность утратила... Дурак ты этакий! Ты что, и впрямь меня так хотел?

— И сейчас хочу...

— Уймись. Кстати, могу сказать заклятие — неделю на секс не будет тянуть.

— Не надо!

— Ладно. — Я оделась, расчесала взлохмаченные страстным псевдолюбовником волосы и посмотрела на него истинным зрением. Фиолетовый отсвет моих глаз лег на его побледневшее лицо.

— Не дрожи, — холодно сказала я. — А теперь говори правду. Ты ведь не просто так хотел мною воспользоваться.

(Я правильно сформулировала: «хотел воспользоваться». В том, что похотливый мальчик не успел сделать желаемое действительным, я убедилась, быстренько проанализировав ощущения собственного организма)

— Вика, я...

— *Правду.*

— Хорошо. Пока ты была драконом, ты вряд ли могла знать, что тебя взяла под свою опеку Московская Управа драконов. Членом этой организации состою и я. В принципе, основной задачей нашей организации является сохранение и приумножение популяции драконов в Москве и в России. Но, к сожалению, чистопородных драконов, тех, в чьих жилах течет кровь древних драконов-прародителей, практически не осталось. А именно при помощи этих чистопородных мы могли бы восстановить численность российской популяции. Организация ведет поиск, у каждого вновь найденного дракона берется на анализ ДНК... И вот, когда взяли анализировать твой генетический код, оказалось...

— Что я чистопородный дракон?

— Да! Ты единственная наследница крови легендарного Змея Горыныча! Ты уникал!

— Не части, собьешься. Теперь я догадываюсь, с чего ты вдруг так захотел меня трахнуть. Чистопородный наследничек понадобился?

Бизнесмен молчит. Красноречиво молчит.

— Понятно. Значит, наследник...

— Я хочу, чтобы все было законно. Я бы на тебе женился...

— Ну, разумеется!

Меня опять разбирает смех.

— Это ж надо! Я — внучка Змея Горыныча! Ну, хорошо. Допустим, все было б так, как ты

захотел: родила б я тебе наследника. Но где гарантия, что он стал бы драконом? Вот у меня две дочери. Они не ведьмы, хотя я... сам знаешь кто.

— Наследник стал бы драконом и нашим вождем в борьбе с техногенной цивилизацией, — уверенно говорит Павлов, словно цитирует какую-то книгу.

— Мне кажется, я уже слышала нечто подобное. Даже фильм есть на такую тему отцов и детей. «Терминатор» называется. Не смотрел?

Бизнесмен опять молчит. Вид у него совсем непрезентабельный.

— Так, можно считать наше свидание законченным, — говорю я. — Провожать меня не надо, сама дорогу найду. А ты... переживешь как-нибудь без наследника...

Я иду к двери, бизнесмен, закутанный в атласное покрывало, семенит за мной следом.

— Ну чего тебе еще? — утомленно вопрошаю я.

— Я только хочу сказать, — торопливо выпаливает Павлов, — что ты не ведьма! То есть не настоящая ведьма! Потому что все настоящие ведьмы делают *это!*

— Что — *это?*

— Ну... Мужу изменяют, например. Любовников заводят, и вообще.

Ой, как же он мне надоел!...

— Слушай, дорогой, — я подцепляю его пальцами за подбородок. При этом на пальцах у меня вырастают острые, как лезвия, длинные ногти. — Ты мне оставь телефончик, я тебе звякну как-нибудь. Как только решу, что мне пора стать настоящей ведьмой и завести любовника.

... Я выбираюсь на улицу (странно, что богатый бизнесмен живет в обычной панельной многоэтажке), осматриваюсь и чертыхаюсь на чем свет стоит! А что бы вы делали на моем месте, оказавшись вместо центра Москвы на окраине Царицыно?!

Глянув на часы, я принимаюсь чертыхаться еще громче. До полуночи, в которую мне надо сотворить чары оживления Инари, чуть больше двух часов. И примерно столько же времени мне надо потратить, чтобы добраться до офиса корпорации «Новый путь». А помело осталось дома...

А в дракона превращаться снова — страшно. Вдруг так им и останусь?

— Такси! — истошно кричу я, увидев машину с оранжевым огоньком на крыше. Машина тормозит.

— Пожалуйста, в центр, — распахнув дверцу, говорю я окутанному темнотой шоферу.

Он кивает, я сажусь, машина срывается с места.

— Если можно, побыстрее, — прошу я. — Я опаздываю.

— Не волнуйтесь, госпожа, — странным нечеловеческим голосом говорит шофер. — Вы уже никуда не опоздаете.

Он поворачивается и смотрит на меня — крысиная с алыми горящими глазками морда.

* * *

Мне явно не доставало любимого врага.

Эдогава Рампо

Крысиная с алыми глазками морда высунулась из-за матовой колонны. Из пасти зверюги торчал пучок обгрызенных разноцветных проводков.

— Вше ф порядке, — шепеляво отрапортовала крыса. — Шигнализация обещточена.

— За мной, — скомандовала женщина, чью изящную фигурку обтягивал маскировочный комбинезон, почти сливающийся с окружающей темнотой.

Отряд из людей и крыс-оборотней бесшумно миновал служебный вход офиса корпорации «Новый путь» и кинулся по пожарному коридору, предназначенному для эвакуации служащих в экстремальном случае. Но в это сумрачное время никаких служащих и даже охраны на пути вторгшегося отряда не попало. К счастью. Иначе крысы-оборотни разорвали бы любого, кто встал на пути дела, которому служила Анастасия Либенкнехт.

По случаю окончания рабочего дня все лифты в здании были отключены. Впрочем, группа захвата в них и не нуждалась. Они быстро скользили по лестницам, на каждом пролете оставляя наблюдателя — крысу, которая в случае опасности должна была поставить в известность Анастасию, Повелительницу Крыс.

Буквально через четверть часа все здание уже находилось под контролем подчиненных черной ведьмы. Они взломали и проверили все кабинеты, прочесали залы для совещаний, буфеты, служебные помещения и туалетные комнаты.

— Все чисто, — доложила в браслет-наручник Тамахоси, которой достался для проверки конференц-зал. — Ни одного человека.

— У меня тоже тихо, — раздался голос Небесной реки. — Все кабинеты проверены.

— Третий этаж пуст, — отрапортовала Кагами. — Только в туалете свет не был выключен.

— Буфет и прилегающие помещения пусты, — подключилась к переключке Асунаро. Голос у нее был такой, что казалось, она что-то жуёт.

— Хорошо, — приняла доклады своих подчиненных Анастасия. — Рассредоточьтесь по вверенным объектам и начинайте отслеживание. Я дежурю у главного входа, но это вовсе не означает, что Синдзен придет прямо с парадного крыльца. Помните: в его силах применить высокое искусство дзена, поэтому он может возникнуть когда угодно и где угодно. Будьте предельно внимательны. Мы не должны его упустить!

... Время шло. Для сидящих в засаде оно тянулось еще медленнее и действовало на нервы. Давящая пустота огромного здания, тишина и мрак кого угодно выведут из состояния душевного равновесия. Тем более что бывшие зэчки вовсе не были профессиональными террористами и захватчиками мирных представителей японской интеллигенции. Немудрено, что им вскоре стало скучно сидеть без движения и ждать...

— Девки, эй! — ожил в эфире голос Тамахоси. — Вы еще не заснули?

— Нет, — подключилась к разговору Кагами. — Вот сволочная жизнь! Сажу тут, как шпрота в банке, и жду незнамо чего... Даже закурить нельзя! И на хрена нам сдалось все это дело? Вот ты скажи, Тамар, ну на хрена?! Обещали нам, что бабок будет немерено, свобода, вилла на этих... блин, забыла... островах. И что? Кому-то достались виллы, а нам — опять грабли, на которые мы капитально наступили!...

— Хорошо трепаться, девки, — встряла в монолог Кагами Небесная река. — У нас обратной дороги нет. Проезд закрыт. Сами видали, поди, что эти выродки с Лидкой-Фусими сделали...

— Да...

— Да...

— И чего ради Анастасия под них прогибается? Умная ведь баба, таких дел может наворотить... Чего ей от них надо?

— А я знаю, чего надо, — неожиданно вклинилась в разговор Асунаро. — Она с ними договор подписала.

— Какой?

— Она для них возвращает Курильские острова, а они ей дают крутую магическую силу. Вы, бабоньки, разве не в курсах были, что Анастасия-то наша раньше самой настоящей черной ведьмой представлялась. Ну вот. И за какие-то темные невеселые делишки ее более сильные маги (или не знаю, кто еще) лишили всех волшебных способностей, а потом и в нашу колонию упекли. Ну, она поневоле и связалась с этими чертями японскими, видать, были у нее старые знакомства и свой блатняк в ихней хазе...

— Ну ты, блин, как Джеймс Бонд, все знаешь...

— В натуре. Чего мне пургу-то вам в уши гнать? Знаете, как дело было? Я подслушала один раз, еще когда на нарах срок мотала, как наша Анастасия этим тэнгу молилась и с ними переговаривалась. Мы ж в одной камере были, одну парашу делили! И вот однажды ночью, полнолуние как раз было, свет от луны так и пузырит в камеру, подлюка! И лежу это я, девки, глаза прикрыла, вроде сплю, а сама вижу: встает Анастасия посередке комнаты, руками разводит, вроде как рисует какой узор в воздухе. И шепчет что-то, быстро так, не разобрать. И вдруг такой холод у нас в камере, будто в морозилке, аж до косточек пробирает! А я одеяло не могу на себя натянуть, шевельнуться боюсь, даже дышу вполсилы, потому как очень страшно. И вот лицо у Анастасии сделалось такое, ну, чисто покойница, а глазищи зеленым огнем горят-полыхают! И вроде как песню она запела, тихо-о-о-онечко, и под эту песню, бабоньки, повалил из нашей параша черный, густой такой дым! Ой, натерпелась я страху, особенно когда из дыма черная такая фигура нарисовалась с глазищами красными. И вонь от этой фигуры, скажу я вам, хуже не унюхаешь!...

Асунаро на минуту замолчала. Видимо, переживала заново давно забытые впечатления.

— Эй, Асунарка, ты че примолкла? — задышала в микрофон-браслет любопытная Кагами. — Давай бухти дальше, а то со скуки тут помрем.

— Да мне показалось, будто мимо прошел кто-то, я и напряглась... — включилась Асунаро. Голос у нее был слегка испуганным.

— И че? — забеспокоились ее товарки.

— А, фуфло. Ложная тревога. Крысы проверили — это сквозняк. Просто в одном кабинете форточка открытой оказалась.

Если бы Асунаро, в миру Даша Покукуева, была хоть немного ознакомлена с принципами работы офисной сигнализационной системы, она бы поняла, что никто из работников корпорации не мог оставить форточку открытой — иначе сигнализация просто бы не включилась. И значит, форточка открылась (или была кем-то незримо открыта) уже после того, как команда Повелительницы Крыс рассредоточилась в здании...

— Ну ладно, Асунарка, рассказывай, че дальше-то было? — возбужденно зашептала Кагами.

— А то и было! Черный урод этот вроде спрашивает Анастасию: зачем, мол, вызывала, как смела мой покой нарушить? Та ему в ноги кланяется и говорит: верни мне мою ведьмовскую силу, отнятую врагами, чтобы я могла им отомстить! А тот ей: за бесплатно только лохи горбатятся. Сделай для нас службу, тогда и свое получишь. Она: я на все согласна, выполню любой приказ, только сейчас во мне, мол, все силы на нуле, мне б, мол, хоть чуток начального капитала... И тут, девки, этот черный в нее вошел...

— Как вошел?

— Да как мужик! И принялся так ее драть, что она вся ходуном ходит, извивается, воеет, но, правда, по-тихому. Бойтся, видно, орать громко, чтоб вертухаи не засекли... Уж он ее кобелил-кобелил во все места, я даже без страху глаза открыла: никогда такого сексу не видела!

— Брешешь.

— Собака брешет! Наша Анастасия-то уж вконец и стонать перестала и не заметила, как я за этой случкой подглядывала... Ну вот. Потом этот черный натешился и обратно дымом в парашу ушел. А Анастасия полежала на полу чуток, потом поднялась и этак тихо говорит: «Проверим силу». И тут... До сих пор не верится!

— Чего, ты говори, не томи!

— Поднялась она над полом под самый потолок и принялась по воздуху расхаживать! А потом взяла стульчак железный и на куски его, как бумагу, порвала... И хохочет-заливается: вернется ко мне вся моя великая сила! О как! Я после той ночи к вам-то и примкнула, поняла, что лучше против Анастасии не идти... Лучше уж с ней, глядишь, и мне сила какая-нибудь перепадет...

— Ага. От черного козла, который Фусимку спалил!

— Жалко Фусимку.

— Царство ей небесное. Тихая была девка...

— Девки, завязывай болтать! — шепотом закричала в передатчик Небесная река. — Я тут какой-то шорох услышала. Проверю, может, это наш япошка явился...

И голос Риммы Пустяковой исчез из эфира. Всем вдруг стало неуютно, особенно Асунаро, которая уже кляла себя за болтливость и неосмотрительность. Ведь этот разговор могла подслушать и сама Анастасия. Вряд ли ей понравилось, что кто-то выбалтывает ее тайны.

Женщины притихли. Окружающая их темнота показалась им грозной и враждебной.

«А вдруг понаедут сюда менты, — думала Тамахоси. — Всех нас заметут. А Анастасия уйдет».

«Язык мой — враг мой. И чего я трепалась? — ругала себя Асунаро. — Ей же меня пришлепнуть как два пальца об асфальт. У нее таких, как мы, еще целая колония. Хватит народу, чтоб весь мир завоевать!»

«Сейчас бы водочки, — мечтала неисправимая Кагами. — И мужичка повеселей...»

А Римма Пустякова, она же Ама-но кавара, Небесная река, уже ни о чем не думала, не тревожилась и не мечтала. Она лежала на полу в состоянии глубокой комы, как и все подчинявшиеся ей крысы-оборотни. Словно кто-то наложил на них мощное заклятие. С руки Риммы исчез браслет-передатчик. Он теперь находился у невидимой и неосязаемой Вики Белинской, пришедшей в офис «Нового пути» оживлять свою подругу.

Нет, сегодня мне определенно везет на приключения!

Я, природная ведьма Викка, кралась по коридорам «Нового пути», чтобы ухитриться одним ударом убить двух зайцев.

Нет, даже трех.

Задача №1: оживить Инари и при этом не попасться в поле зрения своей тетушки.

Задача №2: попасться в поле зрения тетушки, тем самым довести ее до инфаркта и сорвать ее планы, какими бы эти планы ни были.

Задача №3: когда тетушка придет в себя, любезно осведомиться у нее насчет этих самых планов. И передать ее в руки правосудия!

Ну-с, как вам мой стратегический гений?

... Кстати, когда я села в такси с водителем-крысой, я ничуть не испугалась. Если помните, в моей бурной биографии встречались монстры и похлеще. Тем более что я сама в какой-то степени монстр.

Простеньким заклятием я *возобладала* над сознанием этой крысы и выяснила, что она является оборотнем, послана моей теткой и вовсе не для того, чтобы довезти меня до офиса «Нового пути», а благополучно сверзиться вместе со мной и машиной с подходящего откоса, после чего взорваться, тем самым навсегда прекращая мое брэнное существование.

Я не могла не поаплодировать таланту тетки подстергать меня в самых неожиданных местах. Но, как известно, на каждую голову найдется своя гильотина. Поэтому я несколькими простыми заговорами перепрограммировала крысу-камикадзе, благополучно и оперативно добралась до нужного места, высадилась и тут же поняла, что мне предстоит крайне беспокойная ночь.

Все здание японской корпорации было буквально напичкано подобными крысами. И, кроме того, еще находясь на улице, я ощущала ауру своей тетки так, как ассенизатор ощущает ароматы подземной канализации, даже взлетев на дирижабле.

Хидэо Синдзен, прощаясь, заверил меня, что я совершенно спокойно могу прийти в полночь в

траурный зал, где он собирался читать священные сутры над телом Инари, что я не встречу никаких препятствий на своем пути и смело смогу творить чары оживления...

Видимо, сам господин Синдзен не предполагал, что к нему в офис пожалуют непрошенные гости. Значит, я должна действовать незаметно, оперативно и решительно. Чтобы никто не успел мне помешать.

Оставаясь невидимой, я проникла в траурный зал. Для пущей своей безопасности мне пришлось *глубоко уснуть* симпатичную дамочку в костюме-хамелеоне и подчиненных ей крыс, охранявших подходы к залу. Меньше свидетелей — чище работа, как говаривал Джек-потрошитель...

Возвышение с телом Инари я очертила тройным магическим кольцом: чтобы мне не мешали ни люди, ни демоны, ни тетка (которую я не могла классифицировать, поэтому выделила в отдельный вид и возвела против нее персональную защиту). Затем при помощи способностей, которые мне дал Обряд Тринадцати, я *призвала* белого голубя и черного петуха, серебряную шпагу и обсидиановый жертвенный нож, пучок белладонны и букет белых лилий. Я собиралась заниматься не примитивной некромантией, а настоящим оживлением, поэтому мне были нужны компоненты, символизирующие и Добро и Зло. Потом я материализовала большую каменную чашу и поставила ее в ногах покойницы. В чашу, под непрерывно изрекаемые заклинания полилась кровь голубя, зарезанного черным ножом, и кровь петуха, заколотого светлой шпагой. Ничего не поделаешь. Настоящее колдовство бескровным не бывает. Нельзя сделать *дела*, не запачкав рук.

Искрошив в мелкую пыль белладонну и лилии, я всыпала их в чашу. Размешала полученную массу ножом и, самоблагословясь, как и положено всякой ведьме, вскрыла себе вену на левой руке. Моя кровь закапала в чашу.

— Это жертва за то, что я собираюсь сотворить. Да будет она принята!

Чаша вспыхнула золотистым пламенем и исчезла. Жертва принята. Теперь я могу вызвать Инари из царства мертвых, не опасаясь, что на мой зов вместо дорогой подруги явится какой-нибудь подсуетившийся кадавр.

Рана на руке кровоточила, как и положено. Прошептав тайные слова, я брызнула своей кровью на околевших петуха и голубя. Их раны тут же затянулись. Птицы ожили. Значит, оживет и Инари.

Раздвинув погребальные пелены, я обнажила левую грудь моей названной сестры, мимолетно отметив при этом, что на этой прекрасной белой груди красуется расплывчатый синяк как от слишком сильного и затяжного поцелуя. Бедная Инари! Видно, чересчур пылкий и неумелый был у тебя любовник. Торопливый. Ну ничего, я верну ему тебя.

С этой мыслью я погрузила острие шпаги в неподатливое ледяное тело. А потом, вытащив шпагу, над образовавшимся черным проколом я вытянула свою руку с каплющей прямо на грудь Инари кровью.

— Я делюсь с тобой своей кровью, своей силой, своей жизнью. Я делюсь с тобой дыханием из уст, мыслью из разума, нежностью из сердца. Живи, сестра!

Словно ледяная игла прошила меня от головы до пят, раздирая мою плоть, забирая последние силы. Я закачалась от боли и вцепилась в погребальное ложе, чтобы не упасть. Закрывает глаза, переводя дух, заставляя сердце работать в нормальном режиме... Ну, успокойся, дурочка. Все

ведь *должно* получиться.

— Вика... Сестра...

Я открыла глаза. Инари сидела на своем ложе и смотрела на меня, как вполне живой, просто очень долго спавший человек. Не было в ее глазах стеклянного блеска, который присущ недоожившим мертвецам, зомби и прочей непотребной шушере.

Значит, у меня получилось.

Она жива.

Если меня уволят с радио, я устроюсь работать в какую-нибудь больницу реаниматологом.

— Ты вернула меня?!

— Ну да. С возвращением тебя, как говорится, на бренную землю...

Рот Инари жалобно округлился, из глаз полились слезы. Она протянула руки ко мне...

— Пустое, не благодари, — отмахнулась я. — Для ведьмы моего уровня это совсем несложное дело...

— Зачем ты это сделала!!!

Инари это так выкрикнула, что в первую минуту я подумала, что передо мной все-таки недооживший мертвец.

— Чур, чур меня! Что ты орешь, Инари, будто я тебе на кимоно наступила?! Неужели ты не рада снова жить и видеть меня?

— Рада, — вопреки своим словам моя подруга выдала очередную порцию бурных рыданий. При этом я заметила, что ее слезы превращаются в драгоценные камни и, как горох, сыплются на пол.

Я улучила паузу в ее рыданиях и сказала:

— Тебе не стыдно, дракон из клана Тодороки? Ты рыдаешь, подобно пьяному ронину!

— Я рыдаю именно из-за стыда, который разъедает мое сердце! — воскликнула Инари, но плакать перестала. — Смерть была для меня благом, покрывшим мои грехи, а ты вернула меня к жизни, чтобы я стыдилась смотреть тебе в глаза!

— Ох, успокойся ты, пожалуйста! Некогда сейчас реветь. Тут в ближайшее время намечаются такие события, при которых тебе, в силу твоего теперешнего состояния, лучше не присутствовать. Я отведу тебя в туалет (ты наверняка туда хочешь), а потом отправлю домой. Лады?

Я взяла подругу за руку, намереваясь свести ее с ложа скорби, но она отняла руку и соскочила сама. Нервно поправила на себе свою погребальную хламиду.

— О, ты явилась воплощением моего стыда и позора, сестра! — простонала она.

— Инари, ну зачем ты так? Я, можно сказать, из лучших побуждений... Ну что ты меня так уж

стыдишься, а? Как будто мужа моего соблазнила, право...

Инари посмотрела на меня налитыми страхом и скорбью глазами.

— Ты догадалась... — прошептала она.

— Ты о чем?

— О том, что я... — голос моей дорогой подруги упал совсем уж до невнятного шепота, — что я... согрешила с твоим мужем.

Я помолчала, потом спросила:

— Ты это серьезно?

— Да. — Она опустилась передо мной на колени, коснулась головой пола. Ее распущенные волосы блестящей черной волной упали на носки моих сапожек... — Казни меня любой казнью. Этого невозможно простить. Я знаю.

Ничего ты не знаешь, Инари. Много можно простить. Если есть на это сила...

Я опустилась с нею рядом, коснулась плеча. Она вздрогнула, посмотрела на меня.

— Инари, скажи мне честно, потому что это для меня важнее всего, — попросила я. — Дорожишь ли ты мною, как подругой?

— Да.

— Считаешь ли ты, что когда мы были драконами, то породнились по духу и силе?

— Да.

— Любишь ли ты меня, как свою названую сестру?

— Да. — Взгляд Инари стал твердым, как хрусталь. — И я могу тебе поклясться в этом своей жизнью и смертью, ибо мои жизнь и смерть принадлежат тебе.

Я облегченно вздохнула:

— Ну, тогда все нормально! И вообще, нашла из-за чего переживать. Точнее, из-за кого!

— Как? Сестра моя, госпожа моя, неужели ты не гневаешься на меня за то, что я посягнула на твоего супруга?

— Нет! — я искренне рассмеялась. — Не гневаюсь. Абсолютно. Было б там на что посягать! Подумаешь, сокровище! Хочешь, насовсем его себе забирай!

— Нет, что ты... Я знаю, он просто поддался моим природным чарам, а любит на самом деле только тебя. Это правда!

— Серьезно? Ну ладно. Кстати, это мой прелюбодей тебе такой поцелуй на груди насосал?

— Он, — смущенно потупилась Инари.

— Вот вандал! Никакого такта в интимных отношениях с приличной женщиной! Плохо я его

воспитала!

— Ну, вообще-то он ничего, — зарделась подруга.

— Да, может, когда захочет, — лаконично отрезюмировала я потенцию своего благоверного. — Ладно. Теперь, когда мы разобрались с твоим оживлением и моим распутным мужем, нужно сделать еще кое-что...

— *И ЧТО ЖЕ ТЫ НАМЕРЕНА СДЕЛАТЬ, НЕГОДНАЯ ТВАРЬ?!*

Ой, какой до боли в копчике знакомый голос!

Я посмотрела на свою дражайшую тетушку, которая скребла руками прозрачную стену магической защиты и при этом не стеснялась в выражениях. Наверное, в этот момент на моей физиономии расцветала ухмылка, какой ухмылялся бы принтер, зажевавший единственную и бесценную распечатку в тот самый момент, когда вы уже успели удалить оригинал.

— Ma tante, — голосом, в котором сосредоточилось ехидство всех племянниц мира, обратилась я к тетушке. — Что вы там скребетесь, как отравленная мышь? Не суетитесь, ваш план уже провален.

Инари встала рядом со мной, прижалась к моему плечу. Я почувствовала тепло ее живого тела и еще раз порадовалась, что чары мне удалось.

— Это та самая женщина, которая взяла в плен господина Синдзена, — тихо сказала подруга. — Она мерзкая негодная тварь, продавшаяся духам-тэнгу... Чего же ей теперь надо?

— А ты разве не в курсе? Ах да, ведь ты всего не успела увидеть... Когда ты вызвала меня, я прилетела, разогнала всю публику, и твой бесценный Синдзен освобожден. Мы с ним беседовали не далее как сегодня днем на предмет твоего оживления.

Тетка прервала мой монолог, заколотив кулаками по защитной стене:

— Сними магическое поле, тварь негодная! Иди и сразись со мной!

— На фига?! — резонно спросила я. — Мне что, больше заняться нечем? Кстати, тетушка, если тебе это интересно знать: сегодня господин Синдзен не явится в офис. И завтра не явится. И послезавтра! Так что напрасно вы его так усердно караулите. Он согласно моему оперативному совету сейчас находится... в надежном месте. Весьма надежном! И еще. Ты своих ребятишек, девчонок и крысишек, которых я по дороге между делом в коматозное состояние отправила, подбери. Что им зря валяться? Еще пригодятся — старость твою немощную покоить...

После этой реплики тетка взвыла как аварийная сирена, глаза ее загорелись знакомым мне зеленым пламенем. Выглядела она, конечно, жутковато, но я уже привыкла к подобным эффектам. А вот Инари всерьез испугалась. Тем более когда на вой тетки со всех этажей, из всех кабинетов стали подтягиваться крысы-оборотни и бывшие зэчки.

— Их больше, чем нас, — констатировала Инари, глядя, как холл вокруг нашего возвышения заполняется черной, враждебно настроенной толпой.

— Зато я поставила магический экран. Я смогу держать его довольно долго...

— А что потом?

— Ну, потом... Потом наступит утро, пропоет петух (да, вот этот самый, черный, который нагадил в вазу с хризантемами), и вся эта нечисть рассеется без следа...

— Правда?

— Во всяком случае, так гласят легенды. У нас с тобой есть исключительная возможность проверить, насколько легенды правдоподобны.

— Нет, — решительно сказала Инари. — Мы не можем ждать милостей от легенд и сказок.

— Что ты предлагаешь?

— Превращаемся в драконов и гоним этих преступников прямо в суд.

— Нет, уж лучше сразу на Лубянку.

— Можно и туда... В общем, куда-нибудь гоним. Ты лучше меня Москву знаешь.

И тут мы принялись хохотать под прицельными взглядами наших недругов.

— Хохочите, дуры, хохочите, — донесся до нас презрительный голосок Анастасии. — До взрыва осталось пятьдесят три секунды. Мы-то успеем сбежать. А вот вы не успеете стать драконами. Пока!

До взрыва?

Как это дети пели в своем воспитательном учреждении?..

Бомбочка, бомбочка, чистый тротил.

Дяденька злобный тебя зарядил.

Чтоб эта бомбочка в праздничный час

Весело прыгать заставила вас!

Раз-два-три-раз!

Своеобразный юмор у современных детей.

Но сейчас не об этом!

Как же я, дура бестолковая, не предусмотрела такого варианта?! Только на магию понадеялась!

Я автоматически отметила, что Анастасия со своим воинством маячит уже в дверях. Мгновение — и они исчезли, словно и не стояли тут.

— Мы не успеем добежать до выхода...

— И не успеем превратиться в драконов...

— А если попробовать?..

— Пробовать некогда, надо превращаться! Хоть в кого-нибудь!

... Безмятежный покой кварталов, прилегающих к зданию корпорации «Новый путь», потряс чудовищный взрыв, сровнявший офис и пару ближайших торговых центров с землей. В поднявшейся после взрыва суматохе никто не заметил, как над пылающими обломками взмыл высь ало-золотой дракон и стремительно растаял в затянутом снежными облаками небе. Вряд ли кто мог заметить дракона, а если бы и заметил, то вряд ли бы подумал, что этот дракон бережно и аккуратно несет в своей клыкастой пасти крошечного джунгарского хомячка, в которого успела превратиться Вика Белинская.

* * *

— *Никогда не судите о людях по внешности, агент Молдер!*

Агент Скалли

— Вика Белинская? Она сейчас в рубке, у нее прямой эфир. Передача «Для тех, кто не спит». Может быть, слышали?

— Может быть, — вошедший мужчина любезно улыбнулся хорошенькой секретарше-вампирише. Та зарделась и принялась разглядывать свой маникюр.

— Детка, — интимно понизил голос визитер, — можно я посижу здесь у вас, подожду Вику? Мы с ней старые приятели, не виделись уже несколько лет... Ужасно по ней соскучился!

— Вообще-то посторонним у нас не положено находиться, — посетитель явно нравился секретарше. — Но раз вы Викин друг, сделаем исключение. Присаживайтесь.

— Благодарю. — Мужчина неотразимо улыбнулся и изящным жестом вбросил в приоткрытый ящик секретаршиного стола большую плитку гематогена.

— Право, к чему так тратиться, — просияла секретарша. — Я вам кофейку сделаю. Мигом!

— Премного обяжете.

Секретарша вышла, покачивая бедрами, как это делают секретарши во всех мирах и измерениях. Посетитель проводил ее взглядом, а потом принялся осматриваться. Ведь в офисе полуночного «Еж-радио» было на что посмотреть...

Стены были оклеены глянцевыми постерами популярнейших в оккультном мире певцов и музыкальных групп. На многих постерах стояли автографы, причем некоторые — кровью. Красовались и улыбались зрителям с плакатов и экстремальная вампирская рок-группа «Челюсть свело», и хрупкая, бесплотная, как фея, певица Христина Отбрыкайте, и незаходящие звезды всех музыкальных рейтингов — оборотень Прилип Хипхопов и золотой голос полуночной России леший Ермолай Баксов.

Посетитель насмешливо любовался сияющей физиономией Баксова, рекламирующего свою новую сольную программу «Мне — 225!», и вдруг напрягся, прислушиваясь. Прислушивался он своеобразным манером: уши его, поначалу вполне человеческие, вытянулись, заострились и покрылись шерстью, как у волка. Он нетерпеливо дернул ухом, улавливая знакомый, исполненный профессионального оптимизма, женский голос:

— В эфире передача «Для тех, кто не спит» и я, Вика Белинская, снова говорю вам о том, что вы можете в течение нашей передачи позвонить к нам в студию по телефону (095) XXX-XX-XXи

передать музыкальное поздравление вашим родным, близким, как живым, так и уже почившим. Еще раз повторяю телефон...

— Алло...

— Да, да, говорите, пожалуйста! «Еж-радио» вас слушает!

— Я хотела бы передать большой привет моей дорогой подруге, замечательной ведьме Викке, и попросить, чтобы для нее прозвучала хорошая песня.

... Я беззвучно смеюсь в микрофон. Я в эфире, на рабочем месте, и мне нельзя демонстрировать, как я счастлива, услышав голос Инари Такобо. Вместо этого я просто нахожу нужный диск и ставлю песню:

Когда простым драконьим взглядом

Ты озираешь все вокруг,

Мне ничего уже не надо —

На свете лучше не было подруг!

Час колдовства и час полета

Мы делим на двоих с тобой!

У нас с тобой ведь есть работа —

Раскрасить купол неба голубой!

Зачем словами мучить душу,

Раз мы в полете так близки.

И нашей дружбы не нарушат

Ни ведьмаки, ни просто мужики!

Ведь мы с тобой на все готовы:

И на банкет, и даже в бой.

Давай взлетим мы в небо снова —

Собой украсим купол голубой!

... Из взорвавшегося офиса корпорации «Новый путь» мы с Инари вылетели благополучно. Точнее, вылетела она. Я в дракона превратиться не успела, и, когда Инари отчаянно закричала: «Вспомни хоть какое-нибудь животное и превращайся!!!», мне на ум почему-то пришла наша домашняя зверушка — хомячиха Фуфуня. Как Инари ухитрилась меня не раздавить в пасти во время нашего путешествия — ума не приложу. Вот что значит настоящая женская дружба!

Куда нам было лететь посреди ночи, как не в квартиру Инари? Там мы вновь обрели

человеческий облик, Инари наскоро приготовила какие-то колобки из риса и сладкие лепешки, заварила чай... Я было подрядилась ей помогать, но она деликатно дала мне понять, что раз я гость, то должна сидеть и отдыхать, тем более что только полчаса назад мы пережили воистину сногшибательные приключения...

Мы пили чай и думали, как нам быть дальше. В смысле, как обезопасить мир от бубонной чумы, роль которой сейчас играет моя тетушка. Кстати, я рассказала Инари о том, что родилась ведьмой именно благодаря теткинemu черному проклятию, что тетка всю свою жизнь ненавидела меня и мою маму, и лишь совместными усилиями мамы и Баронета тетку удалось лишить всех магических способностей.

— Однако, — заметила Инари, — некоторые чародейные способности у нее все-таки появились.

— Наверное, эти тэнгу с нею поделились... Недаром она перед ними так землю роет...

— Роет землю? — удивилась Инари.

— Ну, старается очень. Вон как стремится заполучить твоего босса. Но у нее ничего не выйдет. Господин Синдзен в надежном месте.

— Где?

— Прости, сестричка, но даже тебе я этого сказать не могу. Не потому что не доверяю, а потому что дала слово молчать. А слово ведьмы должно быть нерушимо. Сама понимаешь.

— Понимаю, — взгляд Инари стал каким-то строгим. — Тогда дай мне слово ведьмы, что...

— Что?

— Ты не бросишь своего супруга и не станешь мстить ему за измену!

Она молитвенно сложила ладони и прямо-таки пронзила меня взглядом.

— Инари, ты ставишь меня в неловкое положение такой просьбой... Это что же, я ему даже приличного скандальчика по поводу адюльтера закатить не смогу? А если я решу завести любовника — это что, тоже будет расцениваться как месть?! Никакой личной жизни, одна магия?! А ведь стоило бы его, спиногрыза этакого, бросить! Он мне уже два года как цветы перестал дарить! Все, мол, финансы у тебя, пойдй, купи! Нет, подруга, ты скажи: это нормально, чтобы женщина сама себе цветы покупала?! Вот на кой пес тогда нужен муж, если цветы — сама, подарки — сама, а вместо ресторана — пиццу себе домой заказываешь!

— Вика, но ты же его любишь!

— Люблю, — подтвердила я, проглотив рисовый колобок. — И детей люблю. И маму. И Баронета. И тебя. И хомячка... Хомячка своего просто обожаю! Ой, ты в чай случайно коньяку не наплескала? Что-то у меня настроение чересчур легкомысленное.

— С чаем все нормально. Вика, я тебя прошу как подруга...

Я посерьезнела. Даже вздохнула и прослезилась.

— Хорошо. Даю слово *истинной* ведьмы, что не испорчу семейную жизнь этому прохвосту! Кстати, который час, а?

— Скоро утро, — Инари подошла к окну, за которым все было матово-белым от выпавшего снега. — О Амиду! Я снова вижу снег...

Она подошла ко мне, коснулась плеча ладонью:

— Благодарю тебя, сестра.

Я смутилась.

— Ведьмы не любят, когда их благодарят, — шутливо проворчала я. — Инари, мне нужно к своим. Я ведь и не повидала их толком, как из дракона вылупилась. Они меня ждут. Наверное.

— Ждут, — ободряюще улыбнулась Инари. — Еще как ждут.

И я поехала домой по предрассветной, в розоватой морозной дымке Москве.

Я думала, что мои домашние нормальные люди. И как все нормальные люди, они в пять часов утра крепко спят.

Я ошиблась.

Едва я отмыкающим заклятием (ключа-то у меня нет!) открыла дверь и тихо проскользнула в прихожую, раздался негромкий, но внушительный мамин голос:

— Ну, наконец-то. Явилась!

— Доброе утро, мамочка! — я извлекла из своего арсенала самую обезоруживающую и нежную улыбку и, сбросив шубку и сапоги, двинулась в освещенную заходящей луной кухню. — Доброе утро... всем.

Все мое прекрасное семейство (исключая, правда, Баронета. Где он, кстати? Надо выяснить!) сидело, нет, восседало за кухонным столом и как-то странно глядело на меня.

— Дети, — обратилась я к своим прекрасным дочерям. — А что это вы не спите?

— Тебя ждем, — капризно поджав губки, ответила Машка. А Дашка кивнула и отвернулась.

— Ну так идите ко мне, поцелуйте маму!

— Ага. Разбежалась.

— Целуй ее. Рептилия.

Я придержала нижнюю челюсть, чтобы она не отпала. Посмотрела на мужа, понимая, что от такого приема, ото всего, что я испытала и узнала за последние несколько часов, моя душа просто начнет биться в истерике.

— Авдей, объясни мне, что происходит? — сдерживая себя из последних сил, чтоб не разреветься, спросила я.

— По-моему, это называется «семейный кризис», — весьма холодно отвечал супруг, которого я поклялась беречь и не оставлять.

— Я... не понимаю.

— А тут и понимать нечего! — встряла мама, и голос у нее был, как у прокурора на суде. — Ты нам здесь больше не нужна. Мы без тебя прекрасно обходимся. Убирайся!

— Но это мой дом! Мои дети!

— Ничего подобного! Пошла прочь, ведьма!

Истерика все-таки дошла до критической точки. Глядя на равнодушно-ледяные лица любимых людей, я разрыдалась в голос и бросилась прочь из кухни. Зацепилась ногой за отогнувшийся уголок линолеума в коридоре и грохнулась посреди прихожей так, что с антресолей посыпались старые зонты...

— Святая Вальпурга, да за что же мне это!!! — проорала я в полный голос, понимая, что ко всем прочим несчастьям у меня еще и нога вывихнута...

— О господи, Вика! Что с тобой?! — из спальни (не из кухни!) выскочил заспанный Авдей в одних пижамных штанах. Бросился ко мне:

— Солнышко, ты упала? Тебе плохо!

— Не подходи! — провыла я. — Я тебе больше не нужна! Я всем вам больше не нужна! Я рептилия! Я тварь! Я ведьма!!!

Авдей поднял меня на руки, закричал перепуганно:

— Татьяна Алексеевна, Вика вернулась, и ей плохо!

— Она уже знает! — продолжала выть я. — Она меня уже выгнала!

— У тебя бред, родная, что ты говоришь! — Из гостиной, на ходу запахивая халат, вылетела мама. Всплеснула руками: — Доченька, что с тобой?! Авдей, неси ее в гостиную, надо дать ей успокоительное. Она вся трясется!

— Да! — закричала я, пытаюсь вырваться из объятий Авдея, но он держал крепко. — Почему вы меня так ненавидите?

— Родная, успокойся, не кричи, детей разбудишь...

— Разбужу?! Дети сидят на кухне! И все вы — тоже!

И тут я умолкла, понимая, что в этой фразе есть некоторая странность.

Мама быстро прошла на кухню, включила там свет и вернулась со словами:

— Доченька... *Там никого нет.*

У меня все поплыло перед глазами.

— Я хочу видеть своих детей, — прошептала я, прижимаясь к мужу.

Он принес меня в детскую, и, опираясь на его плечо, я воочию смогла убедиться, что Машка и Дашка безмятежно спят.

— Святая Вальпурга, — прошептала я и потеряла сознание.

Очнулась я, когда за окнами был день. Левая нога распухла и противно ныла. Я осмотрелась. Напротив моей кушетки сидел в кресле Авдей и пристально меня рассматривал.

— Вика, что с тобой было? — тихо спросил он. У меня опять намокли глаза.

— Я пришла и увидела, как вы все сидите... там. И выгоняете меня!

— Это были не мы, — Авдей пристраивается рядом, обнимает меня и целует в макушку. — Это наверняка мороки. Знаешь, за время твоего отсутствия их в квартире ужасно много развелось. Я поначалу пугался, особенно когда шел ночью в туалет и встречал там морока твоей мамы, а потом привык.

— Мороки, значит, — выдохнула я. — Ну, я с ними разберусь. А я так напугалась! Особенно, когда девчонки отказались меня целовать...

— Мам, а можно мы уже зайдём? Мы даже зубы почистили!

И мои совершенно настоящие дочери врываются в гостиную, принимают меня целовать и ласкаются, как шkodливые котята.

— Девочки! — тут появляется моя мама. — Вашей маме нельзя волноваться...

— Мы знаем, она видела привидения! Мам, ну ты же смелая! Чего испугалась, даже папа уже их не боится! Ну чего ты реवेशь, как маленькая!... Лучше поиграй с нами в «море-волнуется-раз», а то мы так по тебе соскучились!

Завтрак мы устроили в гостиной, чтобы мне с моей больной ногой поменьше приходилось двигаться.

— Мам, а ты наколдуй, чтоб нога прошла! — предложила Маша.

— Лучше я маме мазь принесу. Фастум-гель, — решила Даша. — От колдовства толку мало...

— Машута, я пока не могу колдовать. Я ночью потратила очень много сил...

— А что ты делала?

— Сейчас расскажу...

И когда все семейство жевало утренние бутерброды, запивая их какао, я изложила по пунктам, чем занималась прошедшим днем и ночью (опуская, правда, то, что меня похищал бизнесмен Павлов).

— Значит, ты оживила тетю Инари? — зашлись восторгом дочери, а муж поперхнулся какао. — Ты супермама, как в телерекламе! А когда мы ее увидим?

— Думаю, скоро. Она обязательно будет у нас в гостях. Ведь она моя названная сестра и лучшая подруга...

При этом я понаблюдала за реакцией мужа. Так себе была реакция. Бутерброд он все-таки уронил на ковер. Маслом вниз. Неудачник.

— Это еще не все. У меня был крупный разговор с тетушкой, которая пыталась опять посягнуть на свободу господина Синдзена, а когда у нее ничего не вышло, устроила взрыв в офисе

«Нового пути». Так что, мам, надо быть настороже: Анастасия Либенкнехт снова на тропе войны.

— Я так и поняла, — помрачнела мама. — Я только не понимаю, как такое мог допустить мой муж! Уехал куда-то, и уж сколько времени от него ни ответа ни привета!

— Ну, мэтр тоже не всемогущ... Мам, кстати, а что значит имя Мироку?..

Мама подобралась:

— А где ты его слышала?

— Господин Синдзен сказал, что так его называют в Японии...

Мама благоговейно сложила ладони:

— Это значит, что он — Будда грядущих времен, истинно просветленный, божественный. Его нельзя заставить себе служить, как нельзя заставить погаснуть солнце.

— Что ж, надеюсь, моя тетка это поймет и оставит свои затеи. Девочки, спасибо за завтрак, — расцеловала я дочек. — Помогите бабушке прибраться...

Авдей деликатно выпроводил всех из гостиной, закрыл дверь, подсел ко мне. Лицо у него было такое, ну, в общем, какое бывает у вполне порядочного мужчины, которому приходится признаваться в *некоторых вещах*...

— Вика, милая, я должен тебе сказать... Так получилось... Я и Инари...

— Я знаю, — спокойно перебила я его. — Ты и Инари. Так получилось.

— Она рассказала тебе?!

— Да. Понимаешь, мы *настоящие* подруги. А у *настоящих* подруг нет тайн.

— И что ты решила? — тихо спросил муж.

— А надо что-то решать? Устраивать скандалы с выкидыванием чемоданов на лестничную площадку? Бежать в суд и требовать развода? Составить зелье из семнадцати видов цианидов и подать его тебе в качестве соуса к спагетти? Неужели ты считаешь меня такой глупой, мелочной и вздорной бабой?.. Лучше посмотри на меня и скажи мне, нет, не словами, а сердцем: ты меня все еще любишь?

— Да. А ты — меня?

— Да, паршивец ты мой...

— Понимаешь, увлекся...

— Фу, Белинский, прекрати эти тривиальности. *Я все понимаю*. И давай жить так...

— Как будто ничего не было?

— Нет. Как будто *все было*. Было. А мы живем в том, что *есть*.

— Вика... Если б ты знала, как я по тебе соскучился...

— У меня нога болит, не забывай.

— Хорошо, ногу я буду целовать в первую очередь...

Мужнины поцелуи подействовали на ногу исцеляюще. К тому же, чуть отдохнув, я вполне была способна к самоизлечению. И, кроме того, жаждала деятельности.

— Сегодня ночью я иду на работу, — предупредила я домашних. — Они там наверняка меня уже трижды сглазили и порчу навели.

— Насчет порчи не знаю, — сказал муж. — Но тут уже были твои коллеги.

— Кто именно?

— Сначала жуткий такой, красноглазый, серой воняет...

— А, это дем-джей, напарник. Сера — это у него дезодорант такой. Имидж, сам понимаешь...

— А потом явился вампир. Пальцев.

— Да ты что? Сам Пальцев? Мой шеф, с ума сойти! Ругал он меня за прогулы, да?

— Нет. Он... Ой, что ж я тебе сразу этого не сказал! Принес вампир такие жуткие кусочки человеческой кожи, а на них написаны угрозы в твой адрес! Он сказал, что тебе грозит опасность! Викочка, золотко, не ходи ты на эту работу, а?

— Авдей, *тем более пойду*. Чтоб ведьма да пряталась от опасности!

— Тогда — я с тобой. Буду тебя караулить. И защищать.

— Чем? Своим премиальным мечом?

— А хотя бы. И не спорь. Никуда одну не отпущу. Хватит!

— Ой, Белинский, какой ты тиран... Ой-ой, какой ты деспот... Ой, потирань меня еще вот в этом месте, пожалуйста...

— Милая, я же серьезно.

— Ну, хорошо. Так и быть. Возьму тебя на радио. Посидишь со мной в рубке во время эфира. Посмотришь, а главное, послушаешь, как жена работает. Может, тогда твой творческий кризис пройдет. Напишешь про будни радиовампиров...

— К черту все кризисы! Мне теперь приключений хватит на всю оставшуюся жизнь...

— Что ты, милый. Боюсь, приключения у нас только начинаются...

... Так мой любимый оказался рядом со мной. Сидел в кресле дем-джея (тот взял отпуск в преисподнюю по семейным обстоятельствам), рассматривал коробки с компакт-дисками, удивлялся, что существует столько разновидностей потусторонней музыки...

Конечно, если б не заклятие невидимости, которое я наложила на мужа, фиг бы его

пропустили наши бдительные охранники-упыри. Но они, дежуря на вахте, так азартно резались в крестики-нолики, что даже меня не заметили, не то что мужа-невидимку.

... Отзвучала песня, заказанная Инари, я чуть расслабилась, ожидая новых звонков. И они не замедлили себя ждать:

— Передача «Для тех, кто не спит»? Вам звонит один безнадежно влюбленный дракон. Женщина моей мечты не отвечает мне взаимностью, потому что у нее есть другой. Но я не оставляю надежды завоевать ее сердце и прошу передать для моей любимой Вики Белинской песню феи Зефиры «Пожалуйста, не улетай. Или мне придется тоже...»

Я машинально нашла нужный диск и поставила его на трансляцию, избегая смотреть на мужа.

— Интересно, — протянул тот. — Это какой же такой дракон влюблен в мою жену?

— Авдей, не обращай внимания. Мало ли дураков на свете.

— Ну уж нет! Вика, посмотри мне в глаза! У тебя с этим драконом что-то было?!

— Не устраивай мне сцен на рабочем месте. Во-первых, потому что ничего не было, а во-вторых...

Авдей сник:

— Ты хотела сказать, что я сам хорош, да?

— Нет. И не мешай мне вести передачу. Еще пять минут эфирного времени...

Как известно, за пять минут может произойти очень многое. Особенно неприятности.

— Это «Еж-радио»? — осведомился в эфире противный голос, а я с запоздалым удивлением отметила, что предварительного телефонного звонка в студию не было.

— Да...

— Вика, надеюсь, ты выслушаешь меня внимательно. Я не буду представляться, но ты уже, наверное, поняла, от имени кого я с тобой говорю. Верни того, кто нужен моей госпоже...

Голос, раздававшийся в пустом и мертвом эфире, напоминал собой расплавленный асфальт и был настолько же эмоционален, насколько эмоциональна циркулярная пила.

— Этого не будет! — крикнула я в микрофон. — Не дождетесь.

— Ты приведешь его в главный читальный зал Российской государственной библиотеки.

— Еще чего не хватало!

— Мы будем ждать. И помни: у тебя есть дети. Пока есть.

И тишина.

Мы с мужем все это выслушали, синхронно побледнели и вскочили. Я отключила трансляцию и заторопила Авдея:

— Быстрее мчись домой! Достань из кладовки траву, такая желтенькая, пахнет противно. Она спрятана в коробке из-под твоих альпинистских ботинок, запомнил?! Разбросай траву по всем углам, это непрошенных гостей остановит! Маме скажи, чтобы она девчонок ни в коем случае не оставляла в комнате одних!!! А я тут же прибуду, мне только пульт обесточить...

Авдей тут же умчался. И разумеется, занятый своими мыслями, он не заметил сидящего в приемной мужчину с совершенно волчьими ушами.

Я заперла рубку, торопливо махнула рукой крест-накрест (охранный маневр) и побежала, чуть прихрамывая, домой. И тут из приемной навстречу мне появился некто, распахивая объятия...

— С дороги, я спешу! Извините!

— Вика, ну разве так встречают старых друзей! Я притормозила, вгляделась в лицо мужчины и ахнула:

— Мулен Руж?! Это действительно вы?!

— Действительно я, — лучезарно улыбнулся мой старый знакомый оборотень. — Сколько лет тебя не видел, сколько зим... А ты такая стала... очаровательная. Эффектная. Слышал, ты замуж вышла. Дети есть?

— Да, двое, — я себя не чувствовала очаровательной. Скорее, я выглядела уже стартовавшей ракетой, которую пытаются остановить, приклеив к дюзам скотч.

— Ох, а у меня жизнь не сложилась, — Мулен Руж крепко взял меня под локоть, видимо, намереваясь поведать какую-нибудь историю о несчастной любви или не менее несчастной женитьбе. В любое другое время я с удовольствием бы его выслушала, тем более что мы и правда не виделись много лет. Но сейчас, когда мне буквально угрожают в прямом эфире, когда на карту поставлена безопасность моих детей...

— У тебя очень встревоженное лицо? Какие-нибудь проблемы?

— Да.

— Узнаю тебя, моя прекрасная ведьма! Вечно ты сражаешься с кем-то, ждешь опасности, наживаешь себе врагов...

— На самом деле мне не нужны ни враги, ни опасности. Они, наверное, сами меня находят, — напряженно говорю я.

— Что ж, значит, я появился как раз вовремя! — жизнерадостно заявляет оборотень. — Защитить даму от опасности — долг чести каждого порядочного вервольфа!

Вообще-то странно, что он появился вот так. Именно сейчас. Когда я меньше всего ожидала увидеть этого знаконца из полузабытого прошлого...

— Мулен Руж, в другое время и в другом месте я бы с огромным удовольствием поболтала с вами, показала семейные фотоальбомы, выпила коньяку за встречу... Но сейчас мне нужно спешить!

— Самое интересное, милая Вика, — улыбаясь, говорит мой добрый приятель, — что мне тоже нужно спешить. Вместе с вами.

И я успеваю только вскрикнуть, ощутив укол в шею. Тело становится ватным, оборотень подхватывает меня, как куль с мукой, и тащит прочь из офиса. Охранники все так же азартно играют в крестики-нолики. Я хочу им крикнуть, что меня похищают, но язык мне не повинуется. Оборотень притормаживает около них и весело поясняет (я слышу все, только как сквозь слой толстого войлока):

— Выпили за встречу. Столько лет прошло! Детка перебрала. Отвезу ее домой.

Да что же это за напасть!...

Подлец вы, Мулен Руж, а еще оборотень...

Спать хочется.

Спать.

Мне уже наплевать, что со мной сделают.

* * *

... И вдруг себя увидел в черном склепе.

В. Брюсов

— Мне уже наплевать, что со мною сделают, — невнятно забормотала я, выпутываясь из липкой паутины насильственного магического сна.

— Так ли уж? — весьма ехидно осведомился кто-то.

«Кто-то»? Понять нетрудно, кто именно.

— Тетушка-а-а, — проговорила я, потягиваясь, как кошка. — Как ты неоригинальна! Это ведь уже было: подослать ко мне знакомого и похитить. Старая ты стала. Нету полета фантазии. Так что хреновая из тебя ведьма...

Я говорила в режиме «нон-стоп», плела всякую чушь, а сама тем временем окончательно приходила в себя и производила рекогносцировку.

Осмотр местности, а точнее, комнаты, посреди которой я сидела на старом электрическом стуле, мог бы ужаснуть любого неискушенного человека. Стены, пол и потолок комнаты были прозрачными, и я имела удовольствие наблюдать, как на меня со всех сторон скалятся, клацают зубами, скрежещут многочисленными челюстями, когтями, щупальцами и псевдоподиями уникальные представители зоопарка имени Ричарда Бахмана. Или Стивена Спилберга. Но прежде всего я отметила одну замечательную деталь.

Двери в комнате не было.

С одной стороны (а именно, со стороны монстров и вон того гигантского солитера во фраке), это даже неплохо: они ко мне не войдут. А с другой стороны — я к ним не выйду. Что тоже является поводом для оптимизма.

Я встала с электрического стула (он был такой ветхий, весь в саже, а оборванные провода просто сыпались, как труха), отряхнулась и прошлась по прозрачному полу. Жуткоглазые

существа под моими ногами возбужденно зашевелились. Я погрозила им пальцем:

— Не подглядывайте мне под юбку, шалуны противные!

Погуляв по периметру комнаты, я окончательно освоилась и пару раз даже заигрывающе подмигнула некоторым симпатичным тварям, напоминавшим пену с мясного бульона, с клыками и глазами на синих ленточках.

— И что дальше? — спросила я тетку. Наверняка она сейчас сидит в безопасном месте, попивает диетический кефирчик и наблюдает на каком-нибудь мониторе внутреннего слежения мой «аквариум наоборот».

— Это зависит от тебя, — незамедлительно отозвалась тетка.

— В смысле?

— Ты ведешь меня к Синдзэну. Или ведешь Синдзэна ко мне.

— А если нет?

— Я убираю стены, и ты оказываешься в самой гуще этих очаровательных тварей.

— Это, конечно, весьма разумно с твоей стороны. Твои зверушки устроят себе восхитительный ланч, а ты так никогда и не узнаешь, где я спрятала Мироку. А времени у тебя осталось мало. Ведь договор должен быть подписан до Нового года, чтобы тэнгу смогли получить Незримое Сокровище Курильских островов вовремя, не так ли?

— Ты хорошо осведомлена.

— На том стоим, как говорила моя старая знакомая гадалка Катерина Измаиловна... Кстати, о знакомых! Ma tante, разъясни мне, будь любезна, Мулен Руж — тоже результат твоей селекции крыс? Не могу поверить, что настоящий вервольф тебе продался.

— И тем не менее. Дурочка! Он работал на меня уже тогда, когда ты еще была сопливой неинициированной ведьмой! Ему ли, директору компании сотовой связи, не суметь обеспечить полноценное информирование! Он вел за тобой наблюдение все эти годы и отправлял мне в колонию подробнейшие отчеты.

Я сделала вид, что это меня не потрясло.

— Что молчишь, племянница? Переживаешь, да? Правильно переживаешь!

— Вообще-то я в туалет хочу, и если ты имеешь в виду эти переживания...

— Потерпишь!

— Вот еще. Прямо сейчас тут и сделаю большую лужу. От страха и переживаний...

Я демонстративно приподняла подол юбки.

— Эй, эй, ты не наглей! — встревожилась тетка. — Ладно, черт с тобой, тебя ничем не проймешь. Выходи, так и быть!

Я увидела, как по одной из стен побежала белая линия, образуя прямоугольник двери.

Монстры продолжали скалиться, я на всякий случай помянула святую Вальпургу и распахнула дверь.

Когда я вышла из комнаты, оказалось, что монстры были просто искусно выполненными голографическими наклейками. Забавно. Можно таких пристроить в детсад у дочек. Восторги детей и воспитателей будут просто безграничны!

Узкий, освещенный чадящими факелами коридор, выложенный ракушечником, привел меня в комнату, которая просто выедала глаза обилием ядовито-зеленого малахита. Впрочем, у моей тетки всегда была особенная, прямо-таки болезненная страсть к самоцветам и драгоценным камням.

Тетка сидела за длинным столом и чистила лимон. У меня аж скулы свело: вот извращенка!

— Туалет — там, — указала тетка на занавешенную портьерой дверь.

— Благодарю. Мне что-то расхотелось. Но я запомню.

Тетка откусила половинку лимона, пожевала и злобно глянула на меня:

— Вот отравка!

— Что, все так кисло по жизни? Тетушка, ну что ты вечно устраиваешь какие-то свары мирового масштаба, связываешься с подозрительными типами, интригуешь, воюешь?! Чего тебе спокойно не живется!

— Дрянь! — остатки лимона полетели в меня, но я уклонилась, и они попали в какую-то малахитовую чашу. — Ты называешь спокойной жизнью пятилетнее гниение в колонии?! В этом... аду, куда, кстати, вы с Татьяной меня запрятали! Любящие родственнички!

— Ну, ты тоже не пылала к нам с мамой альтруистическими чувствами. И потом... Надо было платить налоги, жить в ладах с законом... Все порядочные ведьмы делают это.

— Заткнись! Учить меня вздумала! Меня, Великую черную ведьму, которая могла...

— Могла. Но сейчас уже не может.

— Дудки! Думаешь, вы разделались со мной навсегда! Не тут-то было! У меня остались верные слуги, которые пришли на помощь в нужное время.

— Да, это я уже поняла. А тэнгу тебя купили за то, что пообещали вернуть магическую силу? Родину продаешь за дурацкое умение снова шаровые молнии из рукавов пускать! Фокусница!

Тетушкины очи засияли в тон малахитовой комнате. Очень эффектно.

— Так, хватит с меня пустой болтовни, — хлопнула ладонью по столу Анастасия и, встав, пошла к выходу. Отодвинула бархатную портьеру и бросила в коридор: — Войдите, сестры.

«Сестры»... Как много значений может иметь одно-единственное слово! Мы с Инари тоже называли друг друга так. Но те дамочки, которые ввалились в комнату и воззрились на меня, на «сестер» не тянули и пахли вольным воздухом виселицы.

— Я вручаю ее вашим заботам. До тех пор, пока она не скажет то, что нужно, терзайте ее.

И вышла. Но я знала, что крикнуть ей вслед:

— Тетушка, ты ужасно постарела! Ты совсем не следишь за собой! У тебя морщины!!!

Из коридора донеслось яростное:

— Пытайте ее!!!

Женщины (их было четверо) опасливо на меня посмотрели и отошли подальше, так, чтобы меня и их разделял стол.

— Ну, чего уставились? Выполняйте приказ вашей чумовой госпожи! Где орудия пытки? Вы принесли испанский сапог? А воротник с железными шипами? Что, неужели вы даже не подумали о такой мелочи, как щипцы для вырывания ногтей?! Ну и дисциплинка тут у вас! Не оккультная группировка, а пионерский лагерь «Взвейтесь кострами» на тренировке по спортивному ориентированию! Как вы мир-то собираетесь завоевать с такими бестолковыми физиономиями?

Я произносила означенный монолог, изящно присев на самый краешек резной деревянной гардины, метрах в трех от пола, сверкая фиолетовыми глазами и периодически посылая маленькие электрические разряды в разные углы комнаты.

— Скучные вы какие-то, девчонки! — я жалостливо посмотрела на них. Электрические разряды явно деморализовали моих предполагаемых противниц. — Шли бы вы отсюда.

— Мы бы ушли, — вдруг подала голос самая старшая из женщин. — Только нам некуда.

— Мы кругом повязаны. Из колонии сбегли, да еще там такой шухер устроили, никому мало не покажется, — тоскливо добавила дама, в которой я интуитивно определила неисправимую алкоголичку.

— И зачем вам это? — патетически спросила я.

— Горы золотые обещали... Свободу, богатство.

— Вот что, девочки, — авторитетно заявила я, спустившись с гардины. — Поверьте моему слову ведьмы, в ближайшем будущем вас ничего подобного не ожидает. Во-первых, потому, что планам Анастасии не суждено сбыться (уж я-то приложу к этому все усилия). А во-вторых, моя тетка не из тех, кто привык делиться школьными завтраками. Равно как свободой и богатством. Она пройдет по вашим трупам и даже не заметит этого.

— Не верьте этой грязной ведьме! — вдруг воскликнула самая красивая из тетких «сестер». — Госпожа даст нам то, что обещала!

— Слушай, это не тебя я по голове пожарным шлангом треснула в офисе «Нового пути»? Точно, тебя. То-то у тебя глазки так странно скошены... Так, девочки, мне особо разговаривать с вами некогда. Я, пожалуй, пойду. Кто решил жить нормальной жизнью, может следовать за мной. Властям я вас не выдам, и, чисто по понятиям, хаза, чтобы шмон пересидеть, у меня для вас тоже найдется... Ну, вы решайте, а я пока пойду...

— Наивная! — в дверях стояла моя тетка. Это она мне. А это — подчиненным: — Что стоите, как дуры?! Пшли вон, нахлебницы! Лучше бы я оставила вас в колонии, все равно от вашей компании никакого толку!

Я заметила, что такое обращение женщинам определенно не понравилось. Они нехорошо посмотрели на свою повелительницу. Подобные взгляды, как правило, предвещают мировые революции, бунты на авианосцах и броненосцах, объявление импичмента нелюбимому президенту и широкомасштабную драку в коммунальной квартире. Женщины не ушли. Они сгрудились в кучку и смотрели на нас с теткой. А та принялась кружиться вокруг стола и вопить:

— Призываю вас, о великие духи нежити и чародейства!... Явитесь, устрашите недостойных! Погрузите во мрак вашего ужаса сердца непокорных!

Чтобы тоже что-нибудь добавить в этот теткин концерт, я запела:

Не жалею, не зову, не плачу.

Все пройдет, как с белых яблонь дым...

Кстати, о дыме. Он повалил клубами, правда, не с белых яблонь, а из лакированной поверхности стола, и был черный-пречерный. Завоняло гнилой древесиной и поганками. Мне, конечно, стало жутковато, но я виду не подала. В конце концов, я не в том возрасте, чтобы бояться темноты и привидений!

Явившиеся духи-тэнгу были омерзительны. Женщины визжали, глядя на них, а я не испытывала ничего, кроме отвращения и желания испепелить этих уродов на месте.

— ГОВОРИ НАМ, ГДЕ ГРЯДУЩИЙ? — обратились они ко мне.

— Уже. Разбежалась!

— МЫ ПРЕВРАТИМ ТЕБЯ В ПЫЛЬ. МЫ УНИЧТОЖИМ НА ТВОИХ ГЛАЗАХ ТВОИХ РОДНЫХ. ГОВОРИ.

— Идите к черту!

Странно. После того как я их послала, они вроде бы принялись совещаться. Потом один, в клыкастой маске, заявил:

— МЫ НЕ ПОЙДЕМ К ЧЕРТУ. У НАС ВРЕМЕННЫЙ ВИЗОВЫЙ РЕЖИМ. НАС НЕ ПУСТЯТ В ВАШУ ПРЕИСПОДНЮЮ...

— Так убирайтесь в свою!

— СЕЙЧАС ТЫ БУДЕШЬ СТОНАТЬ И УМОЛЯТЬ НАС О ПОЩАДЕ, ЖЕНЩИНА.

Все. Чаша моего терпения переполнилась. Да за кого вы все меня принимаете?! Как вы смеете так разговаривать с потомственным драконом?! Мой милый прапрапрапрадедущка Змей Горыныч, наверное, просто безумно разозлился, если б увидел, как невежливо тут обходятся с его внучкой.

Странно, но ярость имеет вкус. Моя теперешняя ярость имела привкус ржавого железа и ямайского рома. Я развела руки...

... Распахнула крылья...

... Взлетела...

... Выдохнула пламя и раскаленный воздух...

И увидела, как на месте черных монстров корчатся в агонии крысы.

А тетка стоит, опираясь на стол, и смотрит на меня.

— И на дракона найдется стрела, — говорит она.

И тут она не лжет. Я слышу ее, эту стрелу, она уже в полете. Пусть эта стрела на самом деле выглядит как автомобиль с крепкими ребятишками, которые автогенном вырежут дверь нашей квартиры и просто перестреляют моих, ничего не успевших понять, родных. А значит, они убьют и меня.

— Останови их, — рычу я.

— Поздно, — торжествует Анастасия. — Я внушила им, что делать, и пока нахожусь в сознании, они выполняют мое задание.

— Ну так я лишу тебя сознания!

Что мне мешает одной струей пламени превратить эту старуху в факел? Она же иначе не остановится...

— Не могу! — простонала я. — Не могу!!!

Я-то — дракон. Но она — все-таки выглядит как человек, даже если ничего человеческого в ней не осталось.

И тут произошло чудо.

Иначе и не назовешь.

Самая пожилая из женщин вдруг схватила какой-то здоровый сосуд и с силой опустила его на голову моей тетки. Та рухнула, не издав ни малейшего крика.

— Это тебе за то, что назвала нас нахлебницами, сука! — отшвыривая сосуд, сказала женщина.

А я, превращаясь обратно в человека, почувствовала, что посланная теткой стрела изменила свой курс. И сейчас врезалась в пустой мусоровоз и взорвалась.

Любимый город может спать спокойно...

Я сидела на полу возле не подающей признаков жизни тетки. На нас смотрели женщины.

— Как вас зовут? — спросила я.

— По-русски или по-японски?

— По-русски... Должна же я знать, кто поселится на моей загородной вилле.

Из обиталища Анастасии мы выбрались все вместе, даже стукнутая мною Римма Пустякова проявила сознательность и больше не кричала про свободу и богатство. В гараже я обнаружила джип, мы погрузились в него, а шофером стала Тамара. Уже отъезжая, я глянула на коттедж и прошептала заклинание. Коттедж полыхнул как римская свеча. Женщины охнули.

— Там сгорит только все неживое, я так заклинание рассчитала. Не волнуйтесь.

... Глубокой ночью мы подрулили к окраине Переделкина, где стояла писательская дача Авдея — скромный деревянный домик в два этажа, с флигелем, выдававшимся вперед, как нос корабля.

Вошли мы тихо, не зажигая света.

— Располагайтесь. Если спросят, кто вы и откуда, скажете: Викины родственники, из Тамбова. Новый год встречать приехали. Продукты, деньги и одежду я вам завтра привезу. Машину оставляю.

— Доверяешь, значит, хозяйка?

— Доверяю. Устала я не доверять. Отдыхайте, а я домой полечу, проверю, как там мои...

— Как же ты доберешься?!

— Говорю же: полечу.

Я взяла метлу, прислоненную к крыльцу. Обычно я подметала ею садовые дорожки. Сейчас ей придется послужить мне в ином качестве.

— Ну все, девчонки! До скорого!

... Если честно, я впервые летела домой на помеле. Ощущение не из приятных, особенно потому, что невероятно хочется спать.

И еще хочется, чтобы дома все было хорошо...

Чего больше желать настоящей ведьме?

... Оставив метлу у подъезда (дворникам пригодится), я, стараясь не шуметь, подошла к дверям своей квартиры. Сунула ключ в замочную скважину...

Вот черт!

Кто додумался залепить замок жвачкой?!

— Хулиганье, — приглушенно заругалась я. — Узнаю, кто такое вытворяет, уши в трубочки скручу!

Пришлось надавить кнопку звонка. Я услышала, как по внутренностям квартиры прокатился звон, но что-то никто не спешил мне открывать...

О, святая Вальпурга! Попаду я наконец домой или нет?!

— Кто там? — раздался из-за двери голос моего супруга.

— Гиппопотам! — мрачно брякнула я. — Открывай, Авдей, это я, Вика.

Вместо щелканья замка я услышала неожиданное:

— Чем докажешь?

Я опешила:

— Что докажу?

— Понимаешь, тут до тебя звонили и просили незамедлительно себя впустить в дом девять Вик, три Баронета и даже один я сам. Причем «я сам» к себе пришел первым, чем и породил в нашей квартире здоровую подозрительность. К твоему сведению, замок жвачкой дочери залепили, хотя я убеждал их, что такая мера безопасности малоэффективна... Но я отвлекся. Теперь вот приходится производить контрольное тестирование на предмет истинности каждого просящегося в дом существа.

— Белинский, не валяй дурака, а? Я ведь разозлюсь и дверь снесу одним заклятием...

— Первые четыре Вики говорили го же самое.

Мне стало весело.

— Дорогой, а какие вопросы ты придумал для тестов?

— В общем, несложные, но никто из предыдущих визитеров на них правильно не ответил.

— Слушай, дорогой, а может и ты — не ты? Ой, здравствуй, здравствуй, моя шизофрения!

— Нет, я — это я, — твердо ответил из-за двери Авдей. — И такой вопрос мне задавали шестая и восьмая Вики.

Все страннее и страннее.

— Ладно, — зевнула я и присела на коврик с потускневшей надписью «WELCOME!». — Давай, задавай свои вопросы, а то я очень устала и спать хочу.

— Извини, Вик, считай это формальностью, но ты же сама предупреждала, чтобы мы были предельно осторожны...

— Давай, давай, не тяни.

— Ладно. Первый вопрос: на каком плече у меня родинка в форме сердечка?

Я прыснула:

— Нет у тебя никакой родинки, чучело!

— Хорошо. Другие этого не знали. Второй вопрос: в каком году я пошел служить в армию?

— Белинский, стыдись! Ты не служил в армии! Ты отлынивал от исполнения своего патриотического долга! У тебя же по справке — плоскостопие!

Муж стыдливо захихикал.

— Все-то ты знаешь... А какой был номер палаты, когда я лежал в больнице?

— Уточни, с какой именно своей очередной болячкой ты лежал. Если после аварии -то 212, а если ты имеешь в виду свой недавний простатит, то...

— Ладно, верю. Только не ори про мой простатит на всю лестничную клетку!

— Пусти домой, гад!

— Погоди, еще два вопроса осталось.

— Давай!

— Кто мой любимый писатель?

— На данный момент?

— Ну, да...

— Ты сам. В последнее время ты никого не читаешь, а только пишешь и перечитываешь собственные опусы.

— Неправда! Я детям на ночь всегда читаю Достоевского... Чтобы они интеллектуально и духовно развивались!

— Ты бы еще им словарь Ожегова почитал перед сном, Песталоцци! Вы в мое отсутствие совершенно разболтались!

— Не ругайся. Все, последний вопрос: какие на мне сейчас трусы?

На смех у меня уже сил не оставалось. И я просто сказала:

— Нету на тебе никаких трусов. Ты их на ночь снимаешь. Принципиально. А еще у тебя под подушкой лежит плюшевый утенок, без которого ты уснуть не можешь... Размер твоего противозага называть?

Дверь щелкнула и открылась.

— Ну слава богу, это ты! — Авдей кинулся меня обнимать.

— Еще одно такое шоу, и я тебя урою, как мамонта! — пообещала я, захлопывая за собой дверь и сбрасывая на руки мужа надоевшую шубку. — Я устала, как собака, меня похитили прямо из студии, причем похитил бывший приятель, оказавшийся предателем. Да, еще что из новостей... Моя бесценная тетка задумала меня пытать, но у нее, как всегда, ничего не вышло... Кстати, чем это у нас так воняет по всему дому?!

— Так ведь ты сама велела взять какой-то желтой травы и везде разбросать. Правда, она больше похожа на куриный помет...

Я прошла по коридору.

— Это и есть куриный помет, Белинский! Я же тебе русским литературным языком сказала: трава! Ну да ладно, теперь это не имеет значения. Одно хорошо: этот наговоренный помет изгнал из дома всех морозов. Дети спят?

— Да.

— Нет!

Марья и Дарья нарисовались в дверном проеме детской и без долгих предисловий кинулись ко мне:

— Вот ты опять была во всяких приключениях, а нас с собой не позвала!...

— Не шумите, бабушку разбудите.

— Уже разбудили. — Мама сонно щурилась от яркого света прихожей. — Что за семейка, никто по ночам не спит. Пойду, чайник поставлю, что ли...

И тут я услышала, как распахнулась балконная дверь!

— Всем в укрытие, то есть в кладовку! — скомандовала я. — Это могут быть враги!

— Вика, не валяй дурака, это я!

В прихожую из гостиной ввалился... Дед Мороз.

— Здравствуй, Дедушка Мороз! — хором выдали мои бесстрашные дети.

— «... Борода из ваты», — про себя добавила я и принялась составлять антидедморозовское заклинание. Но не успела. Потому что Дед Мороз снял белую бороду и роскошную алую шапку, отороченную собольим мехом, и оказался Баронетом.

— Калистратик! — завопила мама.

— Дедушка! — завопили дети.

— Всем стоять! — завопила я. — Пусть тоже доказывает, что он — это он. Где вы были, сударь, 17 января 1795 года?..

— Вы все тут что, белладонны объелись? — сурово обвел взором наше семейство «маг на службе у закона». — А ну рассказывайте, что тут у вас творится!

И тут я поверила, что Баронет — это Баронет. Потому что таким повелительным тоном мог говорить только он. Да и вряд ли кто-то сумеет подделать эти уникальные глаза: один — человеческий, а другой — змеи.

— Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались... — тихо пропела я.

... Куриный помет подмели и выкинули в мусор. Мама зажгла ароматические свечи и расставила их по всей гостиной, чтобы мы могли наслаждаться запахом дерева манго, крепким чаем и обществом друг друга. Даже детей не отправляли спать, хотя была глубокая ночь. Но разве они улягутся после того, как дедушка вручил им подарок: железную дорогу.

Я сидела на коленях у мужа и самозабвенно жевала песочное пирожное.

— Скажите, м-ням, мэтр, где вы пропадали? В каких, так сказать, краях мочили якорек?

— В местах не столь отдаленных, — отвечивал маг.

Мама пролила чай мимо чашки.

— Это где? — тихо спросила она.

— Женская спецколония УЗИ 567-9000, в которой до недавнего времени мотала срок ваша небезызвестная родственница.

— Сия «родственница» тут уже таких дел наворотила...

— Я в курсе, — отчеканил Баронет. — Но мое за дание было другим: ликвидировать незаконное общество оборотней, в которое превратилось все «население» этой колонии. Грязная это работа, господа.

— Вы их уничтожили?

— А что оставалось делать? Это уже были не люди, а крысы, принявшие внешний облик загрызенных ими людей. Там всю хозяйничали оккультные японские интервенты.

— Тэнгу?

— Да. Но о них отдельный разговор. И еще. Мне, срочно необходимо обеспечить безопасность одного человека, от одной подписи которого может зависеть стабильность мирового порядка...

Вот тут я позволила себе торжествующую улыбку.

— Все уже сделано, Баронет. Не вы один подрядились в спасатели!

— Где Синдзен? — встрепнулся Баронет.

— Не вслух, — отрезала я.

— Вика, здесь же все свои, — это муж. Я не прореагировала на эту реплику. Лишнее любопытство вредно, милый. От любопытства кошка не только умерла, но и лишилась права на метемпсихоз.

— Она права, — и Баронет перешел на внутренний канал связи: — *Ты его спрятала?*

— Да.

— *Где?*

— *Ваша конспиративная квартира в Химках.*

— *Ай, молодец, ведьма! Давно он там сидит? Еда, питье у него есть?*

— *Ой...*

— *Поспешил я тебя похвалить.*

— *Да есть, есть. Я полный холодильник продуктов оставила! Точно!*

— *Тогда ладно.*

— Что ж, — сказал Баронет, допивая чай. — По-моему, все устали, всем следует отдохнуть. Внученьки, паровозик, который вы запустили в двадцать пятый раз, тоже хочет спать...

— Мы уложим детей, — я глянула на мужа. — А вы с мамой идите, отдохайте.

Даже сквозь плотно прикрытые двери детской, куда мы с Авдеем направились вместе с

дочерьми, было слышно, как отдыхают мама и Баронет. В смысле, они оба здорово храпят. А вы что подумали?

— Девочки, ложитесь, закрывайте глазки, и сейчас к вам прилетит...

— Фея.

— Бэтмен.

— Ма-а-ам, мы не хотим спать. Вот вы когда нас спать укладываете, и начинается самое интересное!

Да, Машенька, тут ты права...

— Мам, расскажи, а что ты сделала с Анастасией?

— Ну, в общем, она потеряла сознание... Не нужно об этом говорить. Ой, кстати, дорогой, совсем забыла тебе сказать: у нас на даче в Переделкино пока поживут четыре женщины? Я думаю, они не создадут проблем...

— А что за женщины? — озабоченно спросил муж.

— Заключение, которые подчинялись моей тетке и вместе с нею устроили весь этот шум в колонии...

— Вика, я тебя не понимаю. — Авдей старательно укрыл одеялом сопротивляющуюся Дарью. — Их же надо сдать в милицию! А не заниматься укрывательством беглых преступниц!

— Понимаю твое праведное негодование. Но если б ты их видел! Они настолько запуганы, вымотаны и затравлены моей теткой, что новая тюрьма станет для них могилой. А я разговаривала с ними. Они хотят начать новую жизнь. Они даже по-своему талантливы. Что нам, трудно им помочь?

— Нетрудно. Только куда ты их пристроишь?

Я загадочно усмехнулась:

— Есть у меня одна идея...

— Товарищи родители! — высунула нос из-под одеяла деловая Марья. — Или рассказывайте нам сказку на ночь, или про свои взрослые дела разговаривайте на кухне!

— Но лучше сказку, — встряла Дарья.

— Да, пап, между прочим, ты обещал дорассказать, что дальше случилось с Акулиной и ее женихами из перьев.

Я округлила глаза:

— Ты что, опять посвящаешь детей в эти свои... эротические фантазии?! У тебя же эту сказочку ни одно издательство принимать не решается!

— Дорогая, не буйнь. Нашим дочерям я излагаю сказку в строго-цензурном варианте.

— Ну-ну. Излагай, а я послушаю. Дети, сказку слушают лежа, а не прыгая по кровати!

Авдей откашлялся и начал:

— Дальше дело было так...

«... На шум, произведенный «гостями» Акулины, явились в ее горницу сестры, вооруженные до зубов скалками, вилами и тяжелыми подушками. Но едва Явдоксия и Снандулия увидели перед собою красавцев-мужчин, все оружие посыпалось у них из рук.

— Ах, женихи! — воскликнула Явдоксия.

— Наконец-то! — добавила Снандулия.

На Акулину сестры даже внимания не обратили.

Финисту и калифу-аисту эти две объемистые красотки очень даже понравились. Они засуетились вокруг Снандулии и Явдоксии, принялись им обещать золотые горы и реки, полные вина...

И тоже забыли про Акулину.

Той такое невнимание, конечно, показалось обидным. Но она вовсе не стала устраивать скандал, мол, это мои перья, а значит, и женихи мои. Просто оделась потеплей, вышла на улицу, да и пошла куда глаза глядят.

Сперва шла она по сонной деревне, потом по сонной ложине, где встретился ей всадник без головы. Всадник вежливо предложил ее подвезти, но Акулина отказалась, потому что никуда не торопилась. И вошла она в темный лес. Одна. Ночью...»

— И не забоялась? — пискнула Даша.

— Нет, конечно. Она же была современной девушкой и боялась только уколов и манной каши с пенками.

«И пошла она темным лесом, а кругом деревья темной стеной стоят, между деревьев лешие бродят — поганки на зиму заготавливают, добродушно с Акулиной здороваются.

Наконец, вышла Акулина на маленькую полянку, а там стоит избушка на курьих ножках. В избушке свет горит. Постучалась Акулина в дверь:

— Можно у вас водицы испить?

Открывает ей дверь Баба-яга, костяной протез:

— Можно, можно! Заходи, красавица, чайку со мной попей! Я тут как раз пирожок испекла из Ивашки-хулигашки...

Чайку Акулина попила, а от пирожка деликатно отказалась, сослалась на диету.

— Охти, диета, — вздохнула Баба-яга. — Надобно и мне сесть на нее, проклятую, а то чтой-то я в ступу перестала помещаться!

Попрощалась Акулина с Бабой-ягой и опять пошла темным лесом куда глаза глядят. А чтоб не

страшно было идти, принялась Акулина петь...

Если плохо — жди хорошего.

Если больно — продержись.

Не продай судьбы задешево,

Не разбей на части жизнь.

Пусть простые эти истины

С детства вызубрены. Но

Нет их ласковой и искренней,

Вместе с мирной тишиной.

Мы сомненьями измучены,

Мы не верим и не ждем,

Что все светлое и лучшее

К нам уже стучится в дом.

Все советы пересказаны,

Все задания даны...

Жизнь идет дорогой сказочной,

Вспоминать былые сны.

Станет семечко проросшее

Новым деревом в раю. Если плохо — жди хорошего,

Песню не предай свою.

Долго ли, коротко ли шла Акулина, уж и светать начало. И тут слышит она какой-то звон, да не поймет, где он. Вышла она на опушку и видит: сидит на кусте бузины птица невиданной красоты, крыльями встряхивает, а крылья у нее так и звенят, словно колокольчики.

— Ты кто? — спросила Акулина, подойдя к птице.

— Ну ты странная! — опять зазвенела перьями птица. — Кто ж меня не знает? Я птица счастья завтрашнего дня! Вишь — прилетела, крыльями звеня! Хочешь, тебя выберу?

— Куда? — удивилась Акулина.

— Не куда, а кем, — терпеливо пояснила птица. — Можешь быть королевой красоты. Или великой волшебницей.

— Нет, — прервала птицу Акулина. — Можно, я лучше останусь сама собой. И еще. Я хочу

вернуться в свое время.

— А чем тебе здесь не жизнь? Тут же сплошная сказка!

— В том-то и дело... В сказке жить — не мед-пиво пить.

— Хорошо, — согласилась птица счастья. — Тогда держи мое перо и думай про свой дом. Там ты и окажешься.

Все кругом завертелось, закружилось, и... оказалась Акулина (теперь уже Марина) в своем собственном доме и в своем времени. Обрадовалась она и пошла в университет на занятия, писать курсовую работу на тему русского и иностранного фольклора. А так как была Марина просто красавица, в нее влюбился молодой кандидат филологических наук и сделал ей предложение. Сыграли они свадьбу и стали жить-поживать, научные степени наживать...»

— Чш-ш, сказитель, — я тихо дернула мужа за руку. — Пойдем. Дети уже спят.

— Вот и сказочке конец, а кто слушал — молодец! — Авдей закончил уже на автопилоте и покорно дал увести себя из детской.

Когда мы улеглись в постель, я сонно прижалась к мужу, ощущая полный покой и умиротворение. Ладонью провела по его груди и почувствовала, что оцарапалась.

— Что это? — я подцепила серебряную подвеску на цепочке. В серебро был оправлен маленький алмазик, странной, чем-то знакомой мне формы...

— Это талисман, — Авдей поправил цепочку, и я больше не стала спрашивать. Потому что вспомнила, как точно такие же алмазы сыпались из глаз Инари, когда она плакала.

— Спокойной ночи, любимый, — беззвучно прошептала я.

И не услышала ответа.

Наутро Баронет восстал против того, чтобы Марью и Дарью отводили в сад.

— Объявляю спецоперацию! — провозгласил он. — Налет на магазины с целью фронтальной закупки елочных украшений! Скоро Новый год, а вы даже ни в одном глазу!

— Деда, деда, — запрыгала Дашка. — А что значит «фронтальная»?

— Это значит, что у вашего деда крыша поехала, — прокомментировала решение супруга Татьяна Алексеевна.

— Mam, зачем ты так... В самом деле, хватит воевать. Пора и о празднике подумать. Давайте устроим грандиозную елку, пригласим старых друзей, наготовим тазики с салатами...

— Елку я беру на себя, — авторитетно заявил Баронет, собственноручно одел внучек и отправился с ними опустошать магазины. Вот что бывает, когда магу заняться нечем...

— Хорошо же! — едва за магом с внучками захлопнулась дверь, сердито воскликнула мама. — Я тоже найду, чем заняться.

— Mam, да с чего ты взъелась на мужика? — спросила я, задумчиво пережевывая мюсли.

— Мы не виделись сколько! Мог бы больше внимания уделить жене!

— Ой, мам, ты требуешь от мужчины невозможного.

— Конечно! Вот если бы твой Авдей...

— Мой Авдей изменил мне с моей лучшей подругой. И, как видишь, все живы. И даже, по мере возможности, счастливы...

(Следует отметить, что этот разговор происходил между мной и мамой при закрытых дверях кухни.) Что делал в это время Авдей, я не знаю, скорее всего, дремал, обдумывая сюжет нового романа... Или думал об Инари.

— Вика, — у мамы округлились глаза. — И ты ему простила такое!

— Будем считать, что я взяла пример с Хиллари Клинтон.

— Да?.. Интересная позиция.

— Ничего особенного. Просто... Я его люблю.

— Милая! Можно тебя на минуточку!

— Мам, извини, муж зовет.

Я вошла в кабинет, прислонилась к стеллажу с книгами и вопросительно посмотрела на Авдея:

— Проблемы?

— Да, ужасные проблемы! Уж-жасные! — с этими словами Авдей принялся меня целовать и шептать: — А ты не можешь сделать так, чтобы твоя мама ушла в магазин. Часика на три?

— Вика, я в магазин! — крикнула мама. Стукнула дверь.

— Видишь — могу. А три часа нам точно хватит?

... Трех часов не хватило. Но, видимо, родственники или действительно решили оккупировать все возможные магазины, или оказались чрезвычайно деликатными людьми.

— Авдей, уже темнеет, а они где-то шляются. Я волнуюсь. Девчонки наверняка замерзли, как сосульки!

— Все будет хорошо, Вика.

Ох, вот умеют мужчины успокаивать нас, бедных женщин, этой в общем-то банальнейшей фразой! Видимо, это какое-то забытое древнее мужское заклятие, используемое еще во времена первобытной магии... «Все будет хорошо, о жены вождя! Мамонт попадет в ловушку, и вы исполните ритуальные танцы!» — «Все будет хорошо, моя скво! Скальпы врагов скоро украсят наш вигвам!» — «Однако, жена, все будет холосо! Чукча есть, олень есть, яранга есть!»

Пока я нежилась в постели, Авдей принес мне кофе с ликером.

— Шик, — оценила я кофе. — А ты чего это к компьютеру подсаживаешься?

— Сюрприз! — сказал Авдей и вывел на монитор картинку: наша семейная фотография, где мы с ним стоим в обнимку, а перед нами на маленьких пуфиках сидят и беззубо улыбаются наши малолетние чада. Только Авдей за моей спиной пририсовал крылья. Большие серебристо-сиреневые драконьи крылья.

— Класс! — воскликнула я.

— Ну это ладно, это шутки... А вот это серьезно.

На мониторе возникли строчки стихотворения.

А в душе моей — снегопад,

Предрождественский, робкий-робкий.

Сорок восемь часов подряд

Клею фантики да коробки.

Сказки делаю. Ель ряжу

Звездным небом, как мишурую.

Это дань моя миражу

Из Лапландии за горою.

Всюду — Андерсен. Дети спят.

(Зонтик вертится, сны мелькают.)

Сорок восемь часов подряд

Мы их тешили пустяками

Несолидными. Каково?

Птичий гам над моей главою!

Так является Рождество

В горьком запахе темной хвои.

Детям грезится шоколад,

Не гексаметры. Вот досада!

А в душе моей — снегопад.

Чище не было снегопада.

Я глубоко вздохнула:

— Хорошо-то как... Словно и впрямь — снег сыплет с потолка...

Авдей быстро глянул на потолок и оценил ситуацию:

— Это не снег, это штукатурка. Боже, а это еще что за грохот?!

Молниеносно одевшись, мы вылетели в коридор. Грохотали в нашу дверь.

— Монстры!

— Тэнгу!

— Это мы!!! — приглушенно сообщили из-за двери. Наконец, она открылась, и в прихожую вошла...

— Елка!

Она была грандиозна. В ее гигантских лапах, осыпанных снегом, можно было спрятать Суворова, его солдат и заодно Альпы, которые они переходили. Елка заняла всю прихожую, но было ясно, что на этом она останавливаться не собирается. От запаха хвои в голове закружились фривольные мысли, связанные с неумеренным потреблением шампанского, фейерверками и тайными поцелуями под маской...

— Мамочка, правда, елка классная?! — Дети, перемазанные смолой, разругавшиеся и восторженные, вылезли откуда-то из веток. — Деда нашел самую лучшую!

— Баронет! — возопила я.

— В чем дело? — тот тоже вылез из-под елки с видом невыспавшегося Деда Мороза.

— Вы что, спилили елку у Кремлевской стены?!

— Ничего подобного! — возмутился Баронет. — Это по спецзаказу.

— Откуда?!

— «Из Лапландии за горою», — усмехнулся мэтр. — Авдей, пойдём-ка ее устанавливать. Женщин и детей на это просим не смотреть. Когда нужно, вас позовут...

И нас позвали.

— О-о-о! — простонали мы, то есть женская половина нашего семейства.

— Какая она красивая! — благоговейно прошептала Дашка.

— А еще нужны фонарики и игрушки! — тут же потребовала Марья.

— Пожалуйста! — я щелкнула пальцами, и елка запереливалась огнями. Хлопок в ладоши — и на елке, позванивая, кружатся хрустальные снежинки.

— Надеюсь, вы не осудите меня за мелкое волшебство, мэтр?

— Это — не мелкое волшебство.

Елка сияла, кружилась и казалась живым существом. Дети не сводили с нее глаз.

— Авдей, — тихо сказала я мужу, — я просто поверить не могу.

— Во что?

— В то, что все так прекрасно завершается. Нет опасностей. Нет врагов...

И тут появилась мама. Ахнула, глядя на елку, а потом воскликнула:

— Радуйтесь, люди! Знаете, куда я только что достала билеты?! На встречу Нового года в Государственном концертном зале «Россия»!

* * *

Новый год к нам мчится. Скоро все случится...

Дискотека «Авария»

Встречу Нового года в Государственном концертном зале «Россия» всегда организовывали с особенным шиком и размахом. И немудрено. В престижной концертной программе пели исключительно звезды отечественной эстрады (причем первой величины), а за столиками сидела такая элитная публика, что без разрешения секьюрити к ней и подступиться-то было страшно.

— Зачем нам это? — нервничала я, поминутно переживая из-за того, как на мне сидит мое новое вечернее платье и не вышли ли из моды мои духи. Про прическу и макияж я старалась не думать — только лишний раз расстраиваться.

— Вика, успокойся. Расслабься. Выглядишь ты прекрасно, лучше всех здешних дам. Ты просто королева бала!

— Я не уверена, что мне идет лиловая парча. И потом... Ты видел, как на меня посмотрела вон та, в розовом?! А потом на тебя... Если она мне еще раз на дороге попадет, я на нее порчу напущу!

— Дорогая, я тебя умоляю. Перестань мять перчатки и дергать меня за рукав смокинга — он оторвется. Лучше посмотри, как прекрасно себя чувствуют наши дети в компании с бабушкой!

Это уж точно! Марья и Дарья, вырженные в костюмы эльфов, тащили за собой мою маму (по случаю торжества сотворившую на голове прическу «Башня гоблинов» и надевшую платье с турнюром плюс туфли на высоченной шпильке), как два маленьких буксирчика — солидный сухогруз. Рядом вышагивал Баронет в венецианской полумаске, зеленом бархатном камзоле, лосинах и ботфортах. Его длинная шпага царапала паркет. Он явно кого-то искал в празднующей толпе.

— Вот наш столик, — указала мама. — Далековато от сцены, но ничего.

— Ба, давай еще погуляем!

— Нет, лучше посидим. Я туфлями натерла ноги.

Мы уселись за стол. Баронет глянул на часы.

— До Нового года еще три часа. Проводим старый?

— Да, — согласилась я. — Авдей, налей шампанского. А детям пусть принесут соки и фрукты.

На украшенной белыми сверкающими елками сцене уже кто-то выступал. Гремела музыка, по залу метались разноцветные круги прожекторов. Слишком шумно, слишком многолюдно, бестолково и наигранно-весело. Напоминает плохо организованный шабаш... Ну почему меня никто не послушал? Почему мы не стали, как и раньше, отмечать этот праздник по-семейному, в тихом кругу?!

— Вика, у тебя опять лицо мрачнее тучи, — шепчет Авдей. — Улыбнись, на тебя дети смотрят.

Я выдавила из недр души улыбку, но дети уже смотрели не на меня. На сцене появилась популярная телеведущая и объявила, что грандиозное новогоднее шоу начинается.

— Ура! — завопили мои девчонки, когда с потолка посыпалось конфетти. Обожаю конфетти. Особенно, когда оно сыплется мне за воротник и потом весь вечер царапает спину!

— А теперь, дорогие друзья, нам нужно позвать Снегурочку! — жизнерадостно заявила ведущая.

— Сне-гу-роч-ка!!! — принялся громко скандировать зал.

— Интересно, — спросила я, — а Дед Мороз где?

— Вика, — улыбнулся мне из-под полумаски Баронет. — Можно тебя на минуточку?

Он взял меня за руку и подвел почти вплотную к сцене, но так, чтобы за ослепляющим светом софитов нас с ним видно не было.

— В чем дело, Баронет?

— Обрати внимание на Снегурочку.

На сцену вышла Снегурочка. Была она какая-то чересчур высокая и худощавая. Белая парчовая шубка, отороченная песцом, смотрелась на ней мешковато. Из-под кокошника вились явно синтетические косы. А лицо было так набелено...

— Они что, не могли кого-нибудь помоложе на эту роль выбрать?

— Вика, иногда я поражаюсь твоей близорукости.

Ах, так? Хорошо! Я пристально всматриваюсь в белую фигуру на сцене.

И покрываюсь холодным липким потом!

— Она же мертва! Должна быть...

— Твоя тетка? Как видишь, вполне жива и даже играет роль. Впрочем, эту ее роль мы еще разьясим.

— Я ничего не понимаю! Как она здесь оказалась? Зачем?!

— Ну, как оказалась, сказать не могу — не знаю. А вот зачем...

Баронет берет меня за плечо и разворачивает в сторону правительственных столиков. Там, среди каких-то джентльменов в черном, сидит и мило улыбается Хидэо Синдзен.

— Баронет, вы его подставили? Она же его просто убьет, если поймет, что уже не успевает ничего добиться!

— Неужели ты считаешь меня таким болваном? Это морок. Таких мороков Синдзена здесь еще несколько штук.

— А настоящий?

— Там, где ты его спрятала. Не волнуйся, ему не скучно. У него есть телевизор и общество Инари Такобо.

«Снегурочка» меж тем, не выказывая особенного энтузиазма, зазывала на сцену детей, приказывала им читать новогодние стихи, а подручные «зайцы» выдавали детям коробки с подарками.

— Только бы Машка с Дашкой на это не купились, — прошептала я.

— Я предупредил жену. Она проследит.

«Снегурочка» тут как раз глянула в ту сторону, где сидел лже-Синдзен. И я увидела, как ее глаза знакомо вспыхнули. Она стала спускаться со сцены в зал...

— Что ж, пора появиться Деду Морозу! — сказал Баронет и... исчез.

— Эге-гей, залетные! — откуда-то сверху раздался веселый бас.

В зале бешено зааплодировали: с потолка спускался на парашюте неведомо откуда взявшийся Дед Мороз. Он приземлился прямо перед «Снегурочкой».

— Баронет, вы великолепны! — только и сказала я. И тут мне в бок ткнулось дуло пистолета.

— Не делайте лишних движений, Вика...

— А, Мулен Руж. Предатель...

— Вовсе нет. Бизнесмен.

— И как ваш бизнес, процветает? Я могу хотя бы повернуться, чтобы посмотреть в ваши подлые волчьи глаза?

— Только медленно.

Я повернулась, ощущая боком холод пистолетного ствола.

— Так я и знала, что вы в костюме Деда Мороза...

— Да. А как вам нравится моя «Снегурочка»?

— Чересчур стара для роли травести. Вот из меня бы отличная Снегурка получилась. Или даже Снежная королева.

— Ваш Дед Мороз — кто?

— Тот самый Баронет, которым вы меня пугали.

— Когда?

— А помните: спасайтесь, Вика, это Огненный Змей, губитель всех ведьм! Брехун вы, Василий Пуньков! Так, кажется, звучит ваше настоящее имя?

— А вот грубить не надо.

— Я лишь констатирую факт, что вы хам, быдло и предатель. И я вас скоро убью. И рука у меня не дрогнет.

— Да, — его глаза остро блестят. — Но оружие-то у меня.

— Ошибка. Теперь у меня. — Я перехватила пистолет и приставила его к груди оборотня.

— В нем обычные пули, — прохрипел тот. — А меня можно убить только серебряными...

— Договорились. Силой истинной ведьмы и властью, данной мне над всеми металлами, я повелеваю этим пулям стать серебряными! И бесшумными...

Он начинает превращаться в волка, вцепляясь когтистой лапой мне в бедро, и я стреляю. В этот момент на сцене взрываются хлопушки, и выстрела никто благополучно не слышит.

— Покойся с миром... волк, — говорю я мертвому зверю, распластавшемуся у моих ног. Через минуту он рассеется как призрак, и никто не будет выяснять, каким образом это животное проникло на праздничный концерт...

Концерт! Дуэт Снегурочки и Деда Мороза! Как же я могу это пропустить!

Я во все глаза гляжу на то, как кривляется Баронет вокруг ничего не подозревающей Анастасии. Хотя нет! Кажется, она все-таки заподозрила неладное, только не хочет устраивать шум, чтобы охрана не переполошилась...

Баронет

Расскажи, Снегурочка, как жила?

Расскажи-ка, милая, что пила?

Анастасия

От тебя, зловердный ты Дед Мороз,

Защитит меня только ПВО-с!

Баронет

А ну-ка, сдавайся и карты на стол!

Анастасия

На тебе, дед, велосипед!

И уезжай на тот свет!

Ля-ля-ля-ляля-ляля!

Баронет

Ждет тебя в суде дядя-прокурор,

Ты не унимаешься с давних пор!

Анастасия

Вот что я тебе, старый дед, скажу:

Только в твоём обществе посижу!

(Крики за кулисами: «Что за чертовщину они несут!!! Это не предусмотрено в программе!»)

Баронет

А ну-ка, давай-ка, кончай балаган!

Анастасия

Нет, Дед Мороз, есть тут вопрос!

Нужен японский мне босс!

Пропев последнюю фразу, Анастасия совершила великолепный гран-батман и приземлилась прямо на колени лже-Синдзену.

— Попался! — торжествующе завопила она.

— Попайся, попейся, — закивал головой морок и рассыпался ворохом разноцветных конфетти.

— Bravo! — взвыли зрители, полагая, что это был какой-то особенный концертный номер. Собственно, они были не так уж далеки от истины.

— Снегурочка! — призывно пропел Баронет. — Беги за мной, шалунья! У меня есть для тебя подарочек!

Анастасия выплюнула конфетти и, продираясь сквозь завесу из серпантина, кинулась к Деду Морозу.

— Танцуют все! — рявкнул Баронет, подхватил мою тетку и умчался с нею в никуда под гром музыки и аплодисментов.

Толпы танцующего народа в хлопьях искусственного снега, серпантине, мишуре заполнили зал, так что трудно было пройти. Я безуспешно пыталась пробиться к столику, за которым сидела наша славная компания, потом плюнула и вышла в полутемное фойе, спугнув своим появлением нескольких целующихся (и уже не только целующихся) парочек.

— Дедушка Мороз, где ты? — тихо позвала я, надеясь, что Баронет где-нибудь недалеко.

Побродив еще минут двадцать, я наткнулась на дверь с табличкой «Служебный вход. Посторонним вход запрещен». Будучи от рождения противоречивой натурой, я щелкнула над замком пальцами и толкнула дверь. За нею оказался коридор с вереницей надписей над одинаковыми белыми дверями: «Главреж», «Гримуборная», «Костюмерная-1»,

«Костюмерная-2». Меня как черт толкнул под ребро, и я вошла во вторую костюмерную.

Я не ошиблась в своих поисках.

На здоровенной гладильной доске, под свисающим с потолка ворохом балетных пачек сидела Анастасия и злобно сверкала глазами на Баронета, который острием шпаги вычерчивал вокруг нее пентакль.

— Что нам сделать с этой неутомимой в своих злодеяниях женщиной? — спросил у меня Баронет, не оборачиваясь.

— Не знаю, — пожала плечами я. — Тетушка, вы мне хуже смерти надоели! Вы понимаете, что у вас ничего не выйдет? Вы не успеете исполнить волю тэнгу, во-первых, потому что их уже депортировали из России за нарушение паспортно-визового режима. Да-да, а вы думали, что у нас тут магия по старинке: кто хочет, тот и топчет? А во-вторых, до Нового года осталось...

— Час сорок пять.

Я развела руками:

— Вы проиграли. Как известно, в момент наступления Нового года черное колдовство теряет силу.

— Погоди праздновать! — тетка пытается переступить пентакль, но не может. Со злости она принимается срывать с вешалок хвостатые платья для фламенко, цыганские шали, шелковые черные плащи испанских грандов. И все — себе под ноги.

— Мне хватит силы, чтобы поджечь себя! — свистящим шепотом говорит она. — И ты, моя совестливая ведьма-племянница, будешь каждую ночь видеть во сне, как я горю. А еще я прокляну...

— Нет! — кричу я. — Только не это! Баронет, пусть она замолчит!!!

— Это можно, — просто говорит мэтр. — Кстати, я ведь, старый дурень, внушкам подарок обещал...

— Какой?

— Живую козочку.

Мэтр хлопает в ладоши, и в пентакле стоит симпатичная, правда, очень худая и взлохмаченная коза.

— Вот, — говорит Баронет, — коза Настя. Полезное в хозяйстве животное.

Коза насыпала орешков из-под хвоста и заблеяла в тональности си-бемоль-мажор.

— Послушайте, мэтр, — нахмурилась я. — Вы ее, что, необратимо сделали козой?

— А ты до сих пор сомневаешься в моих способностях? Да мне внести коррективы в структуру ДНК — раз плюнуть! Я, может, прирожденный генный инженер! Мне сам Грегор Мендель руку жал!

— Ну-ну. Будем считать, что так.

— Нет, чем ты опять не довольна? Угрозу со стороны твоей тетки я окончательно ликвидировал, конфликт между Россией и Японией нейтрализовал... И внучкам — смотри, какой подарок сделал!

— Я эту животину близко к детям не подпущу! — отрезала я.

Баронет поразмышлял с минуту.

— Ну ладно. Есть у меня на примете человек, которому эта коза точно в хозяйстве пригодится.

Сказано это было загадочно.

Баронет хлопнул в ладоши, и коза исчезла.

— Так что, — спросил меня мэтр, — теперь уже идем праздновать? Шампанское будем пить из твоих туфелек, есть икру...

— Тоже из моих туфелек? Увольте. У меня есть другое предложение по программе встречи Нового года.

— Да?

— Да. Только отсюда мы уезжаем. Кстати, ваш роскошный лимузин еще при вас?

— Обижаешь, детка!

... Когда мы подошли к остальным членам семейства, те выглядели очень непразднично.

— С вашей стороны просто свинство исчезать вот так, бросать нас одних! — вскинулась мама.

— Пожалуйста, не обижайтесь! Авдей, поцелуй меня. И Баронета. Мы только что в очередной раз спасли мир.

— Вау! — хором восхитились дочери.

— А сейчас мы едем встречать Новый год по-настоящему!

— Это куда?

— Можно сказать, что в японский ресторан. Только сначала заедем за Инари и господином Синдзеном...

— Вика, куда мы едем? Я этой местности совсем не узнаю, одни леса, — волнуется мама.

Баронет, Инари и Авдей переглядываются со мной.

— Зато мы здесь все прекрасно знаем!

Посреди снегового поля возникает сказочный дворец, словно слепленный из сияющего позолоченного льда.

— Ух ты! Что это?! — ахают девчонки.

— Дворец драконов, — говорит Инари. — Теперь это так называется.

Мы идем по расстеленной в снегу ковровой дорожке, а вокруг, один за другим, вспыхивают фейерверки, римские свечи, колеса-шутихи. У моих дочерей восторженно горят глаза.

Посреди Дворца драконов возвышается великолепная елка.

— Бабочки! Смотрите, по веткам елки летают настоящие бабочки! — визжит Марья.

— Я рад, что твоим детям у нас нравится, Вика, — ко мне, улыбаясь, подходит бизнесмен-совратитель Павлов.

Авдей при виде Павлова напрягается, но тот — сама любезность.

— Авдей Игоревич, я вам немного завидую. У вас такая жена! А теперь позвольте вас познакомить с моей невестой.

И к Павлову подходит Инари.

— Ты что, замуж за него собралась? — мысленно кричу ей я. — Ты это серьезно?

— Да, — отвечает она. — Он хороший, хоть немножко бестолковый. И ему действительно нужен наследник. А я ведь тоже чистопородный дракон...

— У него дрянные манеры! Он даже не умеет завязывать галстук виндзорским узлом!

— Я его перевоспитаю...

Наивная Инари. Еще ни одной женщине не удавалось перевоспитать мужчину методом замужества. Впрочем, Инари не только женщина.

— Я тебе наколдую счастья, — тихо шепчу я.

— Вика, — спрашивает меня Баронет. — И где же твой японский ресторан? Пора бы уж и за столы садиться. До полуночи — всего ничего.

— О да! — встряхиваюсь я и подхожу к расписанной цветущими ветвями вишни перегородке в дальнем конце зала. — Позвольте вам представить: ресторан «Ветка сакуры»!

Четыре очаровательные, одетые в атласные кимоно, набеленные и насурьмленные дамы, постукивая тэта, провожают всех нас к столикам. Сервировка, праздничная икебана в нише, аромат благовоний и услужливость дам всех восхищают. Я жестом подзываю одну из них.

— Что угодно госпоже?

— Ну как вы тут, у драконов, устроились, Тамахоси? — тихонько спрашиваю я.

— Спасибо, все отлично, — улыбается бывшая зэчка.

— Вас никто не обижает? Ненужных вопросов не задает?

— Нет. Спасибо тебе, Вика. Ты нас спасла.

— Да ладно. С наступающим тебя, Тамарочка!

— И тебя! Пойду за шампанским и sake!

— Вика, — интересуется Баронет. — Это все сюрпризы на сегодня?

— Как же так?! А мы?

В залу вошли, держась за руки-проволочки, две непонятные фигуры, состоявшие, казалось, из огромного количества газетной и папиросной бумаги. Я взгляделась...

— Букс!!!

— Он самый, леди! — элегантно раскланялся макулатурный. — А это — моя жена. Ее зовут Букки.

— Каким ветром вас занесло в наши-то края?!

— У нас медовый месяц, — смущенно объясняет Букки. — Мы проводим его в главном депозитарии Российской государственной библиотеки. Это просто сказка!

— Выпьем за здоровье молодых! — кричит Баронет и осушает до дна бокал. — От себя лично я хочу преподнести им подарок: постоянное право посещения библиотеки Конгресса США.

— О! Это чудо! — шелестят ладошками макулатурные.

— Если б сейчас собственными глазами не увидел, ни за что не поверил бы в их существование, — шепчет мне Авдей.

— Ты многого еще не видел...

— Знаешь, Вика, главное, что я увидел тебя...

— Напиши об этом роман.

— Не стану.

— Почему?

— Потому что хочу заниматься воспитанием сына.

— Какого сына?

— Которого ты мне родишь. Если ты, конечно, не против.

Я смеюсь:

— Нет! Я только «за»!

— Внимание! — перекрывает общий шум голос Баронета. — Внимание! Всем наполнить бокалы! Передаю сигналы точного времени!...

Бом-м!

... Далеко-далеко, в глуши, где прячутся духи-тэнгу, больше этих духов не стало, и окружающие люди вздохнули спокойно.

Бом-м!

... Черная колдунья, творящая чары, чтобы сжить со света богатую соперницу, опрокинула себе на платье котел с кипящими саламандрами, после чего угодила в больницу, разучилась колдовать, и окружающие люди вздохнули спокойно.

Бом-м!

... Нецивилизованный вампир-маньяк уже догнал свою жертву — студентку библиотечного техникума, но на него кто-то с балкона выплеснул чесночные помои. Студентка спаслась, вампир уполз в склеп — скулить и зализывать раны, и окружающие люди вздохнули спокойно.

Бом-м!

... Сутенер, колотивший проститутку за то, что она отказывается идти на панель, вдруг вспомнил о своей малолетней сестре, заплакал и решил торговать помидорами, а не женщинами, и окружающие люди вздохнули спокойно.

Бом-м!

... Киллер, уже взявший на прицел заказанного клиента, неожиданно был укушен котенком, которого он придавил коленом. Он отшвырнул котенка, выругался, но клиент уже ушел, и киллеру захотелось окончательно плюнуть на свою собачью работу, и окружающие люди вздохнули спокойно.

Бом-м!

... Котенок, которого отшвырнул киллер, плакал, сидя у ржавого контейнера с мусором. В контейнере рылся замурзанный пацаненок, и когда нашел там кем-то выброшенный пакет с молоком, то поел сам и накормил котенка, и окружающие люди вздохнули спокойно.

Бом-м!

... Богатая, но бездетная семейная пара, проходя мимо, увидела и замурзанного пацана и котенка, немедленно вызвала такси и отвезла двух бродяжек жить на своей роскошной вилле. И жили они все вместе долго и счастливо, и окружающие люди вздохнули спокойно.

Бом-м!

... Критик Андрианов, сочиняющий очередную разгромную статью, порочащую творчество молодого талантливый фантаста, вдруг расколотил свой компьютер, купил билет до Оптиной пустыни, сделался там послушником, забросив литературоведение, и окружающие люди вздохнули спокойно.

Бом-м!

... В одной из многочисленных женских колоний вместо тухлой селедки на ужин неожиданно дали пироги с капустой, сыр, сметану, домашний творог, а также разрешили ежедневные свидания, и окружающие люди почему-то вздохнули спокойно.

Бом-м!

... Отец, самозабвенно поровший сына за очередную двойку в дневнике, вдруг отбросил ремень, сказал: «Прости меня, сынок», — и решил сыну задачи по математике в объеме всего учебника, и окружающие педагоги вздохнули спокойно.

Бом-м!

... Мать, вцепившаяся в волосы своей пятнадцатилетней дочери с криком: «Иди, купи мне водки!» — почувствовала острую боль в сердце. В больнице ей поставили диагноз: инсульт, и мать с тех пор не брала ни капли в рот, а дочке целовала руки за то, что та выносит за нею судно, и окружающие люди вздохнули спокойно.

БОМ-М!

... Жена и муж, между которыми черной кошкой пробежала измена, избегавшие прямо и честно смотреть друг на друга, затаившие обиду и стыд, вдруг заплакали и принялись целоваться, прощая друг другу все обиды...

И окружающие люди вздохнули спокойно.

— С НОВЫМ ГОДОМ!

Сдвинутые в едином радостном порыве бокалы прозвенели, как колокола. Я плакала и сияла одновременно.

— Вика, милая, почему ты плачешь?

— Потому что чудеса бывают.

— Конечно, бывают. Ты ведьма и вдруг таких простых истин не знаешь...

— Иногда что-то приятно узнать заново. Ты меня любишь?

— Да. А ты меня?

— Еще как!

Я закружилась по комнате под потолком, подхватила детей, и они взлетели вместе со мной.

— Ура! — кричали девчонки. — Новый год!...

Когда мы налетались, я вернулась к Авдею:

— Налей мне еще шампанского.

— Ты начнешь бузить.

— Конечно. Я же ведьма. А все ведьмы делают это.

Авдей пристально посмотрел на меня благородно-нефритовым взглядом:

— Что именно *это*?

Я обняла его и сказала:

— Контрольное тестирование. Догадайся с первой попытки.

... За окнами Дворца драконов взлетел и рассыпался тысячью звезд новогодний фейерверк.

ЭПИЛОГ

191-й километр разезда Елдышовка-Серюково затерян в глухих лесах и известен разве что завзятым грибникам и ягоdnикам. Поезда, даже пригородного сообщения, останавливаются здесь крайне редко, а если и стоят, то не больше минуты. Да и что им тормозить возле полуосыпавшейся асфальтовой платформы, единственным украшением которой является ржавая вывеска, прикрепленная к погнутому временем фонарному столбу без фонаря...

По обе стороны рельсового полотна сразу, плотной стеной начинается смешанный лес. Ближе к дороге, а значит, к свету и свободе тянутся березы, белыми своими коленками утонувшие в кустах волчьего лыка, шиповника и бузины, но, если шагнуть глубже в лес, покажется он мрачным, темным и неприветливым, как дед-боббль. Поэтому редко кто отваживается торить тропу под сумрачные своды разлапистых елей и матерых лип с корой, похожей на камень...

Впрочем, одна, едва заметная тропа от платформы в лес все-таки тянется. И если кто любопытства ради пойдет по ней, поминутно спотыкаясь о вывороченные из земли корни да полусгнившие пеньки, то примерно через четверть часа пути выйдет он к окруженной со всех сторон лесом поляне, на которой стоит крепкая и ладная изба.

В этой избе с недавнего времени поселился путевой обходчик — немногословный, мрачноватый мужчина, из-за седой бороды лопатой кажущийся древним стариком. Но на самом деле он еще вполне крепок и неутомим, и если бы не борода, то можно было бы сказать, что выражением лица этот мужчина напоминает трансформаторную будку.

Мужики из ближайшей, километрах в пятнадцати деревни сначала приняли было этого обходчика за лешего: сколь лет-то прошло, как помер последний обходчик забытого разезда, и никого на эту завалющую должность не присылали, а тут- на тебе! Не беглый ли это бандит или бизнесмен, которого достал рэкет, что, в принципе, одно и то же?! Но все быстро разъяснилось. Новый обходчик представил положенные документы, а к документам — четвертную бутылку трижды профильтрованного сквозь древесный уголь самогона и кой-какую немудрящую холостяцкую закуску. Обходчика признали за своего и звали в гости — в деревню.

Но в деревне, на людях мужчина старался не показываться. Пару раз в месяц зайдет в покосившийся сельмаг, наберет полную авоську консервов «Завтрак туриста», соли, спичек, сахару, макарон и даже не глянет лишний раз в сторону томно вздыхающей по крепким мужским объятиям продавщицы-вековухи.

Питался мужик в основном плодами рук своих. Перекопал и удобрил возле избы пару соток, насажал картофеля, репы и морковки, а потом и вовсе приволок откуда-то козу — тощую, клочкастую, с противным хриплым голосом и таким же противным характером. Однако молоко коза давала исправно. Звали козу Настькой. Самой же главной своей гордостью, можно даже сказать, страстью этот человек почитал разведение капусты.

Поначалу, как узнали в деревне, что выписал через почту мужик семена сортовой капусты, принялись посмеиваться: сбрендил без бабьего присмотру, вот и чудит. Однако обходчик принялся за дело с умом, кропотливо и без особой спешки. И скоро на ровных делянках, отмеченных березовыми колышками, росла-кудрявилась не только известная всему народу простушка-белокочанная, но и редкие для глухих этих мест цветная, савойская, пекинская, брюссельская, мудреная кольраби.

На это диво даже специально приходили поглядеть деревенские бабы, любовались и разнообразной капустой, и хозяйственным мужиком (не чета своим-то алкашам!), просили

рассаду и совета, как лучше сажать.

Мужик рассаду давал безропотно, но почему-то на деревенских огородах она не приживалась, сколь ни бились огородницы, стремясь догнать и перегнать лесного капустознатца: то ударяли заморозки, то обгрызали капустные листики прожорливая тля да мушка, от которых не спасали ни дуст, ни хлорофос... И оставались бабы не при делах, тогда как обходчик снимал по осени колоссальный урожай и отвозил его в райцентр, где была школа-интернат для слабоумных детей...

Одним словом, жизнь обходчик вел тихую, незаметную, никому дорогу не переходил, дело свое делал исправно, на скудость зарплаты и жилья не жаловался. Вскоре в деревне его стали считать за блаженного и даже беглого монаха и иногда переживали: как он там один, без бабы управляется? Особенно зимой, когда рыщут по лесу наглые голодные волки и сверкают свинцовыми глазками...

Иногда, особенно в грибную либо охотничью пору, навещали обходчика мужики, чтоб узнать — здоров ли Петрович, не задрал ли его еще какой-нибудь медведь-шатун, не одолела ли его болотная лихоманка... Петрович, однако, к приходу мужиков всегда бывал в норме, гостям особо не радовался, но и с порога не гнал. Доставал припасенную четвертину, потчевал квашеной капустой, моченой брусникой, жареной зайчатинкой, картошкой с грибами.. Сам, правда, не пил, только усы мочил для вида и компании. И слушал, что балагурят подвыпившие мужики про мировую политику да про народную бедность, да про беспутство бабье...

— Петрович! — подступались иной раз мужики. — Что ты инда бирюк — о себе ни слова не вымолвишь. Кем ты был да где работал, покуда к нам не попал?

Но обходчик умело обращал такие вопросы в шутку, подливал мужикам самогону, а потом заботливо клал их в сених избы — проспаться. Наутро мужики, опохмелясь, уходили по грибы, Петрович доил козу или копался в огороде, и жизнь шла своим чередом.

... Хорошо, что не приходили мужики к Петровичу в те колдовские ночи, когда полная луна набирала свою силу и заливала мертвенным, серебряным светом притихший лес. В такие ночи обходчик напивался вусмерть, брал лопату либо грабли и, выйдя на засиневший под луной двор, принимался вытворять такие приемы, какие только в кино показывают про всяких каратистов и стивенов сигалов... Напрыгавшись и намахавшись, обходчик выгонял лопатой свою козу из загончика, и, когда та, истошно бляя, принималась нарезать круги по двору, Петрович, страшно выпучив остекленелые глаза, потрясал лопатой и кричал:

— Я тебя порешу-таки, Анастасия, ведьма проклятая!

К утру Петрович трезвел, обливался ледяной водой из выкопанного им колодца и шел в избу спать. Измученная коза отлеживалась меж капустных грядок и сопела, как проколотый футбольный мяч. Кругом воцарялась ненарушаемая благостная тишина.

И эта тишина лечила засыпающего полковника Кирпичного от ночного буйства и от всех прошлых ужасов, которые пришлось ему пережить. Полковник Кирпичный спал, и снилось ему, как капустные кочаны превращаются в пухлых белых бабочек и радостно кружатся над кудрявыми верхушками елок и лип... Дрон Петрович улыбался во сне, и не было ему больше никакого дела ни до ведьм, ни до того, чем эти ведьмы занимаются.

Тула, 2002-2003